

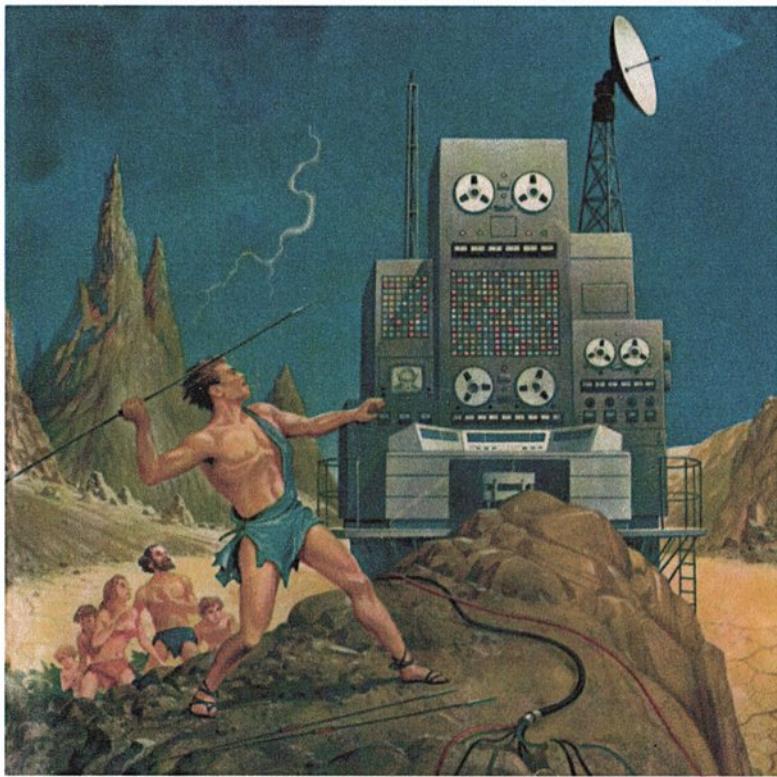
Кейт Лаумер

Библиотека англо-американской классической фантастики

БОМБА ВРЕМЕНИ

Кейт
Лаумер

Том 1



СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

БОМБА ВРЕМЕНИ



Библиотека англо-американской классической фантастики

БОМБА ВРЕМЕНИ

Кейт Лаумер

том 1

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ



«БААКФ»

2017

БААКФ-28 (2017)

Клубное издание

Кейт Лаумер. БОМБА ВРЕМЕНИ.
Сборник фантастики.
(а.л.:9,64)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»



Джон Кейт Лаумер
(John Keith Laumer, 1925 — 1993)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ
НЕПОДРАЖАЕМЫЙ ЛАУМЕР

Как ни странно это звучит, но писать о людях знаменитых и всем известных труднее, чем открывать новые таланты. В частности, Кейт Лаумер (честно говоря, мне больше нравится транскрипция его имени Кит, но в самой большой русскоязычной библиографии он заявлен как Кейт, поэтому я стал придерживаться того же, чтобы не множить ошибки) известен всем, кто любит фантастику, неоднократно писалась и переписывалась его биография, составлена полная библиография произведений. Поэтому, чтобы не повторять уже пройденное и известное, я решил просто написать о своем отношении к этому автору.

Впервые с творчеством Лаумера я познакомился в конце 1980-х годов, когда сам занимался переводами и обменивался результатами своих трудов с другими фанатами фантастики. При этом мне повезло вдвойне. Первым романом, попавшим мне в руки, был «Берег динозавров» — жемчужина как в англо-американской фантастике, так и в творчестве самого писателя, к тому же очень характерное произведение для его манеры и стиля. После прочтения «Берега» я был очарован им, наверное, уже навсегда. После, уже в девяностых, было много других произведений, и замечательная трилогия про космического жулика Лафайета О'Лири, и

дилогия (тогда) «Мирры империума», и, разумеется, множество рассказов про космическую дипломатию. Надо отметить, что цикл «Ретиф» написан неровно. В этой громадной серии есть и свои взлеты, и провалы. Но в целом она заслуживает самого пристального прочтения всех любителей фантастики.

Кейт Лаумер меня поразил не только лаконичностью стиля и динамикой повествования. «Фишкой», так сказать, писателя являются лихо закрученные сюжеты, донельзя усложненные, с крутыми поворотами и неожиданными концовками. Читать это неимоверно интересно. Лаумер никогда не скрывал, что писал чисто развлекательные произведения, не несущие в себе никакого серьезного подтекста (хотя в ряде вещей сильны и сатирические мотивы). Поэтому, подбирая произведения для данного двухтомника, я руководствовался именно этими соображениями. В «Машине грез» и «Чудесном секрете», например, как раз и демонстрируется эта лихая закрутка, когда постоянно меняется направление действий, тасуются мотивы героев и даже цель их усилий.

Сюжет «Бомбы замедленного действия» немного более прямолинеен, хотя не без каверз, но в нем все равно присутствуют метания героя, который пытается отыскать правду о существах, захвативших владения Человечества: кто они, друзья или враги, Добро несут или Зло?

В общем, работая над переводами этих произведений, я получил немало удовольствия, которым делиюсь теперь с читателями этого двухтомника.

Всего вам доброго.

Андрей Бурцев

Big! MORE PAGES • MORE STORIES!

First In Science Fiction • Since 1926

Amazing

AUGUST 50¢

stories

ROBERT F. YOUNG *City of Brass*

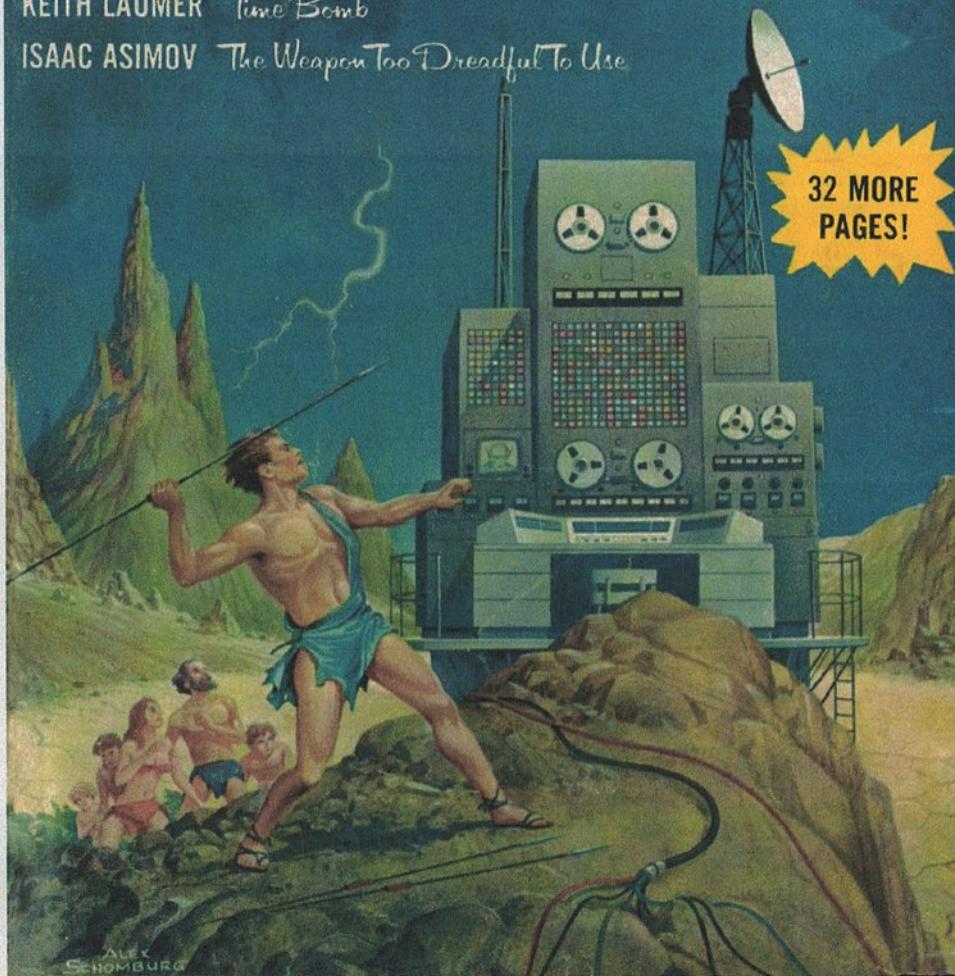
KEITH LAUMER *Time Bomb*

ISAAC ASIMOV *The Weapon Too Dreadful To Use*

HASSE
and RAY
BRADBURY'S

Final Victim

32 MORE
PAGES!



БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

1

СТОЯЩИЙ НА карауле у бивачного костра снял с предохранителя арбалет, прислушиваясь к звуку, который вывел его из легкой дремоты. Затем вскочил, когда камешки застучали по твердой земле под чьими-то ногами.

— Кто там? — крикнул часовой, уставившись в темноту, ничуть не освещенную умирающим за спиной костром.

В круг света от костра вошел какой-то человек в кожаной клетчатой юбке-килте и рваной меховой накидке. Каштановые волосы его давно не подстригались, а на щеках темнела двухнедельная щетина. Через плечо у него висел лук, а у бедра был кинжал в ножнах. Ребра, выступающие под мощными мышцами груди, показывали, что он истощен.

— Йондор! — воскликнул часовой, опуская свое оружие. — Мы думали, что ты умер еще десять дней назад!

Человек по имени Йондор подошел к костру, язычки пламени бросили красноватый отблеск ему на лицо, когда холодный ветер раздул тлеющие уголья. И сквозь щетину и усталость, стало видно, что это совсем еще молодой человек.

— Я и умер почти что десять дней назад, — ответил он ровным голосом.

— Да, похоже, у тебя были трудные деньки. От тебя остались лишь кожа да кости.

Йондор кивнул, глядя на огонь.

Часовой покосился на него.

— Нашел что-нибудь? — небрежно спросил он.

— Внизу барьер, — так же небрежно ответил Йондор.

Часовой кивнул, затем хмуро отвел глаза. Это был человек лет сорока. Загорелый и толстый в талии.

— Черт, этого не может быть, — почти сердито пробормотал он.

Йондор направился мимо костра к деревенским хижинам.

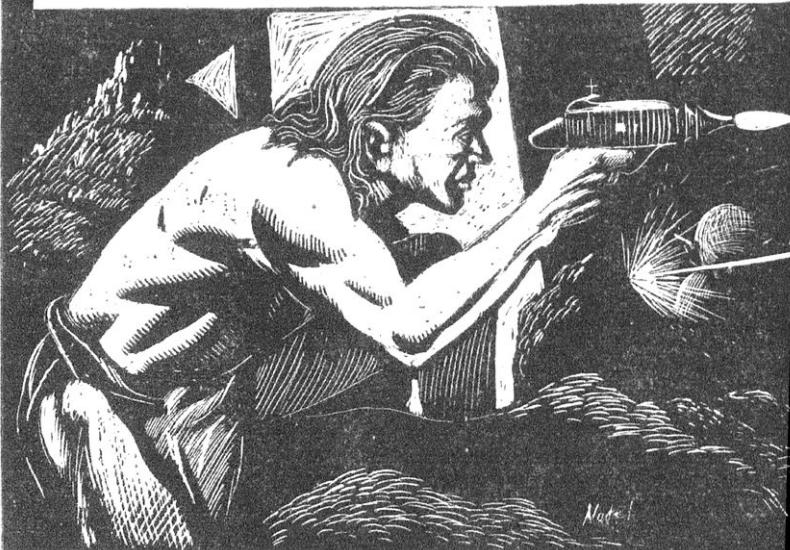
— Смотри в оба, Хаш, — сказал он. — Нынче вечером в долине охотится стая волкошек.

Часовой окликнул его, но Йондор даже не обернулся, направляясь к самой большой хижине в конце короткой деревенской улицы. Он наклонил голову, проходя в завешенный шкурой вход, и сощу-

TIME BOMB

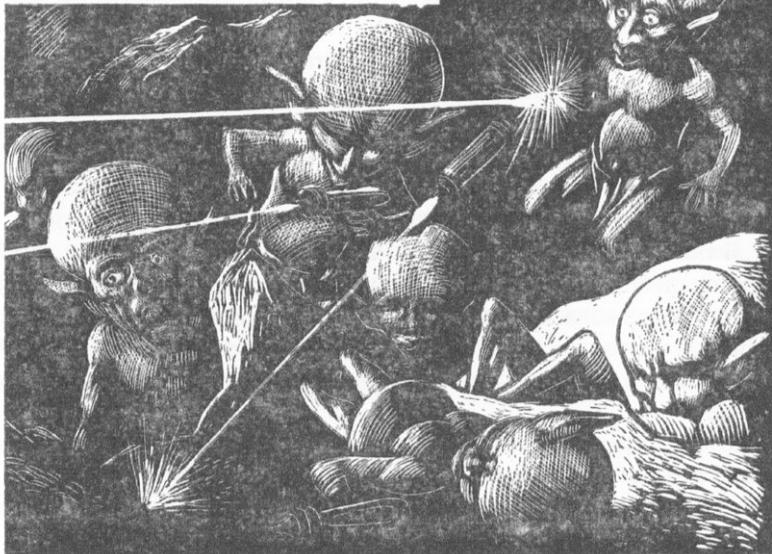
By KEITH LAUMER

Illustrated by NODEL



рился от яркого света внутри. Крупный человек с густыми желтоватыми волосами и резкими морщинами вдоль носа оторвал взгляд от обтесанных камней, которые раскладывал на кучки. Короткая заплатанная накидка из поношенного серого материала закрывала его мощные плечи, загоревшие и обветренные, а ряд шрамов на левом бицепсе ясно выделялись бледными черточками на загорелой коже. На его могучей шее висели на ремешке два металлических украшения в форме птиц с расправленными крыльями. Позади него горел в очаге огонь, мерцая на грязной золотой оплётке накидки. Он посмотрел на Йондора без всякого выражения на суровом лице.

Man's Galactic Empire has shrunk to a mere 2,000 cubic light-years of space—but what of it? Doesn't Mankind live in peace and harmony with the strange Tewks? But on a far out-world time is running out—because the Barrier is down, and Yonder the hunter has set out to learn what lies beyond.



— Ты вернулся, — проворчал он.

Йондор, не снимая лука, сел за стол напротив хозяина. Посмотрел на стопку книг на неровной полке на глиняной стене, на две узкие койки — просто каркасы из стволов молодых деревьев, с наброшенными шкурами — и почерневшие от времени металлические предметы, стоявшие на самой высокой полке, под провисшей соломенной кровлей.

— Плохо выглядишь, — уголком рта процидил светловолосый и двинул через стол к гостю глиняную тарелку с желтоватой глыбой сыра, а возле тарелки поставил глиняную же бутылку.

— Как быстро мы можем напасть на лагерь?

Йондор отрезал кусок сыра, не сводя глаз с хозяина.

— Напасть на лагерь? — повторил тот, и склонился над столом. — Какие еще предложения?

— Это не предложение, — сказал Йондор.

ЗДОРОВЯК ТАК саданул кулаком по столу, что зазвенели расположенные на нем кремни.

— Здесь пока что я Капитан, парень, — пролаял он.

— А до Барьера десять дней ходу, — сказал Йондор, словно не слышал собеседника.

— И что? — пожилой горящими глазами уставился на лицо Йондора.

— Мы должны быть готовы отправиться в путь через двадцать четыре часа.

На висках Капитана вздулись жилы, челюсти напряглись.

— Ты слишком долго отсутствовал, — процидил он сквозь зубы. — И где-то потерял свое остроумие.

Йондор снова не обратил внимания на то, что его прервали.

— Я обнаружил, что Северная Равнина свободна от снега. Я пересек предгорье Старой Цепи за два дня и нигде не встретил льда. Трясина задержала меня, мне пришлось построить плот, чтобы перебраться через нее. Она была совершенно растаявшей.

— Она таяла, еще когда я был ребенком, — кивнул старик. — А что дальше?

— Когда я достиг Длинного Склона, то нашел новую реку. Двигаться там было трудно. Склон горы был изрезан оврагами, а в оврагах появились заторы из валунов и сплавного леса. — Йондор протянул руку и погладил свое бедро. — Я подвернул там ногу и вынужден был отлеживаться целую неделю. Затем за день закончил подъем.

— Что?

— Ледник растаял и спустил все валуны вниз с горы. Проход очистился. Даже ребенок смог бы пройти там.

— А потом ты?.. — старик пронизывающе взглянул на Йондора.

Тот кивнул.

— Высокое плато, окруженное стеной. Куча камней и всякого мусора, который притащил с собой ледник.

— И нет никаких... строений?

Йондор покачал головой.

– Ледник стер бы все постройки там, где прошел.

Капитан издал длинный шипящий вздох.

– Так, значит, там нет ничего...

– Большая часть установки находилась под землей...

– **ТВОЯ ВЕРА** беспочвенна, Йондор, – проворчал старик. – Было время, когда ты не отрывался от реальности.

Йондор поднялся, подошел к полке, снял тонкую книгу в черном переплете, ее страницы были заполнены рукописным текстом.

– В Журнале сказано достаточно ясно, – сказал он. – Там сказано, что мы должны вернуться...

– Это просто назидательная история, – сказал старик. – Аллегория. Ее нельзя понимать буквально. Станция символизирует недостижаемый идеал, откуда были изгнаны наши предки. Барьер – символ всего, что находится вне человеческих понятий...

– А теперь Барьер исчез.

– И что ты хочешь, сказать это *им?* – капитан махнул рукой в сторону спящей деревни. – Там тысяча восемьсот человек. Станция для них – символ веры...

– И для меня тоже, – вставил Йондор.

– Йондор, здесь мы живем в безопасности, – сказал старик. – Вода, лес, всего достаточно для выживания – пока мы верим, что когда-нибудь вернем наш потерянный рай, изолированный барьером, через который не может проникнуть ни один человек. А теперь ты хочешь, чтобы я повел туда Экипаж... И что они там увидят? Бесплодную равнину, груды камней. И мечта умрет там вместе с ними!

– А если это не просто мечта?

– Послушай меня, парень, – голос Капитана стал мягким, почти что нежным. – Я тоже верил, когда был молод. У меня были замечательные мечты. В старых книгах была описана великая цивилизация США, ужасная война и очень опасная миссия, порученная нашим предкам, миссия, для выполнения которой нас однажды призовут. Это заставляло меня чувствовать, что я являюсь *кем-то*, что у моей жизни есть назначение и цель. – Он помолчал, впившись в лицо Йондору горящими из-под седых бровей глазами. – Ну, так вот, клянусь всеми Девятью Кругами Ада, у жизни действительно есть назначение! И называется оно Выживание! Мы не откажемся от него, чтобы отправиться за мифом пряником к гибели!

– И вы удовлетворены этим? – Йондор кивнул на грубую хижину и жалкую деревушку снаружи.

- Я принимаю действительность.
 - Вы?
 - А чего достигнешь ты?
- Йондор отбросил накидку, обнажив широкий, полузаживший шрам, протянувшийся через плечо. Челюсти старика напряглись.
- Ну, и?..
 - Я только расчистил проход. И там был звук – странное такое жужжание, словно жук, только увеличенный в тысячу раз. Затем из-за отрога горы появились сани. Я увидел их под открытым небом.
 - Сани? Никто из наших людей не ездил в ту сторону...
 - На санях сидел водитель, маленький, не больше десятилетнего ребенка. Лицо у него было розовым, как свинья.
 - Ты пытаешься мне сказать...
 - Сани ехали по воздуху, метрах в двадцати над верхушками деревьев. Водитель заметил меня и повернул в мою сторону. Я попытался добежать до ближайшего укрытия метрах в двухстах ниже по склону. Но тут меня поразил выстрел.
 - Продолжай.
 - Я упал и лежал неподвижно. Он опустил сани на землю, остановился и пошел осмотреть меня. Я схватил его и задушил. Убить его оказалось легко.
 - Капитан встрыхнул головой, как человек, пробуждающийся от кошмарного сна.
 - Так ты говоришь, что видел этого... этого гоблина вблизи? Того, что напало на тебя.
 - В Журнале они называются тыюки, – сказал Йондор.
 - В Журнале! – Старик было вскочил, но тут же опустился обратно на место. – Книги иссущили твой разум! Никаких тыюков не существует и никогда не существовало! Они лишь часть древних символических рассказов: персонифицированное зло. Не стоит выдумывать маленьких зеленых чертят ради объяснения зла, парень! Зло лежит в сердцах многих людей!
 - Но этот символ пытался убить меня, – спокойно ответил Йондор.
 - Капитан Граннет поглядел на Йондора почти что с жалостью.
 - Ты болен, – сказал он. – Ты даже похудел с голодухи и где-то получил этот мерзкий ожог. Это повлияло на твой ум.

Йондор откинулся на спинку кресла, открывая кошель, пришитый к его килту. Вынул что-то из кошеля и протянул на ладони старику. Это

было нечто похожее на высохший сероватый палец с отполированым когтем. Рот старика невольно открылся.

- Ч-что это? – неожиданно тонким голосом воскликнул он.
- Шкура тыюка оказалась очень прочной, а рана моя ужасно болела. Поэтому я сумел обрезать только палец.

Капитан протянул руку, взял ужасный трофеи, и, повернувшись, внезапно бросил его на раскаленные угли в очаге. Палец задымился и вдруг его охватило маслянистое пламя. В ноздри людям ударила нестерпимая вонь.

- Не знаю, что ты там видел, Йондор, – сказал старик. – И меня это не интересует. Что бы там ни было... пусть все остается по-прежнему.

– Уничтожением доказательств ничего нельзя изменить, – спокойно сказал Йондор. – Тьюки реальны. Как и Станция. Мы должны найти ее.

- Ты хочешь уничтожить наш образ жизни из-за легенды, которую старики рассказывают детям у бивачных костров?

– Такой образ жизни не стоит сохранять.

Старик пристально поглядел на молодого.

– Я знаю, что был тебе плохим отцом, парень...

– Вам было не до этого, – перебил его Йондор. – Вы исполняли свой долг, Капитан.

– Сынок... я умоляю тебя. Забудь все, что бы ты там ни видел.

– Нет.

Плечи старика рассерженно сгорбились. Он снова хлопнул рукой по столу.

– Я не могу помешать тебе рассказывать о том, что ты видел – или что тебе почудилось, – сказал он. – Разве что убью тебя прямо сейчас... но я не хочу это делать. Но как только твой рассказ распространится, найдутся глупцы и горячие головы, которые захотят пойти и все лично проверить. Я заключу с тобой сделку. Никому ничего не рассказывай, а я дам тебе десять человек и припасы. Так пойдет?

Йондор кивнул.

– Я принимаю это, – сказал он, встал и направился было к двери, но на полпути обернулся к старику, уставившемуся ему в спину.

– Мне будет нужен талисман, – сказал он.

– Это знак Капитана Управления, – хрипло сказал старик. – Мне он тоже нужен.

Но потом он подумал и нехотя кивнул.

– Ладно, я дам его тебе.

– Спасибо, отец, – сказал Йондор.

– Пошел к черту! – буркнул Капитан.

В сером предрассветном свете Йондор ждал, когда у главного костра соберутся все участники похода. Из темноты возникла грузная фигура Капитана.

– Они... все собрались, – сказал он. – Так что можете убираться.

– Но здесь только семь мужчин, – возразил Йондор, пристально глядя на отца, такого же рослого, как и он сам, но весившего килограмм на пятнадцать больше.

– Ты забыл о двух женщинах.

Йондор осмотрел свою группу.

– Они – жены Лока и Ханно, – сказал он. – Я думал, что они пришли просто проводить своих мужей.

– Мужчины не обойдутся без их помощи. Я должен был им кое-что рассказать. Они считают, что направляются прямиком в мифический рай.

– Ну, ладно, по крайней мере, они умеют стрелять из луков. Но это все равно только девять человек.

– Десятый – я.

– Вы? – Йондор уставился в лицо старика.

– Я же сказал, что талисман будет с тобой. А куда он, туда и я.

– Так вы *действительно* верите...

– Капитан никогда не теряет своей веры – до самой смерти. Я верю талисману.

ЙОНДОР ЛИШЬ покачал головой.

– Не талисману, а тому, что он символизирует.

– Называй, как хочешь. Начинай же поход.

– Еще одно, – тихо сказал Йондор. – В этом походе... приказы буду отдавать я.

– Конечно. Веди же нас.

Йондор кивнул, скомандовал собравшимся членам маленького отряда и пошел по тропе на север.

2

Йондор стоял у начала россыпи гравия в километр длиной, уходившей в расселину между рядами острых как ножей скалистых пиков. Рядом с ним был Капитан. Позади растянулась вереница из семи мужчин и двух женщин, лица их были усталые после десятидневного похода по тропе, вышедшей, наконец, из густого леса и направившейся прямо в расселину.

— Я бы не поверил, если бы не увидел это собственными глазами, — проворчал старик. — Тридцать лет назад здесь лежал лед восьмидесятиметровой толщины. А теперь здесь почти что лето.

— Тыюки, наверное, уже нашли того, кого я убил, — сказал Йондор.

— Если так, то нас может ждать теплый прием. Где ты спрятал сани?

— Вон там, — ткнул рукой Йондор. — В углублении под высокой скалой.

— Может, он был просто бродягой... или разведчиком, — проворчал Капитан.

— Возможно.

Йондор отдал команду, и люди двинулись дальше. Мужчины, бородатые и грязные, женщины с короткими, взлохмаченными волосами, все в кожаных килтах и сандалиях, все шли, не сводя глаз с Прохода впереди. У всех были луки, а у нескольких еще и копья. Небо над пиками было глубоким, голубовато-серым. На севере собирались тяжелые облака.

— Проливной дождь может создать нам проблемы, — проворчал старик. — Нужно было дождаться конца весны.

— Мы и так слишком долго ждали.

Капитан осмотрел вершины пиков.

— Знаешь ли, мы можем идти прямо в ловушку.

— Мы уже больше сотни лет идем в ловушку, — возразил Йондор.

— Мы пойдем сейчас или никогда.

Они шли по узкому проходу между высокими каменными стенами. Ароматный весенний воздух стал холоднее, из иссия-черных туч ударила далекая молния, на миг осветив пики скал противоположной стены, ярко вспыхнувшие на фоне черного неба.

— Вон тот двойной пик, — указал Йондор, — наша первая контрольная точка, о которой упоминается в Журнале.

— Это ты так считаешь. Ледник мог изменить топографию всего, что здесь было давным-давно.

— Но только не высокие пики. Мы последует этим курсом, пока не пересечем линию самых высоких пиков, тянущуюся с востока на запад.

— И что тогда? — старик уставился на усыпанную галькой равнину. — Парень, там же ничего нет.

— Журнал дал нам инструкции, и я буду следовать им.

КАПИТАН ПОКАЧАЛ убеленной сединами головой.

— Талисман, да? Волшебный оракул. Мне жаль увидеть твоё разочарование, но лучше так, чем смотреть, как медленно, всю жизнь, умирают твои надежды — как в свое время умирали мои.

— Может, они еще не умерли, как ты думаешь, — сказал Йондор и двинулся дальше.

Остальные последовали за ним.

За полкилометра до круга стен посреди равнины Йондор остановился, поджидая остальных, растянувшихся позади на пересеченной местности.

— Вон до того места, — сказал он, — я мог добраться.

— Ну, а дальше что, Йондор? — спросил Капитан, озирая кучи валунов, оставленных дрейфующим ледником, который теперь растаял. — А теперь ты не хочешь признать свою ошибку?

Йондор покачал головой и велел отряду собраться вокруг него. Затем повернулся к старику.

— Дайте мне талисман, Капитан, — очень тихо сказал он.

Старик глянул на него, сощурив глаза.

— Не глупи, — мягко сказал он. — Ты ведь на самом деле не ожидаешь, что произойдет чудо?

— Я ожидаю, что произойдет то, о чем написано в Журнале.

Капитан шагнул вплотную к Йондору.

— Послушай ты, молодой идиот! — тихонько прорычал он. — Если они увидят твою неудачу, тут начнется настоящий Ад! Просто сделай несколько таинственных пассов, а затем скажи людям, что духи поведали тебе: вы должны уйти и вернуться лет через сто, потому что мы еще недостойны...

— Талисман, — Йондор протянул руку, ожидая.

— Я не отдам символ своей власти.

Йондор сунул руку в кошель у себя на поясе и достал оттуда какую-то кривую загогулину из отполированного металла.

— Коготь был не единственным, что я взял, — по-прежнему тихо сказал он. — Вот то, из чего стрелял в меня тыюк.

Старик не отрывал глаз от лица Йондора.

— А что, если я просто повернусь и уйду?

— Тогда я убью тебя и заберу талисман, — твердо ответил Йондор.

— И уничтожишь дисциплину, которая сплачивает нас, как Экипаж?

— Это уже неважно.

— Я уже открывал эту коробочку, — прошипел Капитан. — Я никому не рассказывал об этом. И ничего не произошло — понимаешь, вообще ничего! Думаю, это, наконец, и заставило меня понять...

— Дай его мне! — голос Йондора прозвучал, точно удар кнута.

Капитан стиснул губы в жесткую линию. Затем полез под плащ, достал маленький, плоский, серый металлический ящичек и молча протянул его. Йондор взял ящичек и высоко поднял его. Мужчины и женщины его маленького отряда с любопытством уставились на него.

– Вы все читали Журнал, – громко сказал Йондор. – Или вам читали его вслух. Там говорится, что когда мы придем на то место, где была Станция наших дедов... то талисман скажет нам, что делать дальше...

– Но тут же ничего нет, Йондор! – изумленно воскликнул кто-то.

– Где большие хижины наших предков?

– Капитан! – крикнул другой. – Куда это вы нас привели?

– Слушайте! – прорезал нарастающий гам голос Йондора. – Сейчас с нами будет говорить талисман... – Он поймал взгляд Капитана, – ...или все, о чем мы читали в Журнале, просто ложь, а наши деды – лжецы.

Среди собравшихся разнесся стон, бормотание, затем наступила тишина. Все глядели, как Йондор, держа ящичек на виду, нащупал рычажок, нажал на него, затем снял крышку. Внутри лежал тускло поблескивающий черный предмет величиной с человеческую руку, покоявшийся на губчатом ложе из белого пенопласти. Рядом с ним были два ряда крошечных цилиндриков, на вершине каждого было нанесено число. Члены отряда наивно разинули рты. Йондор осторожно поставил ящичек на камень у своих ног, достал черный предмет, перевернул. На одном его конце было круглое отверстие. Йондор выбрал цилиндр с цифрой 1 и сунул его в отверстие. И тут же в отверстии замерцал янтарно-желтый свет.

– Следующая запись, – раздался ясный, но какой-то оловянный голос. – Первое мая...

Пораженный Йондор чуть было не выронил предмет из рук. Предмет чуть слышно гудел, Йондор почувствовал, как по лбу течет пот.

Он не живой, сказал он про себя. Это знание людей, которые были нашими предками...

– Я Боевой Капитан Уилмотт, командир Сторожевой Станции номер один, – продолжал тем же ясным голосом со странным акцентом предмет в руках Йондора. – Снег продолжает идти уже девяносто три дня, и я вынужден эвакуировать Станцию. Загрязнение верхних слоев атмосферы частичками пыли в результате уничтожения внутреннего спутника создало аномальные погодные условия по всей планете...

ЧЛЕНЫ ОТРЯДА отпрянули назад, широко раскрыв глаза и разинув рты. Капитан, правда, остался на месте, на его лице было написано изумление. Ропот голосов становился все громче.

— Тихо! — закричал Йондор. — Это всего лишь машина... О подобных вещах сказано в Журнале! Не надо ничего бояться!

Но сам он чувствовал, как по лицу катятся струйки пота.

— ...проложим путь на юг, установим там временный лагерь и переждем зиму, — продолжал говорить голос. — Мы не знаем, на сколько времени лед закроет нам путь назад, потому что уже теперь он стал десять метров толщиной по всей равнине. Наши отопительные системы не в состоянии обогревать Станцию. По оценке моих метеорологов, похолодание может длиться много лет. Если будет так, я не могу не учитывать возможность того, что сам не смогу присутствовать при открытии Станции. Поэтому я записываю здесь точные инструкции для человека, который будет заниматься этим. Очень важно, чтобы они были соблюдены буквально...

Все девять членов отряда отступили, лишь Капитан остался на месте, оскалив зубы от напряжения.

— ...может выйти из строя под давлением льда, — говорил тем временем голос. — К счастью, главные установки расположены под землей. Доступ к ним может быть получен при помощи цилиндрика номер 2. Он передаст на специальной волне код из двенадцати символов, который инициирует механизм, что втянет защитную крышку со Входа Номер Один, ведущего к основной энергостанции, транспортному отделу...

Йондор выхватил цилиндрик из отверстия. Голос прервался на середине фразы, свечение погасло.

— Стойте на месте! — рявкнул он, опустился на колени и вставил в отверстие цилиндрик, пронумерованный двойкой. Желтый свет снова замигал. Одновременно возле подножия обнажения скалы послышался скрежет. Задрожали тяжелые валуны, из-под земли раздался грохот и скрип металла о камень. В усыпанной камнями земле появилась длинная трещина. В нее посыпалась камешки и ветки. Трещина расширилась, стала зияющим люком, в котором был виден серый металл. Грохот изменил тональность. Из люка выползло что-то массивное, большое, как хижина, удивительно гладкое, покрытое красными, белыми и розовыми глазками. На верхушке его раскрылось отверстие, из которого высунулся длинный стержень. Вокруг него скользнули назад другие панели, открывая какие-то квадраты, гладкие, как лед, выстроившиеся рядами. На вершине стержня появилось нечто круглое, точно гигантская тарелка. Пока Йондор смотрел, тарелка начала вращаться, немного

наклонилась и зафиксировалась, точно уставившийся в небо глаз. Теперь стала видна ее металлическая основа – гладкая колонна полированного металла с блоком металлических стержней, доходящих до платформы, окруженной другими металлическими панелями. Столько металла Йондор в жизни своей не видел. Длинный стон вырвался у отряда, когда большая машина замерла, нависнув над ними. Затем послышались крики, крики страха, проклятий и древних молитв.

ЙОНДОР ПОВЕРНУЛСЯ к перепуганным людям.

– Не надо ничего бояться, – сказал он, стараясь, чтобы голос его не дрожал. – Это всего лишь машина, созданная людьми, чтобы служить людям. Она принадлежит нам.

– Это дьявольская вещь! – закричал кто-то. – Она вышла из земли, плялится на нас сотней глаз и... – Он прервался, задохнувшись, и лишь указал на что-то рукой.

Все посмотрели куда-то мимо Йондора. Закричала женщина. Некоторые рухнули на колени, другие повернулись, собираясь убежать. Йондор резко развернулся. На поверхности машины холодным зеленым светом загорелось маленькое окно. И в этом окне появилось лицо – маленькое сдавленное личико цветом, точно у трупа. У него были остроконечные уши, широкие, белые глаза с точками зрачков, вертикальный разрез носа и V-образный рот. Кто-то из отряда поднял копье, но Йондор рванулся к нему, оттолкнул и вырвал копье из трясущихся рук.

– Назад! – прохрипел он. – Это всего лишь изображение... Картина...

Капитан схватил Йондора за руку.

– Послушай! – проскрежетал он.

– Я приветствую вас, люди, – раздался тонкий, хрустящий голос с экрана. – Это хорошо, что вы подали сигнал. Теперь мы избавим вас от вашего долгого заключения.

– Всем стоять! – бросил Йондор через плечо.

– Люди, мы ваши друзья, – продолжал тоненький голос. – Давным-давно между нашими народами случилась распрая, но она уже кончилась. Теперь мы живем в мире под безмятежным солнцем. Может быть, вы питаете воспоминания о старой вражде. Забудьте об этом. Теперь между нами любовь. Ждите, и через несколько часов мы прилетим к вам с богатыми дарами. До тех пор не нужно делать ничего такого... о чем придется потом пожалеть.

Капитан схватил Йондора за руку.

— Спасение! — скрипучим голосом воскликнул он. — Ты... Ты слышал это, парень? Это значит — цивилизация! Все, о чем мы читали прежде, о чем мы мечтали! Ты был прав!

— Мой ожог все еще болит, — мрачно сказал Йондор, выдергивая руку.

Затем он вышел вперед и встал перед большой машиной.

— Откуда нам знать, что вы не лжете? — громко спросил он.

Маленькое серое лицико резко отдернулось, отвернулось и вроде бы заговорило с кем-то вне поля зрения. Затем повернулось снова.

— Я послал за своим другом, представителем вашего народа, чтобы уверить вас, что мы дружно живем вместе. Я только прошу, чтобы вы подождали прежде, чем начнете выполнять любые... древние обязательства.

Тьюк исчез, а на экране появилось лицо человека, выглядевшее особенно упитанным и румяным по сравнению со странным обликом чужака. Йондор отметил аккуратно подстриженные волосы, выбритый подбородок, блестящее кольцо на пальце, когда человек поднял руку, чтобы коснуться своей щеки.

— Не пугайтесь, — холодно сказал он. — Все так, как сказал Пувелак. Война давно кончилась. Мы живем в мире. Прошло много лет с тех пор, как приходили разрозненные группы беженцев, но, пожалуйста, поверьте, что мы с радостью приветствуем вас. Сейчас за вами будет послан корабль. Вас привезут сюда, дадут жилье или помогут обустроить жизнь там, где вы захотите остаться. — Он помолчал, лицо его старо строгим. — Если вы случайно следете старым военным правилам, то очень важно, чтобы вы забыли о них. Так как я удостоен звания Звездный Адмирал Почетного Флота, можете считать себя законно освобожденными от дальнейшей ответственности.

— Вы живете вместе с тьюками? — резко спросил Йондор, и его отряд замер, молча глазея на экран.

Человек на экране кивнул.

— Мы совместно используем этот мир и много других миров и живем в согласии. Борьба устранена из нашей жизни. Мы приветствуем вас и приглашаем жить среди нас, как братьев в пацифизме.

ЗА СПИНОЙ ЙОНДОРА снова пронесся ропот голосов.

Йондор повернулся к Капитану.

— Займите его разговором, — бросил он, проходя мимо старика.

— Что ты собираешься делать?

— Хочу прослушать до конца послание мертвого Боевого Капитана. А затем собираюсь выполнить его приказы.

— Погоди, парень! — воскликнул старик, схватил Йондора за плечо и развернулся лицом к себе. — Мы не знаем, какой была миссия Станции! Может, она была создана для каких-то враждебных действий!

— Правильно, может, — мрачно сказал Йондор.

— Но ты же не можешь продолжать это... не теперь, когда спасение рядом!

— Вы верите тыюку?

— А зачем ему лгать?

— А зачем один из них стрелял в меня?

— Не знаю, может, просто по ошибке...

— Может, и по ошибке...

Йондор повернулся, но Капитан внезапно обхватил его и выкрикнул команду. Двое людей схватили Йондора и поставили его на колени. Нетерпеливые руки вытащили у него из ножен кинжал, а из кошеля оружие тыюка. При этом один воин держал копье, направленное Йондору в грудь.

— Мне что делать... убить его? — с испуганным видом спросил Лок.

— Уберите его с глаз моих, — велел Капитан. — Найдите веревки и крепко свяжите.

Йондор молча боролся, пока трое мужчин стаскивали его с гребня скалы, вокруг основания машины — неестественное гладкого столба синеватого металла, торчащего из щебенки. Двое опрокинули его на землю и держали, пока третий обертывал лодыжки, а потом запястья жесткой кожаной веревкой. Затем его оставили лежать и ушли.

3

ЙОНДОР ЛЕЖАЛ на спине, чувствуя резкую боль от порезов и ушибов, и слышал бормотание голосов наверху. Древняя машина возвышалась над ним, чуждая, ужасающая...

Но ее создали люди, напомнил себе Йондор. Такие же люди, как я. Эту вещь надо изучать, а не бояться.

И он стал изучать ее угловатые обводы, увидел, как соединялись металлические пластины, создавая обширные плоскости. В верхней ее части краска облупилась от непогоды, словно она очень долгое время была представлена солнцу, ветрам и дождю со снегом. Но поддерживающий цилиндр метров в семь диаметром, был гладким, словно поверхность тихого водоема — не считая тонкой трещины, проходящей вверх, затем вбок и снова вниз. *Словно дверной проем,* подумал Йондор.

Он пошарил по земле пальцами связанных рук и нашел кремень с острым, как бритва, краем. Работая в неловком положении, он принялся пилить кожаную веревку. Каменное лезвие быстро затупилось, но Йондор нашел новое и принялся трудиться дальше. В тени машины было холодно. А наверху продолжали бубнить голоса. Йондор терпеливо работал, глядя, как темнеет небо. Пошел дождь, барабаня по камням крупными, как галька, каплями.

Запястья Йондора стали скользкими от крови и пальцы тоже, так что трудно стало держать кремний.

Прошло много времени, прежде чем первый виток кожаной веревки подался, но остальные еще держали крепко. Йондор возобновил свои усилия. Руки болели, он трудился над путями уже почти два часа. Но вот, наконец, спал с рук второй виток, а несколько минут спустя – последний. Йондор стряхнул с рук веревки и стал растирать пальцы, чтобы согреть их, затем принялся быстро распутывать лодыжки.

Но тут краешком глаза он уловил какое-то движение, скользнувшее над машиной. Из грозовых туч на востоке бесшумно выплыло что-то черное и понеслось к машине с фантастической скоростью, точно громадная стрела. По форме оно напоминало сани, которые Йондор спрятал под скалой две недели назад, но было гораздо крупнее. Оно развернулось в небе, посверкивая черно-серебристыми крыльями, и издало долгий вопль, ринувшись вниз по широкой дуге. Йондор услышал наверху крики и рев отдающего приказы Капитана. Стрела понеслась к машине, бросая к земле перья света, затем скрылась за машиной, и Йондор услышал мягкий толчок, когда она опустилась на землю. Йондор сорвал с лодыжек последние витки веревки, неуклюже вскочил на затекшие ноги и бросился к скалам, откуда мог наблюдать из укрытия.

Сквозь завесу ливня Йондор увидел, как на опустившемся аэроплане откидывается нечто вроде пузыря изо льда. Из образовавшегося входа на скалистую землю выпрыгнули четыре маленьких существа с бледными, мертвенно-бледными лицами и широко раскрытыми глазами. Выпрыгивают и тут же направляются вперед. В руках они несли какие-то блестящие штуки. Метрах в двадцати от ждущего их Капитана они остановились.

– Вы вождь людей? – чирикающим, едва слышным за шумом дождя голоском спросил один из тыков.

– Я Капитан, – кивнул седой головой старик.

– Велите своим людям лечь на землю, – заявил тылок. – Пусть они лягут на землю, а руки вытянут вперед.

СТАРИК ПОВЕРНУЛСЯ к своему отряду, помолчал, потом хрипло сказал:

— Делайте, как говорят наши друзья.

Мужчины и женщины отряда, сгрудившись в одну кучу, уставились на своего Капитана. Йондор увидел страх и сомнение на их лицах.

— Зачем... — начал было кто-то, но тьюк резко повернулся к нему, и человек замолчал.

Долгую секунду никто не шевелился. Затем один из отряда опустился на колени, лег лицом вниз и вытянул руки. Одна из женщин последовала его примеру, за ней потянулись остальные. Только Капитан остался стоять, все еще повернувшись лицом к чужакам. Они коротко почирикали между собой. Затем вперед вышел один, казавшийся нелепо крошечным рядом с высоким Капитаном.

— Дайте мне ящичек, что висит у вас на плече, — прочирикал он.

Йондор увидел, что Капитан уже вернул свой знак власти. Теперь он снял с плеча ремень, на котором висел ящичек, и покорно протянул его чужаку. Тот взял ящичек и передал другому, одетому в черное с красной точкой на животе. Тьюки опять зачирикали. Мужчины и женщины тихо лежали на влажной земле. Капитан по-прежнему стоял, словно чего-то ожидая.

Йондор тихонько отполз на несколько шагов и оглядел пологий спуск, ведущий к контурам двери на боку громадного устройства. Затем поднялся, скрытый от тьюков гребнем возвышения, прошел по спуску и положил руки на холодный, гладкий металл. Справа от двери было маленькое углубление, как раз для одного пальца. Йондор нажал на него, но ничего не произошло. Сверху доносилось слабое чириканье чужаков, словно ветерок, дующий меж камней. Йондор ощупал похожую на стекло поверхность возле двери и нашел второе крошечное углубление. Нажал одновременно оба. С мягким вздохом хорошо смазанных механизмов, оконтуренная панель стала отодвигаться назад. За ней оказалась темная пещера с отполированными, изогнутыми стенами, пахнуло пылью и плесенью. Когда дверь окончательно открылась, в пещере вспыхнул неяркий свет, и Йондор уставился на странные металлические устройства и сложные приспособления, все из того же гладко отполированного металла, что был характерен для всех изделий древних людей. Йондор заколебался, затем отошел снова назад, нажал на знакомые уже углубления, и дверь тихонько закрылась. Тогда Йондор осторожно прокрахся к вершине гребня.

Тьюк с красной точкой все еще вертел в тонких пальцах талисман, в то время как остальные глядели на него. Дождь, казалось,

отскакивал от черной одежды чужаков, даже не намачивая ее. Люди лежали там, где Йондор видел их в последний раз, лежали, точно мокрые трупы. Капитан стоял молча, даже не глядя на тьюков. Йондор заметил, что вода течет по его лицу, и даже по открытым, немигающим глазам.

Затем командир тьюков снова заговорил со своими подчиненными. Один из них вернулся к летающим саням и вскарабкался внутрь. Двое других пошли по гребню и скрылись из виду. Йондор услышал стук их шагов по камням над своей головой. Тьюк с красной точкой остался один, все еще разглядывая плоский серый ящичек на кожаном ремне. Йондор взглянул на камни у своих ног, выбрал подходящий кремень, формой напоминающий кинжал. Лишь двадцать шагов отделяли его от одинокого чужака, который стоял на покрытой щебенкой вершине гребня. Но если обогнать гребень...

Йондор стал красться, две минуты спустя осторожно поднял голову и увидел, что чужак стоит на том же месте, теперь уже всего лишь в десятке шагов, спиной к Йондору. Йондор поудобнее перехватил похожий на кинжал кремень и бросился к чужаку. Он был уже в двух шагах от маленького создания, и, когда тот запоздало повернулся, обхватил свободной рукой узкую грудь чужака, вонзил свой каменной кинжал глубоко в его тело, затем отбросил кинжал и выхватил талисман из руки падающего тьюка. И тут же развернулся, заметив, что на вершине стрелы-саней чужаков что-то блеснуло...

Огонь прожег курящуюся борозду в скале в том месте, откуда только что отпрыгнул Йондор. Йондор бросился вниз по склону, упал, несколько раз перевернулся и снова вскочил на ноги, слыша наверху безумной чириканье и щебетание. Он побежал к изогнутому боку устройства, скользнул рукой по гладкому металлу, и пальцы сами собой нашли первое углубление, почти невидимое в темноте и потоках дождя. Позади вспыхнул яркий свет, у самых ног брызнул расплавленный камень, громко шипя, когда на него падали капли дождя. Йондор нащупал вторую точку, нажал, затем наклонился, схватил с земли камень, швырнул его в источник слепящего света, услышал глухой удар, и свет погас. Зубы Йондора оскалились в свирепой усмешке. Он прыгнул в открывавшуюся дверь и тут же развернулся, ища выключатели. В щелку уже закрывавшейся двери ударил синевато-белый луч, и прочертил по полу полосу, оставляя за собой ярко-зеркальный металл. Но тут дверь закрылась, и Йондор остался один в гробовой тишине.

Выдохнув, он осмотрел комнату, в которой стоял. Гладкие стены, ровный пол, невозможны точные изгибы без резких углов. Тяжелые механизмы непостижимого назначения стояли вдоль серых стен на гладко отполированном полу. Лишь шрам с черными краями, оставленный оружием тьюков, портил безупречное изящество комнаты.

Мгновение Йондор боролся с паникой, ему казалось, что он попал в ловушку, и тут кроются неизвестные опасности. Затем он сделал глубокий вдох и подошел к ближайшей машине. На нем была надпись, сделанная такими же буквами, что и в древних книгах в хижине Капитана. Йондор давно уже выучил все эти буквы и теперь, среди чисел, мельком разобрал несколько знакомых слов: *Технический комплекс 564-9-331*, прочитал он. *Код безопасности предварительной активации 39.*

ЭТО БЫЛИ слова власти, известные древним, но они ничего не говорили ему. Йондор прошел по комнате, нашел маленькую лесенку с перилами, ведущую куда-то вниз. На перилах была прикреплена белая, прямоугольная табличка, на которой виднелась надпись большими буквами: ПРОВЕРЬТЕ ДАВЛЕНИЕ В КУПОЛЕ ПЕРЕД ИЗОЛЯЦИЕЙ. Йондор продолжал осмотр комнаты. Он не нашел никаких признаков непосредственной опасности, так же, как и никакой помощи. Тогда он присел на корточки, открыл ящичек, достал талисман и вставил цилиндрик в говорящую машинку.

— ...основная энергоустановка, — сухой голос начал с того места, где прервался несколько часов назад. — На уровень три ведет воздушный шлюз в восточном конце Станции. Там располагается управление оружием. Основную панель Контроллера можно достичь...

Голос продолжал жужжать, Йондор слушал и ничего не понимал.

— Нет, — сказал он вслух машинке в его руках. — Не говори мне об этом. Скажи, как уничтожить тьюков!

Но голос продолжал жужжать, не слушая его. Йондор снова и снова говорил с мертвым Боевым Капитаном, умолял, требовал. Ничего не помогало.

— ...контакт с Основной Базой, — талдычил голос. — Только в этом случае будут активированы резервные энергетические батареи. В случае отказа центрального генератора. Автоматически произойдет переключение на вспомогательный источник...

ГОЛОС ВДРУГ замер посреди фразы. Йондор нетерпеливо ждал. Может, мертвый Капитан сейчас ответил бы на его вопросы...

Тишина все длилась. Затем, без предупреждения, в комнате по-гас свет. Йондор присел, глядя в непроницаемую темноту. Нащупал цилиндр, вытащил его из машинки, попробовал вставить другой, но безрезультатно. Голос молчал. Тогда он положил талисман и быстро пошел к двери. Нащупал пальцами выбоинки, нажал. Без толку. Тогда он ударил плечом в дверь. Дверь была такой же незыблемой, как стена.

Йондор отступил, каждой клеточкой тела ощущая тревогу. Рука его наткнулась на перила лесенки, и он понял, что стоит на верхней ступеньке. Тогда, влекомый уже не разумом, а животным инстинктом, велящим прятаться в нору, он стал спускаться.

Когда лесенка кончилась, его шаги эхом отзывались в темноте. По этому звуку Йондор понял, что находится в большом помещении. Воздух здесь был застойным, воняющим плесенью. Йондор стоял, подняв голову и прислушиваясь. Затем он вспомнил, что в кошеле у него есть кремень и огниво. Достал их, выбил искру. В краткой вспышке он увидел разбросанную на полу бумагу и какие-то тряпки. Пожалел, что нет трута или чего-то подобного, чтобы развести костер. Может, бумага... Йондор сел на корточки, порвал на кусочки лист бумаги, сложил кучкой и выбил искру. Кучка затлела, и Йондор осторожно дул на нее, пока она не взорвалась языком пламени. Он стал подбрасывать в огонь бумагу, но та прогорала с такой же скоростью, что он собирал ее. Пока пламя не погасло, он огляделся и увидел панели с квадратами из разноцветного льда, слева темный холл, а в дальнем конце помещения закрытая дверь. Когда пламя мигнуло последний раз и погасло, Йондор направился к двери. Та открылась от малейшего прикосновения. За ней был тусклый свет. Йондор прошел в дверь и замер, уставившись на крошечную кабинку в противоположной стене, в которой и горел свет. Он прошел к кабинке и распахнул приоткрытую дверь.

Внутри были большие циферблаты и ряды кнопок, похожих на черные камешки, а также рычаги, и все это располагалось напротив кресла с подлокотниками. В кресле было явно удобно, подлокотники для рук, для ног специальные выемки, а также подставка для затылка. Йондор вошел в кабинку, дверь тут же закрылась за ним, а свет, идущий из стены под потолком, стал ярче. Он осторожно сел, и кресло, казалось, изменило форму, подстраиваясь под его тело. Йондор подскочил от неожиданности, затем сел снова. Больше ничего не происходило. Сидеть было удобно. Напротив глаз висела табличка: «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРАНСПОРТЕРОМ МОЖНО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТОЛЬКО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ОТ-ВЕТСТВЕННОГО ОФИЦЕРА»

Ниже, более мелкими буквами, была еще одна надпись: «ВАЖНО! Наберите код места назначения, прежде чем разблокировать выключатель активатора».

Йондор стал ломать голову над этими словами. Транспортер мог означать машину для передвижения. Если использовать его, то, может, он сумеет выбраться наружу скрытым маршрутом. Затем, неожиданно напав, он может убить одного из чужаков, а потом его оружием уничтожить остальных...

Йондор осмотрел черные кнопки, нажал на несколько наугад, но ничего не произошло. Тогда он осторожно взял рычаг и попробовал двинуть его вбок, затем вверх и, наконец, нажал со всех сил вниз. И рычаг неожиданно поддался...

Раздался резкий хлопок, словно гигантские руки хлопнули в ладоши. В воздухе завихрилась пыль. У Йондора закружила голова, но тут же прошла. Он вскочил и ринулся к двери. Дверь открылась...

Он увидел каменную площадку, ровную, точно лист льда под сверкающим чистым небом.

4

ГОРЯЧИЙ ВЕТЕР бросил в лицо Йондору пыль. За плоской полукруглой площадкой, где он стоял, вела прямая тропинка между неестественно прямыми утесами, возвышавшимися на сотни метров и исчезающими в охряной тьме наверху. В утесе напротив была большая неровная дыра, а на тропинке под ней куча щебня. Это было странное место, не похожее на все, о чем Йондор мечтал до сих пор. Транспортер унес его далеко от дома – это Йондор инстинктивно почувствовал. Вот только куда?

Стоя на тропинке, он поглядел вдоль нее. Насколько видел глаз, со всех сторон высались вертикальные стены. На поверхности ближайшей скалы он увидел множество прямоугольных ниш, а под ними была большая табличка, смутно видимые сквозь облака несущей по ветру по каньону пыли. Йондор подошел к ней и, задрав голову, с трудом разобрал буквы: ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

И тут до него, словно удар по голове, дошло: это же хижины! Искусственные утесы, искусственные пещеры! Он читал о таких в старинных книгах, но действительность оказалась куда грандиознее, чем все, что он воображал. Он был в... *городе*, всплыло вдруг в памяти давно забытое слово, в городе, созданном людьми.

Йондор открыл было рот, чтобы закричать, но вовремя спохватился. Конечно, все люди – союзники, но лучше сначала самому убедиться...

Он шел по улице, пробираясь по кучам щебенки, нападавшей, как он предположил, сверху со зданий. Неправильной формы дыры в фасадах тревожили его. Они и еще тишина. Где же люди, создавшие это место?

ВПЕРЕДИ РАЗДАЛСЯ какой-то слабый звук, и Йондор мгновенно отпрянул назад и спрятался за опорой здания, обрамленной широкими листами странного теплого льда, сквозь который были видны груды ярких, непостижимых предметов.

Йондор прислушался и услышал шаги, неровное дыхание и чистый, сухой кашель. Осторожно передвинувшись, он рискнул выглянуть из-за опоры и увидел три странные фигуры, похожие на чучела, идущие посередине широкой улицы. Одна из них оказалась стариком с редкой бородой. Другая – женщиной с исхудавшим лицом и руками, точно корявые ветки. Еще один мужчина плелся позади, опираясь на палку и останавливаясь каждые несколько шагов, чтобы прокашляться. Каждый тащил за собой по пыли мешок с чем-то тяжелым. Йондор понял, что они вышли из распахнутой двери в одном из утесов. Их было только трое, немощных и больных. Тогда Йондор вышел из-за опоры, протягивая пустые руки в знак того, что у него мирные намерения.

– Привет! – крикнул он.

Голос его отразился от стен и прокатился по пыльной улице. Все трое замерли, глаза превратились в черные дыры, как у загнанного оленя. Затем они развернулись, бросились в разных направлениях и исчезли. Йондор бросился было за ними.

– Я друг! – кричал он на бегу. – Мне нужна ваша помощь!

Его слова отражались со всех сторон: друг... помощь...

Йондор звал их снова и снова, искал их укрытия у подножия утесов, но все напрасно. Их словно и не было, если бы не три несчастных мешка, оставшихся на тротуаре. Йондор вернулся к мешкам, открыл один наугад и вывалил из него штук шесть гладких, тяжелых цилиндров разных размеров, с непостижимыми цветными изображениями на кривых стенках. Йондор с недоумением прочитал надпись на одном: «Фиги в густом сиропе». «Домашняя птица без костей – экстра-вкус», было написано на другом.

Йондор отбросил цилиндры, вернулся по улице к транспортеру с закрытой дверью, почти невидимому на фоне гладкой стены громадной хижины. Легкие горели от пыльной бури, глаза жгло. На зубах скрипел песок. Здесь явно не было ничего полезного – никакой помощи против тьюков. Йондор открыл дверь, протиснулся внутрь и опустился в кресло. Машина принесла его сюда, она же может и

вернуть его, и он поищет другой выход из этой ловушки. Йондор взялся за знакомый рычаг, нажал.

Секундный шок, затем сильный толчок, и в глаза ему ударил красный свет загоревшейся лампочки. Все явно было иначе! Йондор почувствовал, как сердце бешено колотится в груди. Перед его глазами вспыхнули красные буквы: «МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕННО НЕДОСТУПНО!» Ниже было написано что-то еще, но Йондор был слишком потрясен, чтобы попытаться прочитать. Он толкнул дверь. За ней, как он и боялся, была улица желтой пыли. Он захлопнул дверь, отгораживаясь от удушилого облака, и попытался взять себя в руки. Затем нажал черные кнопки в серебряных рамках. Красный свет погас. Давай! Снова надавил на рычаг. Беззвучный удар, белая вспышка и неподвижность. Йондор отодвинул тяжелую дверь и уставился в обширную, темную пещеру. Где-то далеко наверху светились на далекой крыше огромного хранилища тусклые зеленоватые огоньки. Издалека доносились какие-то звуки: странное шипение, грохот, металлические удары, вой странного ветра и бормотание чего-то, явно обитающего под землей. Йондор почувствовал, как его лицо свела гримаса страха, а мышцы напряглись, готовясь к борьбе с клыкастыми хищниками.

Но чего здесь бояться? Это же все создали люди, цивилизованные люди. А он, Йондор, такой же человек. Он понимает кое-что. Он читал книги.

ЙОНДОР ВЫШЕЛ из транспортера и пошел по широкому полу вдоль изгиба стены, такой же гладкой, как полированный металл. Влево уходил отздавшийся эхом туннель, тусклый и пыльный. Не по этому ли туннелю бродили те несчастные больные? Но доносившиеся звуки могла издавать лишь большая толпа людей. Казалось, они доносятся откуда-то сверху...

Внезапно дальше путь преградила стена грубой каменной кладки. Йондор вернулся и исследовал второй проход. Он также уткнулся в каменную стену, резко контрастирующую с гладкими стенами широкого туннеля. Тогда Йондор пошел обратно той же дорогой к транспортеру, тускло светящемуся во мраке, и направился в противоположную сторону. Метров через пятьдесят дорогу снова преградила стена. Йондор подошел к ней и увидел, что массивные камни стены утопают в черном растворе, таком же твердом, как и сами камни. С одной стороны между камней торчали попарно металлические стержни. Человек мог забраться по ним.

Йондор забрался и увидел на потолке тяжелый металлический диск. Йондор встал поудобнее, уперся, поднял диск – его залил яр-

кий свет. Йондор подтянулся, пролез в образовавшееся отверстие и очутился на гладком полу. Тут же вскочил на ноги и замер, готовый ко всему. Звуки здесь стали гораздо громче – звуки движения, звуки жизни, – а также звуки, которые, как Йондор уже догадался, производили машины. Йондор уже знал, что древние люди использовали много машин. Еще бы ему научиться не напрягаться всякий раз при виде этих машин.

ВПЕРЕДИ БЫЛ яркий свет, и Йондор услышал странные звуки, похожие на птичье щебетание. Он двинулся по помещению, прошел через высокую арку – и замер, а его рука сама принялась шарить по поясу в поисках кинжала, которого там не было. Комната, в которую он попал, была переполнена крошечными, быстро двигающимися созданиями, которых звали тьюки.

5

Йондор шагнул назад, чувствуя, как в горле само собой зарождается тихое рычание, предшествующее опасной игре под названием убей или будь убитым. Один из серолицых карликов уставился на него широко открытыми, лишенными век глазами. Другие поворачивались, их щебетание меняло тональность, они начали скучиваться в толпу, глядя на него и указывая руками. Йондор отступил еще на шаг, прикидывая расстояние, какое надо мгновенно преодолеть, чтобы скрыться обратно под аркой. Тьюк, который увидел Йондора первым, шагнул к нему мелкими шажками, громко щелкая сандалиями по каменному полу, и заговорил с ним пронзительным, требовательным голосом.

Но тут через толпу протиснулась высокая фигура, в которой Йондор не сразу опознал человека. Человек был странно бледен, его волосы были коротко подстрижены и гладко зачесаны, и он был задрапирован в ту же серебристую ткань, что и тьюки, которая переливалась при ходьбе. Человек подошел к тьюку и оглядел Йондора с головы до ног, в то время как тьюк что-то щебетал ему.

– Кто вы? – спросил человек со странным, но вполне понятным акцентом.

Йондор сделал усилие и заставил себя говорить.

– Меня зовут Йондор, – сказал он сквозь стиснутые зубы. – Я пришел из Мира... в машине, которую люди создали давным-давно.

– Из какого мира? – наморщил гладкий лоб человек. – Пьютикуп сказал, что вы появились из... оттуда. – Он провел пальцем в воздухе дугу.

– Да, из… – Йондор пошарил в памяти и выудил нужное слово.
– Из транспортера.

Человек повернулся к тыюку и что-то зачирикал ему. Тьюк ответил, на сводя своих больших глаз с лица Йондора. Появился еще один человек, возвышающийся над маленькими чужаками. Он был старше, если судить по морщинкам возле глаз и серебристо-серым волосам. Он тоже защебетал, послышался ответный щебет, а затем улыбнулся холодной улыбкой.

– Сколько же времени вы скрывались в заброшенных туннелях?
– внезапно спросил он.

Йондор проигнорировал бессмысленный вопрос, глядя на толпящихся тыюков. Прибывший нахмурился, тыюки что-то засвистели, и он скривил губы.

– Мне сообщили, что вы что-то сказали о транспортере.

Глаза Йондора сканировали толпу. В поле зрения оказались еще люди, на голову выше суэтливых тыюков. Йондор насчитал человек десять-девятнадцать…

– Эти создания не вооружены, – напряженно сказал он стоящему перед ним человеку. – Они умирают легко. Если мы неожиданно нападем на них и крикнем других людей на помощь, то можем захватить это помещение…

ЧЕЛОВЕК УСТАВИЛСЯ на него, разинув рот. Потом повернулся к тыюку, стоявшему рядом, и что-то прочирикал ему, указывая на Йондора. Тьюки прислушались, затем среди них возникло движение. Йондор увидел, как к нему, словно посланные неслышимым приказом, стали пробираться чужаки в черных одеждах.

– У тех, что в черном, есть оружие? – спросил он у человека.
– Никто вам не повредит, – успокаивающе ответил тот. – Просто ждите молча, и…

Йондор стал отступать. Тьюки приближались, пересвистываясь.
– Подождите! – крикнул второй человек. – Откуда вы пришли?
Зачем вы здесь?

– Меня принесла сюда машина, созданная людьми. Я пришел за помощью, но вижу, что они поработили и вас…

– Поработили? Мы живем с ними, как равные…

Тьюк в черной форме смело шел вперед. Йондор одним ударом отправил его на пол, затем развернулся и побежал, а вслед ему неслись крики и щебетание.

Он уже был возле транспортера, когда из люка появился первый тыюк. Йондор захлопнул дверь, нажал кнопки и налег на рычаг. Но тут засветился красный предупреждающий сигнал. Йондор нажал

кнопки в другом порядке, но темно-красные буквы продолжали гореть. Он сделал еще одну попытку, и буквы исчезли. Йондор уже положил руку на рычаг, но тут дверь с треском распахнулась. Он вскочил и ударил по сунувшейся было внутрь серой физиономии тыюка, захлопнул дверь и бросился к рычагу — но дверь снова открылась. Йондор приподнялся в кресле, глядя на узкое лицо чужака...

Время, казалось, стало замедлять свой бег и совсем остановилось. Перед Йондором плавали два больших бледных глаза. В голове раздались пронзительные звуки, но они почему-то показались ему приятнее, чем все, что Йондор слышал в своей жизни. Он почувствовал, что плывет по воздуху, окруженный теплотой, успокаивающей нежностью и бесконечной простотой...

Через эйфорию пробилась боль. Йондор вздохнул и помотал головой. Он сидел, прислонившись к стене, и острый угол полураскрытой двери долбил его по полузажившему ожогу на руке. Йондор снова помотал головой и встал. И было что-то еще, что-то, казавшееся таким желанным и прекрасным...

Йондор заметил какое-то движение перед собой, поморгал и с трудом разобрал фигурку маленького чужака, отвернувшегося и что-то чирикающего высокому человеку.

— ...странное, дикое создание, — говорил высокий другому. — Невеличи он приехал сюда в этом аппарате?

— Он ужасно опасен, — тонким голосом ответил тот. — Должно быть, он где-то жил все это время... в каком-нибудь неизвестном, изолированном месте...

Йондор собрался с силами, рванулся, захлопнул дверь и тут же нажал рычаг.

6

ОПЯТЬ ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ, какой-то беззвучный взрыв, кружащаяся пыль, выбиваемая из древних щелей какой-то невидимой силой... затем неподвижность.

Йондор поднялся на ноги. Руки и ноги дрожали от странной усталости, в голове все еще крутились остатки воспоминаний о Рае. Дверь открылась, и Йондор вышел в коридор с высоким потолком и окнами, через которые косые солнечные лучи лились на завесившие стены тяжелые темные шторы, и на длинные ящики со стеклянными крышками, в которых рядами лежали непонятные массивные предметы.

Йондор подошел к одному ящику и уставился на плоские диски из ярко-желтого металла, со сложной гравировкой. В следующем ящике были крошечные статуэтки из того же желтого металла и

кинжалы с замысловатыми рукоятками и лезвиями яркими, как первые лучи утреннего солнца. Йондор нуждался в оружии, поэтому ударили кулаком по тонкому стеклу и... кулак отскочил.

Йондор потер ушибленную руку. Материал Древних оказался крепче, чем выглядел.

Затем он прошел по обширному залу к грандиозной лестнице, ведущий вниз, в просторное помещение со стеклянной стеной, выходящей на зеленую равнину с рядами высоких деревьев, за которыми были видны еще более высокие башни громадных хижин, таких же, как в городе желтой пыли.

По залитому солнцем помещению эхом разнесся какой-то звук, и Йондор резко повернулся. У маленькой двери в глухой, задрапированной золотисто-черными занавесами, стоял маленький сутулый человек в коротком клетчатом килте, обтягивающим его тощие бедра и соединявшимся с курткой, охватывающей костлявые плечи и руки. Волосы его были редкими и седыми, лицо морщинистым. Он смотрел прямо на Йондора.

— Музей закрыт, — сказал он тонким голоском. — Как ты попал внутрь?

Выговор у него был странным, но вполне понятным. Йондор огляделся в поисках тыюков, но тут не было никого, кроме старика.

— Никому не позволено находиться внутри до второго солнца, — продолжал старичок. — Вам нужно подождать снаружи.

— Я приехал сюда на транспортере Древних, — сказал Йондор, и голос его эхом разнесся по помещению.

Он хотел сказать что-то еще, объяснить, что заблудился, попросить помочи, но слова застряли у него в горле. Йондор уже понял, что не все люди — союзники.

Он ждал, будучи готовым убить старичка и бежать при необходимости.

СТАРИЧОК ПОДОШЕЛ к нему.

— Транспортер Древних? — прокудахтал он. — Ну, парень, я был бы лучшим пассажиром для такого экипажа, чем ты. Что же я не сделал? Снова оставил двери незапертыми?

— Я приехал оттуда. — Йондор указал рукой на галерею вверху.

Старичок был уже рядом, всматриваясь в его лицо. Затем он нахмурился.

— Ты странно одет... как дикарь. Как прячущийся зверь.

— Тьюки прибыли в летающих санях, — сказал ему Йондор. — Они хотят сделать всех нас своими рабами. Меня поймали в машине

Древних, но я вырвался, и вот я здесь. Мне нужны воины, чтобы сражаться с ними... и оружие...

— Тыюки? Сражаться? — Старичок отошел на шаг. — Ты странно выражаяешься. Кто ты? И что ты бормочешь о каких-то Древних? Как ты вообще попал в музей?

— Я уже сказал, старик! Я приехал в машине, которая называется транспортер!

Человечек отступил еще дальше, рука его легла на металлический ящичек, висящий на поясе. И тут же Йондор услышал где-то далеко странный вой, который почти сразу же смолк. Зато раздались шаги, все ближе и ближе. Йондор огляделся в поисках путей для отступления и бросился к лестнице, но тут же двери в просторном зале, которую он не видел раньше, вбежали двое мужчин.

Йондор остановился. Вбежавшие тоже остановились, не спуская с него глаз. У одного был в руке стержень сантиметров тридцать в длину и пять в диаметре.

— Какой-то сумасшедший, — торопливо сказал старый хранитель.
— Я обнаружил его внутри, когда открыл...

— Ладно, коллега, — сказал человек со стержнем и подошел к Йондору. — Веди себя спокойно. Никаких эксцессов.

Йондор не знал, что такое эксцессы и смерил взглядом расстояние до лестницы. Можно оттолкнуть этого человека и броситься вверх...

— Не пытайся бежать, дурак...
Ударил обеими руками по ушам человека со стержнем и тот отлетел в сторону, а затем...

А ЗАТЕМ жгучее белое пламя разлилось по спине Йондора, он задохнулся от боли, пошатнулся и рухнул на пол. В глазах у него все расплылось от слез, но он все же нашел в себе силы подняться на четвереньки.

— Смотрите-ка! Он принял полный заряд с десяти шагов и все еще пытается встать!

— Больше не надо! — услышал Йондор крик старичка. — Не думаю, что он еще хочет наброситься на нас! Он просто напуган.

Йондор все же поднялся на ноги. Как ни странно, но боль исчезла, растворилась, как следы в плавном потоке. Он уставился на стержень в руке человека, которого до этого ударили.

— Правильно, — кивнул человек, все еще направляя на него стержень. — Хочешь еще или все же успокоишься?

Йондор прерывисто вздохнул.

— Дайте мне такое оружие, чтобы сражаться с тыюками, — процедил он сквозь зубы.

Старичок осторожно подошел к нему.

— Так что ты? И как ты проник в музей?

— Я уже говорил тебе, старик! — прорычал Йондор. — В машине.

Слезящиеся глаза за стеклами очков взглянули на верхнюю галерею.

— Так ты говоришь, что использовал старый передатчик военных? Ты, должно быть, сошел с ума! Они давно уже не действуют и не используются больше сотни лет.

— Однако он перенес меня сюда. А вообще, где это?

— Где? Ты находишься в городе Горрэйн на планете Лотиспа. Но... — Он помолчал. — Покажи мне машину, которую, как ты утверждаешь, использовал. — Он взглянул на охранников. — Я должен взглянуть на нее.

С двумя полицейскими по блокам Йондор повел старичка-хранителя по широкой лестнице к транспортеру, который стоял среди странных корзин с колесами, каких-то аппаратов со стержнями и свернутыми крыльями и пустых раковин с сидениями внутри. Йондор показал на свой аппарат.

— Я приехал в нем, — сказал он.

Старичок подошел к транспортеру, осторожно отодвинул дверь и заглянул внутрь.

— Берет энергию из запечатанных батарей, — пробормотал он. — Автоматическое управление, аварийная ориентация... — Он повернулся к Йондору. — Ты говоришь мне правду? Ты воспользовался вот этим?

— Да.

Хранитель взглянул на полицейских.

— У вас есть колесный автомобиль?

— Да... Но вы же не верите его истории?

— Не знаю... — протянул старичок, изучая лицо Йондора, его одежду, его пораненные руки. — Но если все это правда, то это должны увидеть более компетентные власти.

Двое вооруженных людей молча стояли рядом, пока Йондор со старичком ожидали в обширной комнате с толстыми коврами, отполированной мебелью из огненно-красной древесины, какими-то картинами в рамках по стенам, изображающими пейзажи. Откуда-то доносились звуки, удивительно мягкие и успокаивающие — но Йондор вовсе не был спокоен. Поездка была странная. Его поместили в

клетку, которая двигалась столь же плавно, как вода в широкой реке, вокруг проплывали искусственные утесы, на узких дорожках по обеим сторонам широкой толпились странные бледнолицые люди в ярких кожаных одеждах. Потом его провели в глубокую пещеру, наполненную незнакомыми звуками, запахами, а также людьми, которые таращились на него и без умолку засыпали какими-то вопросами, пока его вели мимо. Оказавшись в комнате, Йондор тут же обшарил ее взглядом, инстинктивно ища пути отступления, а руки так и чесались от желания получить копье, лук или хотя бы кинжал.

– Да ты просто расслабься, парень, – сказал старишок. – Тут нет никакой опасности. С тобой поговорят члены городского магистрата, только и всего. Затем я позабочусь, чтобы ты получил хорошую еду и подходящую одежду...

– Мне не нужна еда или одежда, – сказал Йондор. – Мне нужна помочь людей против врагов людей.

– У людей нет врагов, мальчик мой, – закудахтал старишок. – Но, наверное, что-то можно сделать, чтобы помочь твоему... твоему племени, если таковое существует.

– Мы не племя, – ответил Йондор. – Мы – экипаж во главе с Капитаном. Мы – люди, как и вы...

– Ваше... ваш экипаж... должно быть, вы потомки сотрудников станции какого-нибудь форпоста на далекой планете во время военных действий, – сказал хранитель. – Так или иначе, все это осталось в далеком прошлом и забыто, когда был подписан мир...

– Нет никакого мира, – коротко сказал Йондор.

– Должно быть, ты неправильно понял то, что увидел...

– Я видел, как мой Капитан отдал свой талисман без единого слова, – резко сказал Йондор. – Я видел, как он стоял, точно каменный, когда твари с мертвymi лицами положили его экипаж в грязь, как рабов...

– Но, конечно, простые люди были поражены внезапным появлением аэроплана и видом инопланетян, – ответил старишок. – И естественно, они лишились дара речи, так сказать...

– Я видел еще одно место, где люди живут в пыли, как животные, – сказал Йондор. – И еще одно, где мужчины – избалованные рабы, говорящие на языке своих врагов...

ОТКРЫЛАСЬ ДВЕРЬ, и в комнату вошла женщина с расчесанными золотистыми волосами и щеками, как свежие лепестки водяных роз, остановилась, с любопытством поглядела на Йондора и кивнула старишку. Йондор последовал за ним мимо девушки, которая отступила на шаг, не сводя с него глаз. Он прошел в ком-

нату, такую же, как и там, где они ожидали, только еще больше, с широкими окнами и большим столом из полированного дерева, за которым сидели пять человек с дряблыми лицами. У всех были серебристые волосы или плешиевые головы, отвисшие щеки, бледные безбородые подбородки и пронзительные глаза.

— Вот этот человек, экселенцы, — сказал хранитель. — Он утверждает, что прибыл сюда по старой военной транспортной системе и...

— Позвольте ему самому рассказать свою историю, — сказал человек в центре стола. — Кто вы, молодой коллега? Только говорите нам правду, иначе с вами обойдется сурово.

— Как и сказал вам стариk, — ответствовал Йондор, — я приехал в машине. Мне нужно оружие, чтобы сражаться с тьюками, и люди...

— Парень воняет, — сказал кто-то за столом. — Эта чертова кожа, в которую он одет, воняет псиной.

— Он побывал в аварии, — добавил кто-то еще, — и повредил себе голову...

— Тихо! — рявкнул человек, который начал говорить с самого начала. — Не обращайте внимания на его запах. Давайте послушаем, что он нам скажет. — Он впился взглядом в Йондора. — И помните, никакой лжи!

Час спустя Йондор все еще стоял, теперь слушая, как переговариваются эти пятеро. Он чувствовал, как колени дрожат от усталости, а живот сводит от голода. Теперь он понял, что эти люди вовсе не друзья. Ошибкой было прийти сюда. Он не должен был позволить старику привести его в эти гигантские хижины, стоящие кучей одна выше другой...

Один из мужчин поглядел на него и откашлялся.

— Вы... Йондор, кажется, так вы себя назвали, — сказал он. — Я проверил часть вашей истории. Вроде бы действительно был скакочк напряжения, зарегистрированный в Центральном Энергоуправлении в то время, когда, по вашему утверждению, вы прибыли сюда. Пока что я готов принять ваш рассказ и освободить вас из под стражи, если кто-нибудь поручится за вас. — Он бросил взгляд на хранителя.

— Я буду рад помочь молодому человеку, — быстро сказал хранитель, сидя на самом краешке зеленого кожаного кресла у стены.

— Значит, вы нам поможете? — спросил Йондор и услышал собственный голос, будто он эхом отозвался в пещере.

— Ваши... э-э... люди не находятся ни в какой опасности, — сказал магистрат. — Мы давно заключили мир. Тьюки живут в своих мирах, мы — в своих...

— Говорю же вам, что они прибыли к нам, — сказал Йондор. — Один взгляд их громадных глаз, душа покидает человека...

— **НЕ ГРУБИТЕ!** Я могу извинить вас только по причине вашего невежества! Я уже сказал, что мы заключили мир. И если на некоторых мирах люди сосуществуют вместе с тьюками, то это не заслуживает никаких порицаний.

— Тогда дайте мне оружие! Мы будем бороться с ними одни!..

— Оружие недопустимо! Я не знаю, откуда вы прибыли, но теперь вам предстоит оставить свои дикие привычки. Вы среди цивилизованных людей и будете вести себя соответственно, иначе проведете жизнь в исправительном учреждении! — Магистрат резко взглянул на стариичка. — Заберите его с собой, хранитель, и проследите, чтобы он соблюдал законы.

— Я вернусь к своему народу, — заявил Йондор. — Мне не нужен хранитель.

— На это нет никаких шансов, — сказал магистрат, — за что вы должны быть благодарны. Здесь вас обеспечат жильем и предметами первой необходимости. В нашем современном обществе никто не голодает и не нуждается. Но и думать забудьте о возвращении. Это попросту невозможно.

— О чём вы? — задыхаясь, спросил Йондор.

— Даже если бы вам разрешили использовать древнюю военную систему, — о чём разумеется, и речи быть не может, — то это было бы эквивалентно самоубийству и чертовской тряте энергии. Но вы бы все равно не попали туда, куда стремитесь, разве что знаете код этого места, а вы уже признались, что не знаете его. Поэтому...

— Я должен вернуться! — голова Йондора внезапно закружилась, и ему пришлось ухватиться за край стола, чтобы не упасть. — У нас там тысяча восемьсот свободных мужчин и женщин. Без оружия мы беспомощны против тьюков!

— Но тьюки — наши союзники и добрые друзья! — проревел магистрат. — Лучше бы вы сразу выучили это!

— Пожалуйста, экселенцы, — старый хранитель поднялся и подошел к Йондору. — Бедный парень не знает, что говорит. Ему плохо — взгляните, как побледнело его лицо. Я должен был заметить, что он ранен, прежде чем привел его сюда, но волнение... позвольте мне увести его. Я прослежу, чтобы он не доставлял неприятностей.

Йондор слышал бормотание неразборчивых голосов и брел туда, куда тащила его чья-то рука. На него наваливалась тьма, он пытался прийти в себя, не показать слабости в присутствии врагов, но

тьма была повсюду, тьма, пронизанная слабыми лучиками света, а затем свет погас, и он полетел куда-то в бездонную пропасть...

8

ЙОНДОР ОТКРЫЛ глаза и увидел лицо старишка, склонившегося над ним, озабоченно нахмурившись, и тут же в ноздри ему ударил аромат горячей еды. Взгляд его обежал маленькую комнатку, аккуратно, но непродуманно обставленную, с одним окошком, за которым виднелось синее небо.

— А-а, ты очнулся, — закивал, улыбаясь, старишок. — Ты проспал шестнадцать часов, и я уже начал волноваться...

Он кивнул на поднос с миской дымящегося супа, плоскими кусками хлеба, фруктами и сосудом с острым соусом. Йондор ел неторопливо, чувствуя, как с каждым глотком уменьшается головокружение.

— Кажется, ты совершенно лишился сил, парень. Ты исхудал, у тебя нездоровий цвет лица, несмотря на загар.

— Жизнь не относится снисходительно к Миру, — сказал Йондор.

— Спасибо за еду, старик. — Он встал. — Но теперь я должен вернуться. Ты отведешь меня к машине?

— Что? Но ты ведь слышал магистрата! Это невозможно! И в любом случае, здесь ты гораздо лучше обеспечен всем...

— Я должен вернуться!

Йондор метнулся по комнате, краешком глаза уловил какие-то движение, развернулся и увидел высокое зеркало. Пару секунд он не мог узнать собственное отражение. Он был чисто выбрит, одет в одежду из тонкой ткани Древних. Волосы подстрижены, кожа вымыта так, что стала белой, чего он прежде никогда не видел.

— Просто прими то, что старая жизнь осталась позади, — говорил тем временем старишок. — Тьюки помогут устроить судьбу твоих друзей...

— Тьюки делают из людей рабов. Я должен бороться с ними!

— Я обещал магистратам, что от тебя не будет проблем, — сказал старишок. — Я отвечаю за тебя...

— Тогда верните меня в большую хижину, где я увидел вас в первый раз.

— Обратно в музей? Но сегодня День отдыха, музей закрыт...

— Тогда я найду его сам. — Йондор потянулся к дверной защелке.

— Нет-нет, ты не можешь бродить один! Я пойду с тобой... Но ты должен мне обещать, что не будешь устраивать беспорядков.

— Я не устрою беспорядки.

— Тогда идем, но ты попросту надеешься выполнить свое задание, парень. Твой Мир – только один из тысячи тысяч заброшенных миров, где люди создали станции форпостов. Он потерян для тебя навсегда. Смирись с этим!

Он первым вышел в ничем не примечательный коридор.

— А почему они заброшены?

— Война закончилась, так зачем были бы нужны военные заставы?

— Мир – хорошее место, люди могут жить там. С машинами Древних мы могли бы превратить его в богатые фермы и пастбища, построить прекрасные хижины для всех...

— Зданий достаточно для всех и здесь, на Лотиспе. Нам не нужны никакие новые миры.

— А когда сюда придут тыюки – что тогда?

СТАРИЧОК ТИХОНЬКО рассмеялся и жестом пригласил Йондора войти в крошечную каморку, которая, как уже знал Йондор, будет отвратительно падать, пока не остановится. Он стиснул зубы, когда дверь зашипела, закрываясь, и лифт пошел вниз.

В холле музея, по которому бродило эхо, старичик указал на разветвленные проходы, в которых Йондор увидел ряды ящиков, настенных экранов и свободно стоящих экспонатов, уходящие в туманную даль.

— Позволь показать мне тебе Зал Музыки, – предложил старичик.

— Или Галерею Живописи, или Историю Драмы... – Йондор направился к лестнице, ведущей в галерею, где была выставка транспортера, старичик бросился за ним. – Йондор! Не будь же таким упрямым дураком! Я уже говорил тебе – мы все говорили тебе, – что ты не можешь пользоваться машиной, а даже если бы и сделал это, то никак не сумел бы узнать заранее, куда попадешь.

— Они говорили о коде, – сказал Йондор, шагая через ступеньку по широкой лестнице. – С вашей помощью я мог бы найти код Мира.

— Это невозможно! Есть тысячи тысяч всевозможных комбинаций...

— Но можно попробовать.

Старичик семенил рядом с Йондором.

— Есть каталог, – сказал он. – Там индексированы все Стандартные Коды...

— Я умею читать, – заявил Йондор. – Я найду Мир, и книга подскажет мне код...

— Мир – ваше собственное название вашей планеты, – сказал старичик. – В каталоге он называется по-другому. – Они уже были в

галерее, и старичок указал на ряд панелей с кнопками и наборными дисками. – Индекс СК, – сказал он. – Когда-то там были вписаны более ста тысяч Конечных Станций, несколько сотен из них активны еще и теперь, когда система была закрыта много лет назад...

- Почему она была закрыта?
- Она стала ненужной.
- Но почему?
- Потому что... потому... – старичок развел руками. – Потому что закончилась война...
- А почему остались активны только несколько сотен Станций?
- Что? Н-ну, наверное, я думаю, потому, что другие миры, которые они вели, уже не использовались.
- Значит, люди были изгнаны из своих миров – изгнаны тьюками?
- Ничего подобного! Все происходило по договору, свободно подписанному...
- Ну да, – кивнул Йондор. – Я уже видел их методы убеждения. Они способны околдовывать человеческий разум...
- Но теперь-то ты, конечно, не веришь во все это.
- Когда они сражались с флотами Древних, то проиграли, но когда заговорили о мире и встретились лицом к лицу – то победили. Называй это как хочешь, старик!

НАХМУРИВШИСЬ, ХРАНИТЕЛЬ жестом позвал Йондора в комнату шагов сорок в длину, с куполообразным потолком. Он нажал кнопку на стенной панели, свет стал тускнеть, мигнул, и в темноте над их головами появился ромб ярких точек.

– Вот Западный Рукав, какой виден с Лотиспы, – сказал он и нажал пару кнопок. – А вот миры людей. – Йондор смотрел, как светящаяся сфера меняет свой цвет на изумрудно-зеленый. – Как видишь, мы занимаем объем пространства почти в две тысячи кубических световых лет – больше, чем нужно для наших потребностей. Что же касается планет...

– А как далеко Империя Людей простиралась в дни расцвета ее могущества?

– Могущество? Я думаю, ты имеешь в виду милитаристское распространение... – Звездообразные символы наверху сменили цвет на синий и расширились, покрыв собой большую часть видимого неба. – Как видишь, не было никакой нужды в таком сверхрасширении...

– А тьюки? Сколько бывших миров людей они захватили теперь?

– М-м... Я бы не стал говорить так. Мы отказались от определенных районов космоса, в которые позже, возможно, переселились

тыюки... – Вспыхнули желтые звездочки, вытесняя синие, расширяясь, покрывая искусственное небо и окружая зеленые солнца. – Интересно, – пробормотал старичок. – Никогда бы не подумал, что сфера влияния тыюков приобрела такую конфигурацию...

– А как это выглядело двадцать лет назад? – спросил Йондор.

Старик принялся нажимать кнопки. Желтое облако отступило от Галактической Южной границы человеческих миров. Несколько занятых тыюками миров стали зелеными. – Почему-то это выглядит преднамеренным маневром, – сказал старичок. – А группа миров на западе – тыюки заняли ее совсем недавно...

Йондор пристально разглядывал созвездия, проецируемые на потолок.

– Звезды выглядят неправильно, – сказал он. – Пояс Охотника слишком вытянут, а Кошко-волка скручен так, что я едва опознал его.

– Ты интересуешься астрономией? – удивленно спросил старичок.

– Я охотник и умею читать знаки на ночном небе.

– Да-да, конечно, с Лотиспы ты видишь все в ином ракурсе, чем со своего родного мира. – Старичок снова принял за управление, звезды потекли и заняли новое положение. – Вот небо, каким оно видно с Альдо-Черизе... А теперь... – Новые перемены. – Теперь с Нотроя...

– Назад, – напряженно сказал Йондор. – Вернитесь к первому, к этой... Альдо-Черизе.

Старичок вернул изображение.

– Тут Пояс Охотника больше походит на тот, что в моем небе, – сказал Йондор. – Но нижняя звезда должна быть повыше, а рукоять меча ближе к ней.

– М-м-м...

Руки старичка так и порхали по кнопкам и клавишам. Форма созвездий снова изменилась. Йондор всматривался, исправлял, переправлял.

– Хвост кошко-волка, – говорил он. – Он должен быть закручен вправо, а не влево...

СТАРИЧОК ВНОСИЛ корректировки.

– Стоп! – крикнул внезапно Йондор и повернулся к старичку, лицо которого едва виднелось в темноте. – А теперь, старик, скажи мне, от какого солнца небо видно именно в такой форме?

Хранитель что-то забормотал над пультом управления.

– Ближайшей является маленькое солнце под названием Бамбу, находящееся глубоко в секторе тьюков. – Он острым взглядом посмотрел на Йондора. – Это название звучит знакомо?

– Нет.

– Кажется, у нее только две планеты, крупная ближе к светилу, а поменьше с эксцентрической орбитой...

– Вы можете найти ее код?

– Ну, да, наверное, могу при помощи галактических координат, но...

– Найдите его!

– Это безумие, Йондор! Это ведь просто догадки...

– Найдите его!

Хранитель перешел к каталогу СК и нажал какие-то кнопки. На маленьком экране возникло число.

– Девять... три шесть... семь два два, – прочитал он вслух. – Давай теперь взглянем... – Он снова нажал клавиши, и на экране возник печатный текст.

Йондор наморщил лоб, с трудом разбирая буквы.

Рэмбо: тип g-2, Класс Четыре, Классификация: совершенно секретно.

– Вот, пожалуйста, мальчик мой! – воскликнул старичок. – Внутренний мир... Великие небеса! Это же мир под названием Заск, столица Империи тьюков! Что касается внешнего необитаемого мира, то прежде он был известен, как Мир Клетта. Колонизирован не был, но примерно пятьсот лет назад там была установлена маленькая наблюдательная Станция, которой командовал капитан Вильмотт...

– Это имя того мертвеца, что разговаривал с нами! – закричал Йондор.

– Что ты имеешь в виду, парень?

– **ОН ГОВОРИЛ** из маленького ящичка – голос мертвого Бовего Капитана! Он сказал, что он... Но постойте. Что там еще написано?

– Кажется, в то время, когда была построена Станция, – в условиях строжайшей секретности, – тьюки как раз захватили внутренний мир. Он сразу стал их крупнейшим центром, а секретная наблюдательная Станция должна была следить за ними.

– А затем?

– А затем произошла Встреча, на которой и был подписан мирный договор. Земляне согласились уступить эту систему тьюкам.

– А что стало с наблюдательной Станцией?

— Тут нет никаких упоминаний об эвакуации, только ссылка на секретные файлы.

— Станция не была эвакуирована, — резко сказал Йондор. — Экипаж остался. Затем стали наступать ледники, и им пришлось отступить на юг. Теперь льды растаяли. Мы вернулись — и тут появились тьюки.

— Я не могу понять этого, — сказал старичик. — Почему сотрудники Станции не были эвакуированы после подписания Договора.

— Их оставили, чтобы они выполняли свой долг, — сказал Йондор.

— Но Договор положил конец нужды в шпионаже...

— А я думаю, что в их миссию входил не только шпионаж, — возразил Йондор. — Я думаю, что их задание все еще не выполнено.

— Как трагично, — сказал старичик. — Бедные, несчастные люди, ожидающие целые века, даже не зная, что война уже закончена.

— Теперь вы можете ввести код Мира в транспортер? — резко прервал его Йондор.

Старичик с ужасом посмотрел на него.

— Йондор, ты дал мне слово...

— Я не вызову беспорядков. Я просто уйду на машине, и вы больше меня не увидите.

— Но у нас нет уверенности, что система все еще функционирует. Расстояние слишком большое... Тебе придется проникнуть на пятьдесят световых лет на территорию тьюков — в самый центр их миров!

Йондор взглянул на уходящие вдаль галереи.

— Здесь есть оружие?

— Забудь об этом, Йондор...

— Я иду — с вашей помощью, старик, или без нее. Вы можете сказать тем толстякам, что я заставил вас силой.

Старичик подумал, затем кивнул.

— Я вижу, что ты зациклен на этом. На возвращении. Я сделаю для тебя, что могу.

Йондор взял тяжелый энерго-пистолет и сунул его в кобуру на бедре.

— Спасибо, старик, — сказал он. — А теперь возвращайся и скажи им, что я тебя обманул.

— Йондор... Ты хоть понимаешь, что делаешь? — хриплым шепотом вымолвил старичик.

— Я собираюсь освободить свой Экипаж из плена тьюков, — ответил Йондор.

– Но если ты... используешь оружие, – старишок бросил взгляд на пистолет и вздрогнул, – то их прилетит еще больше. Тебе нельзя оставаться там. Воспользуйся транспортером, перенеси своих людей сюда, на Лотиспу! Тогда тыюки никогда не узнают...

– Сначала я должен освободить Экипаж, а потом... Не знаю, что будет потом.

– Удачи тебе, парень. Надеюсь, ты найдешь своих людей.

Йондор кивнул и залез в транспортер. Код уже был набран на пульте управления. Он закрыл дверь и нажал рычаг.

9

ПРИВЫЧНЫЙ УЖЕ шок, головокружение, столбики крутящейся пыли. Йондор почувствовал, как колотится его сердце, когда он открыл дверь – и увидел темное помещение, в которое он попал уже столько часов назад. Он вышел из транспортера, нашел во мраке железные ступеньки лесенки, поднялся в верхнюю комнату. Там все было темно и тихо. Он перешел к запертой двери, прислушался. Не услышал ни малейшего звука. Тогда он достал из кобуры пистолет, установил луч до размера угла, как показывал ему старишок-хранитель, и прицелился в настенный выключатель. Металл засветился красным, желтым, белым, голубым, а затем испарился. Послышалось громкое клацанье металла. Дверь скользнула в сторону от легкого прикосновения, и Йондор уставился в темноту и падающий дождь.

Не выпуская из руки пистолета, он вышел наружу и осторожно направился по щебенке к темному массиву гребня. Впереди показался свет. Йондор осторожно высунулся из-за края гребня и увидел собравшихся возле маленькой палатки тыюков, а за ними очертания двух летающих саней. Всего он насчитал пять тыюков. Свет исходил из маленькой сферы, лежащей на земле у ног чужаков. Одного из четырех прибывших в первых санях, Йондор убил, но с тех пор им на смену прилетели еще двое в других санях.

Йондор наблюдал за ними примерно полчаса. Тьюки, защищенные от дождя облегающей черной одеждой, присев, о чем-то чирикали. При этом они что-то делали, вроде бы ели – совали какие-то кусочки из набедренных сумок в отверстия у основания горла. Еще дальше в темноте Йондор видел темную громаду устройства, тени валунов, усеивающих землю, и фигуры семи мужчин и женщин Экипажа, ледащие в том же положении, что он видел их в последний раз. В поле зрения не было лишь Капитана.

ОСТАЛЬНЫХ ТЬЮКОВ не было видно, и Йондор решил, что понаблюдает еще минут пятнадцать. Затем слабое свечение на востоке указало на близящийся рассвет. Йондор понял, что нужно действовать быстро, пока не стало совсем светло. Он попытился вниз по склону, спрятался за большим валуном, затем взял камешек и бросил его в сторону лагеря тьюков.

Щебетание тут же смолкло. Йондор стал ждать. Послышалось мягкое царапанье ног по камням. И второе, гораздо правее. Тьюков не одурачил брошенный камешек, они решили разведать его источник. Вон они... Йондор поднял пистолет, оскалив зубы в хищной улыбке.

Маленькая фигурка выскользнула из-за валуна и перебежала к другому. Послышалась какая-то возня, затем скрежет чего-то по камням. Йондор зажмурился, но и сквозь веки увидел ослепительный свет, быстро передвигающийся по воздуху метрах в семи над склоном. Йондор ждал в черной тени, а тьюк крался в темноте, держа в трехпалой ручке какую-то замысловатую штуковину. Справа между камнями лежал второй тьюк, явно высматривая укрытие Йондора. Все это было настолько очевидно. Тьюки явно не жили охотой. Йондор сунул пистолет в кобуру и нашарил камень величиной с кулак.

Свет погас, и Йондор тут же ожил, бесшумно крадясь в темноте к ближайшему тьюку. Приблизился, увидел узкую спину врага и с потрясающей силой ударил камнем чужака по голове, поймал его оружие, выпавшее из ослабевшей ручки и, пока тьюк еще падал, так же бесшумно скользнул на исходную позицию. Со стороны палатки послышался тихий щебет. Света не было, тьма вокруг казалась непроницаемой. Дождь стучал по камням. И сквозь стук капель Йондор услышал осторожные шаги. Справа, из-за валуна, появился второй тьюк, всего лишь метрах в четырех от охотника. Йондор поднялся с земли, сделал два бесшумных шага, ударили камнем по узкому черепу и перескочил через падающее тело, ринувшись в намеченное заранее укрытие. Там он обогнул камень, едва заметный в темноте даже его тренированным глазам, и очутился нос к носу с еще одним тьюком. Не теряя ни секунды, Йондор взмахнул кулаком, нанося крюк, и почувствовал удар по мягкому. Он отпихнул тьюка в сторону, присел.

И тут наверху снова вспыхнул свет.

Теперь оставались лишь два врага. Но преимущество неожиданности исчезло. Даже их нечуткие уши наверняка услышали его последнее передвижение – а у них было оружие, способное поджечь камень, как гнилушку.

Минут десять ничего не было слышно. Йондор осторожно пополз вокруг уступа скалы, прислушиваясь. Ни звука. Это означало, что оставшиеся тьюки замерли, предоставляя ему возможность идти к ним – или дожидаясь дневного света, чтобы изменить шансы в свою пользу. А уже начало светать. Задержка давала преимущество врагу, а не ему. Йондор поднялся с земли, прошел вдоль гребня, бросился ничком на землю и снова прислушался.

Из темноты внезапно послышался стон – человеческий стон. Йондор напрягся, затем, пригибаясь, двинулся вперед. Впереди на земле лежала какая-то темная фигура. Подойдя, Йондор увидел отблеск седых волос.

– Капитан... – выдохнул он.

Он нашарил грудь лежащего, почувствовал пальцами слабое дыхание, нащупал пульс. Потом склонился поближе.

– Йондор, – шепот Капитана был совсем призрачным.

– Да.

– Ты... был прав. Странно... стоял там... весь день. Остальные... лежали в грязи... под дождем. Эти дьяволы... даже не обращали на нас внимания... Тогда... я... ослабел и упал... очнулся... а они... они все еще здесь.

– Лежите тихо, Капитан, – шепнул ему в ухо Йондор. – Их осталось лишь двое. У меня есть оружие...

– Осторожно... не позволяй им... в глаза.

Голос Капитана замер, но он продолжал дышать. Йондор переместился на другую позицию, и увидел, что тьюки присели возле своего светящегося шара. Потом, запоздало, он услышал скрежет, предшествующий вспышке света, и бросился к укрытию возле скалы. Яркий свет отразился от скал, и тут же справа ударил луч оружия тьюка. Йондор повернулся, выхватил свой пистолет, выстрелил в направлении, откуда пришел луч, и внезапно почувствовал боль, пронзившую бедро. Он выстрелил еще раз. Раздался шипящий крик, луч из оружия тьюка мигнул и погас. Йондор зашипел от боли в раненой ноге, чувствуя, запах горелого мяса и сочившейся крови. Оружие чужака пропахало ногу немного выше колена, сделав прорез сантиметров пятнадцать длиной. От боли кружилась голова. А где-то последний оставшийся чужак вот-вот пойдет его искать. И пойти он должен именно в этом направлении. Йондор кое-как доскакал на одной ноге до позиции, которую присмотрел заранее: между палаткой и ждущими воздушными санями. Теперь тьюк не мог подойти к ним, не оказавшись на линии огня...

НЕБО, КАЗАЛОСЬ, заполнилось красными вспышками. Йондор помотал головой, борясь с волной слабости. Сейчас не время терять сознание. В ушах словно стоял рев, заглушавший все другие звуки. Лицо было горячим и ледяным одновременно. Яркие вспышки кружились перед глазами, и сквозь них, сквозь пелену их мельтешения...

На краю потери сознания, Йондор сопротивлялся этому, что было сил, заставляя глаза смотреть, уши напряженно прислушиваться, внимание сосредоточиться на... на чем-то. Царапанье, затем слабый удар металла о камень. Тьюк был уже очень близко, крадясь где-то слева. Йондор поднял пистолет, тяжелый, как валун, и почувствовал, как он дрожит в руке. Замигал, пытаясь отшатнуть огненный туман перед глазами.

Справа внезапно раздался придушенный крик и стук камней. Йондор увидел, как тьюк, находясь в укрытие, выставил вперед свое оружие и ударили огнем куда-то вбок...

Палец Йондора сам собой нажал на контакт, тьюк вскочил, но тут же окунатся мертвенно-голубоватым сиянием, затем упал на камни и затих, отчетливо видимый в сером рассветном утра. Йондор поднялся на колени. От скорченного тельца тьюка валил черный дым... как и еще от одного тела поодаль. Последний выстрел тьюка принял на себя Капитан.

— Вы отвлекли его на себя ради меня, — пробормотал вслух Йондор. — Спасибо, Капитан...

10

В ЛИЦО БИЛ свет. Йондор открыл глаза и увидел испуганные лица Экипажа, склонившиеся над ним. Сквозь тонкие облака светило солнце. В десяти шагах поодаль лежало неподвижное тело, ужасно обгоревшее, лежало на спине, седые волосы разевались на ветру, руки раскинулись в пыли.

— Йондор! Ты жив! — сказал Хуш.

Лицо у него было измученное, щеки впали. Йондор взглянул на свою ногу и увидел, что она перевязана полосками, оторванными от рубашки.

— Я жив, — ответил он. — Благодаря Капитану. — Он взглянул на покерневшую фигурку тьюка в нескольких метрах от себя. — Вы нашли всех пятерых?

— Шестерых, — уточнил Хуш. — Еще один валялся в палатке. Пятеро других — сгорели.

Члены Экипажа толклись вокруг.

— Йондор... Что нам теперь делать?

– Нам нужно уходить отсюда, Йондор!

Йондор взглянул мимо них на возвышающееся громадное устройство. Затем с трудом понялся на ноги, нетерпеливые руки помогали ему, и, хромая, взобрался на гребень и уставился на сложное оборудование.

– Что это? – указал он на петли темно-красных проводов, прикрепленных к паре рычагов на панели управления.

– Тьюки... я видел, что это сделали они, – ответил один из Экипажа. – Я лежал в грязи и не мог шевельнуться.

Йондор взобрался на узкую металлическую платформу, окружающую устройство, протянул руку и оторвал провода от рычагов. Тотчас же на панели замигали световые сигналы. Экран слева засветился зеленоватым светом.

– Вот почему гас свет, – сказал Йондор, – и умер талисман. Но теперь... – он повернулся к одному члену Экипажа. – Беги вниз, – сказал он. – В камеру под устройством. Там талисман... принеси его мне.

Человек бросился исполнять распоряжение, а Йондор рассматривал экран. Минуту спустя посыльный вернулся, серый ящичек висел в его руке, стискивающей кожаный ремень. Йондор взял ящичек, достал из него талисман. Цилиндрик номер 3 все еще был в отверстии. Йондор вынул его и вставил номер 4.

– И заключительные инструкции. Использовать их только в том случае, если в результате переговоров земляне согласятся отказаться от системы Рембо, – оживлено начал голос мертвого Боевого Капитана. – Я беру на себя полную личную ответственность за отклонение от Общей Инструкции. Анализ событий за последние два десятилетия контактов вооруженных сил Человечества и тьюков убедил меня в том, что враги используют некое хитрое оружие. Оно влияет на суждения лиц, ответственных за стратегическое управление вооруженными силами Человечества, а также на результаты дипломатических миссий, во время которых предпринимаются попытки договориться с тьюками. Поэтому я, по моей собственной инициативе, воспользовался нынешней тактической ситуацией...

– Я не понимаю, о чем говорит мертвый капитан, – сказал один из Экипажа. – Брось это, Йондор. Мы еще успеем скрыться в лесу...

– Тихо! – цыкнул Йондор, а голос продолжал говорить:

– ...отдавший внутренний мир врагу несколько лет назад, где я наблюдал за размещением планетарного базового реактора для снабжения энергией всей планеты. Однако, в то время были сделано кое-какие дополнительные приготовления, которые позволят посыпкой определенного сигнала вызвать разрушение всей уста-

новки. Я также способствовал реализации создания наблюдательной Станции и установки на ней мощного оборудования связи, которое может передать этот сигнал уничтожения...

– Мертвый говорит о колдовстве! – пронзительно закричал женский голос. – Уведи нас отсюда, Йондор!

ЙОНДОР ВЗМАХОМ руки велел ей замолчать.

– ...необходимость эвакуировать Станцию, однако, совесть не позволяет мне запустить Проект «Тик-так», пока не станет ясно, что эта стратегически важная система отдана тыюкам, практически, без боя. Поэтому я призываю своего преемника определить точное состояние отношений между тыюками и людьми, и разведать, действительно ли внутренний мир населен теперь тыюками, чтобы начать выполнение плана. А теперь инструкции для запуска Проекта...

Йондор слушал, как голос перечисляет последовательность чисел, которые нужно ввести на панели передатчика.

Внезапно с маленького экрана раздался громкий треск. Йондор резко повернулся и увидел узкое лицо тыюка.

– Люди! Где ваши друзья, гарнизонные солдаты, которых я направил вам на помощь?.. – Тонкий голос прервался, поскольку пристальный взгляд тыюка увидел за собравшимися мужчинами и женщинами почерневшие трупы пяти чужаков, положенных в ряд Экипажем.

Лишенные век глаза уставились на людей, и голос прошипел:

– Кто это сделал?..

– Это сделал я! – выкрикнул Йондор. – Я уничтожил их, как уничтожу всех тыюков.

– Люди, вы совершили ошибку, – не слушая его, продолжал тыюк.

– Я относился к вам мягко, поскольку у рабов есть свое предназначение, но теперь...

Тьюк снова прервался и исчез с поля зрения, оставив экран пустым. Йондор повернулся к стоящему за его спиной Экипажу.

– Быстро соберите все оружие, еду и воду, какие у вас есть! Ждите меня на равнине за проходом, один час, не больше...

– А ты, Йондор? Ты же теперь наш Капитан...

– Я присоединюсь к вам, как только смогу. Марш! Быстро!

– А что будешь делать ты?

– Выполню приказ мертвого Капитана.

Когда последний из Экипажа скрылся из виду, Йондор повернулся к устройству и быстро, следя полученным инструкциям, ввел в машину разрушающий код. Потом его рука потянулась к кла-

више с надписью ПУСК, но остановилась на полпути. На экране снова появилось лицо, однако, теперь это был другой тыок, более старый, с украшенным драгоценными камнями ушами и кожей глубокого оливкового цвета.

— Слушайте меня внимательно, глупцы, — заявил он пронзительным голосом, словно сама смерть. — В милости своей я пощадил бы вас, и вы бы жили, как избалованные слуги тыков, но я вижу покерневшие трупы моих солдат, и печень моя взывает о мести! Смерть ваша будет не простой...

Пронзительный голос продолжал что-то вещать, но Йондор лишь рассмеялся, потянулся и нажал на клавишу ПУСК. Вспыхнул красный свет. Тыок продолжал свои высокопарные тирады. Йондор снова нажал клавишу. Никакой реакции. Красный свет продолжал гореть.

Йондор отвернулся, продолжая бешено размышлять. Оружие Древних не сработало... но Экипаж все еще мог бороться. Люди знают все тропки и опасности лесов и болот, их стрелки могут проникнуть в укрытия тыков...

Снизу раздался звук, и Йондор застыл. Это были шаги, тяжелые шаги по камням. Из-за устройства вышли два высоких человека, коротко стриженные, в одежде светло-голубого цвета, и остановились, меряя его взглядами. За ними Йондор увидел старичка—хранителя в теплом пальто. А за ним еще больше людей.

— Йондор! — крикнул старичок. — Они заставили меня привести их сюда! Они вооружены! Не пытайся им сопротивляться!

Один из мужчин — широкоплечий, с решительным взглядом и многочисленными галунами на куртке, выступил вперед. В руке у него была какая-то уродливая штука, очевидно, оружие.

— Брось пистолет, — приказал он.

Йондор повиновался.

— Теперь подойти ко...

Он замолчал, не договорив, куда его глаза упали на экран, на котором продолжал бушевать старый тыок.

— ...ваши тела обладают жуткой живучестью. Я буду смотреть, как мои лучшие хирурги станут препарировать вас живьем, вырезать у вас органы и скармливать их вам же. И муки ваши будут длиться не недели, а месяцы и годы!..

— Вот, слушайте, — сказал Йондор, кивнув на экран, — что говорит ваш друг тыок...

— И так будет, пока мы не истребим вас всех до единого. У вас нет никакой надежды, никто не узнает о вашей участи, а через не-

сколько коротких лет все поймут, что не может быть не-тьюков во Вселенной тьюков!

Взгляд широкоплечего переметнулся с экрана на Йондора, он взмахнул своим оружием.

– Отойди от пульта!

ЙОНДОР ВЗГЛЯНУЛ на экран, где продолжал изрыгать свои угрозы тьюк.

– Я следовал инструкциям мертвого Капитана, – сказал он. – Но оружие не сработало. Очевидно, оно ждало слишком долго, и время одержало победу в пользу врага.

Он замолчал и, хромая, стал спускаться с гребня скалы к ожидающей его группе людей.

– Взгляните сюда, полковник! – Один из мужчин указал на почерневшие трупы мертвых тьюков.

– Тихо! – Широкоплечий полковник повернулся к старичку. – Это ведь Кеулипит, министр Просвещения тьюков, не так ли, доктор? – рявкнул он.

– Да... Я узнаю его лицо, где угодно... Но что он говорит? Он что, сошел с ума?

– ...меньше, чем через десять лет, последний из вашего мерзкого вида будет уничтожен, и ваша гнилая раса окажется стертой с лика Вселенной! А ваши судьбы станут прологом к тому, что скоро весь ваш вид получит от могучих тьюков!

– Он бредит, как бешеный пес! – Йондор издал короткий, резкий смешок. – Как вы и сказали, люди и тьюки сосуществуют в гармонии. Гармония, которую они планируют будет гармоничной смесью смеха тьюков с воплями людей!

– Тихо! – рявкнул полковник. – Кеулипит, очевидно, не подозревает, что его подслушивают...

– А он что, ослеп? – сказал Йондор. – Мы же стоим у него на виду.

Полковник не обратил на него внимания и, прищурившись, смотрел на экран.

– Внутренний мир находится отсюда на расстоянии трех световых минут, Йондор, – тихонько сказал Йондору хранитель. – Чтобы послать сигнал и получить его обратно, требуется...

Йондор вскинул голову, глаза его вспыхнули торжеством.

– Где находится внутренний мир? – резко спросил он, перебив старичка.

– В нынешней точке локального цикла... я бы сказал... вон там... – хранитель указал рукой в небо.

И тут же, словно отвечая ему, на синем небе вспыхнула точка света, начала разгораться, стала нестерпимо яркая и, пока недоумевающие люди моргали ослепленными глазами, постепенно исчезла.

– Смотрите, экран потемнел! – закричал кто-то.

– Что случилось?

Полковник, оскалив зубы, уставился на Йондора.

– Живо в машину!

Йондор расправил плечи и выпрямился, ожидая смертельного выстрела.

– Я выполнил приказ мертвого Капитана, – сказал он.

– Бомба была установлена в самом сердце империи тьюков, – со страхом сказал старишок. – И прождала там пятьсот лет.

– Теперь у нас нет выбора, – кивнул полковник. – Будет война... И все из-за того, что один человек взорвал бомбу замедленного действия, которая уничтожила целый мир...

Он по-прежнему целился из своего оружия в грудь Йондору. Йондор ждал, глядя ему в глаза.

ПОТОМ ПОЛКОВНИК опустил оружие.

– Но я слышал, что говорил перед смертью Кеулипит, – вздохнул он. – Его планы относительно Человечества несколько отличались от тех, каким привыкли верить наши послы.

– Я знал это, – подавленным голосом отозвался хранитель. – Как только я увидел, что их сектора окружили оставшийся за нами космос, я понял... но боялся признаться в этом самому себе.

– У нас есть законсервированный флот, – мрачно сказал полковник. – Мы встретим их, еще не поздно. – Он повернулся к старишку.

– Я придумаю, как прикрыть вас, доктор. А сейчас мы вернемся, мне нужно послать отчет о...

– А что делать с Йондором и его людьми? – спросил хранитель, коснувшись руки полковника.

Полковник взглянул на Йондора.

– Наверное, его нужно расстрелять, – рассмеялся он. – Но я не буду стрелять в него.

– Давайте сражаться вместе? – предложил Йондор.

– Вы? Дикари, одетые чуть ли не в шкуры?

– Мы можем научиться, а нас тысяча восемьсот человек...

Один из людей в форме подошел к полковнику и что-то ему показал. Йондор подошел к ним и протянул руку.

– Теперь это мое.

Полковник глянул на него и молча протянул ему серебряных орлов на кожаном ремешке, снятых с трупа Капитана. Йондор повесил их себе на шею.

— Теперь я Боевой Капитан, — сказал он. — Дайте корабль моему Экипажу.

Полковник поглядел на древние знаки различия звания, затем чуть-чуть улыбнулся, просто дернул уголками губ.

— Ладно, Боевой Капитан. Я посмотрю, как вы воспользуетесь своим шансом.

Йондор почувствовал, что сам улыбается, и поднял руку жестом, каким член Экипажа отдает честь Капитану.

Полковник козырнул ему в ответ.

— Действуйте, — сказал он.

Time bomb, (Amazing Stories, 1965 № 8), пер. Андрей Бурцев

WORLDS OF Issue No. 25
1970 75¢ MAC

TOMORROW

SCIENCE FICTION

The Jagged Pink
Marshmallow Kid

W. MACFARLANE

COMPLETE NOVEL
IN THIS ISSUE
The Dream Machine
KEITH LAUMER

Greyspun's Gift

NEAL BARRETT, JR.

Seedling from the Stars

JOHN JAKES

МАШИНА ГРЕЗ

I

КОМНАТА БЫЛА большой, с толстыми коврами на полу и стенами, задрапированными дамасскими тканями, причудливыми подоконниками и большой спиральной люстрой из венецианского стекла, над которой, должно быть, не меньше года трудилась целая семья резчиков. Широкоплечий человек с длинным, торжественным лицом и большим носом, покрытым сеткой лопнувших кро-веносных сосудиков, встретил меня у двери, осторожно подал руку и подвел к длинному столу, старательно отполированному и навощенному, за которым сидели в ожидании еще четыре человека...

— Джентльмены, мистер Флорин, — представил меня широкоплечий.

У людей за столом были странно похожие лица, напоминающие камбалу, так что я был просто в восторге от знакомства с ними. А им если и понравилась моя внешность, то они никак это не выразили.

— Мистер Флорин согласился нам помогать... — начал Большой Нос.

— Не совсем так, — тут же перебил я его. — Я согласился вас выслушать.

Я взглянул на пять лиц за столом, и они зачем-то обернулись. Но стула мне никто не предложил.

— Эти господа, — сказал мой хозяин, — персональный штат сенатора. Вы можете полностью доверять их абсолютной предусмотрительности.

— Прекрасно. А в чем мы должны быть предусмотрительными?

Один из сидящих подался вперед, стискивая лежащие на столе руки. Он был маленький, сухонький, с узкими, точно выпленными из белой глины ноздрями и глазами, как у хищной птицы.

— Мистер Флорин, как вам известно, анархисты и прочие недовольные угрожают нашему обществу, сказал он негромко, словно шепоток совести. — Кандидатура сенатора на пост Мирового Лидера — наша единственная надежда на продолжительный мирный прогресс.

— Возможно. Но причем здесь я?

KEITH LAUMER



— Может, вы заметили, — сказал его сосед, пухлый и весь какой-то мягкий, — что в последние дни избирательная кампания сенатора начинает терять импульс динамики.

— Я не интересовался этим в последние дни.
— Были претензии, — сказал первый, с глазами птицы, — что он повторяется, терпит неудачу при ответах на вопросы его противни-

THE DREAM MACHINE

Asleep or awake, do we
own our dreams—or do
our dreams own us?

ков, что ему недостает динамики. И эти претензии все ширятся. Последние три месяца мы кормим новостные масс-медиа подтасованными фактами.

Все уставились на меня. В комнате повисла тишина. Я оглядел стол, и мой взгляд остановился на человеке с густыми седыми волосами и бульдожьим ртом.

— Вы хотите сказать, что он умер? — спросил я.

Седовласый медленно, почти с сожалением покачал головой.

— Сенатор, — торжественно произнес он, — сошел с ума.

В этот кульминационный момент тишина стала такой же тяжелой, как полностью загруженная стиральная машина в прачечной. А может, и еще тяжелее. Я огляделся, увидел у стены стул, принес его поближе к столу, сел и поерзал, устраиваясь поудобнее, после чего откашлялся. За окном послышались гудки автомобилей.

— Трудности, которые он преодолевал последние три года, подкосили бы обычного человека в два раза быстрее, — сказал человек-птица. — Но сенатор — борец, и он стойко переносил это давление. Однако, оно все же сказалось на нем. Он везде стал видеть врагов. В конце концов, его навязчивые идеи сложились в устойчивую бредовую систему. Теперь он считает, что все против него.

— Он уверен, — сказал Большой Нос, — что существует заговор с целью его похищения. Он предполагает, что враги намереваются промыть ему мозги и сделать своей марионеткой. Соответственно, он решил, что должен бежать.

— Трагично, — сказал я, — но это не совсем моя сфера. Вам нужен мозгоправ, а не сыщик.

— Самые лучшие нейропсихологи и психиатры страны пытались вернуть сенатора к реальности, мистер Флорин, — сказал Большой Нос. — Но у них ничего не получилось. Поэтому мы решили привести реальность к сенатору...

— **НАШ ПЛАН** в этом и состоит, — сказал человек-птица, подавшись вперед, и на его лице появилось даже нечто вроде выраже-

ния, — Сенатор полон решимости рискнуть пойти в Город инкогнито, чтобы отыскать там своих врагов. Отлично. Мы проследим, чтобы его бегство было успешным.

— Он предполагает, что, выйдя из роли делового человека, лишившегося пропитания и положения в обществе, он может просто затеряться в толпе, — сказал Большой Нос. — Но он столкнется с тем, что это не так все просто. Аналитики, изучавшие его дело, уверяют нас, что его чувство долга нельзя так просто скрыть. Трудности возникнут из глубины его же разума. А поскольку ему противостоят воображаемые препятствия — он обнаружит, что, в конце концов, они вовсе не воображаемы.

— Человек, который считает, что его преследуют невидимые враги, который считает, что ему грозит смерть, является, по определению, психически больным, — сказал человек-птица. — Но что, если его действительно преследуют? *Что, если его страхи истинны?*

— Мы априори считаем его нормальным, мистер Флорин, — сказал Большой Нос. — И, непосредственно столкнув его с реальностью, приведем его обратно к здравомыслию.

— Ловко, — сказал я. — А кто обеспечит его розовыми слонами? Или серебряными человечками в клозете?

— Мы не лишены ресурсов, — мрачно сказал Большой Нос. — Мы уже приняли меры, чтобы часть города была эвакуирована, за исключением надежного, умелого персонала. Мы установили очень сложное оборудование, реагирующее непосредственно на его мысли. Все его перемещения будут отслеживаться, а фантазии контролироваться — и одновременно воспроизводиться надлежащие явления, соответствующие его страхам.

Я осмотрел сидящих за столом. Они все были очень серьезны.

— Джентльмены, вы ждете слишком уж многоного от киносъемок и дешевых эффектов, — сказал я. — Сенатор может быть таким безумным, что верит в замок Дракулы, но он не дурак.

Большой Нос холодно улыбнулся.

— Мы хотим кое-что продемонстрировать вам, мистер Флорин.

Он шевельнул пальцем, и я услышал рычание сложных механизмов. Скрежет и стук, становившиеся все ближе и все громче. На столе задребезжали пепельницы. Пол затрясся, люстра принялась раскачиваться. Со стены упала картина. Затем сама стена внезапно выпятилась и рухнула, а в проломе показалась десятимиллиметровая пушка и нос со множеством финтифлюшек танка Боло Марк III, который продвинулсь в комнату и остановился. Я чувствовал запах пыли и вонь солярки, слышал завывание турбины на холостом ходу, а также глухой стук падающих кирпичей.

Большой Нос снова шевельнул пальцем, танк исчез, а стена вновь сделалась целой, картина и все прочее оказались на своих местах, а единственным звуком была моя попытка прокашляться.

Я достал носовой платок, вытер лоб и загривок, а они улыбались, глядя на меня с омерзительным превосходством.

– Да, – сказал я. – Беру назад мое предыдущее возражение.

– Поверьте мне, мистер Флорин, – сказал Большой Нос, – для сенатора побег в город будет совершенно реальным.

– Все равно, этот план кажется мне полным безумием, – сказал я. – Если вы пригласили меня сюда, чтобы послушать мои советы и извлечь из них пользу, то говорю вам – забудьте об этом.

– Нам нужны не ваши советы, – сказал человек-птица, – а ваше сотрудничество.

– И в чем заключается моя роль?

– Когда сенатор отправится на поиски приключений, – сказал Большой Нос, – вы пойдете с ним.

– Я слышал о людях с надломленным сознанием, – сказал я. – Но даже не знал, что они нуждаются в попутчиках.

– Вы будете охранять его, мистер Флорин. – Вы будете обеспечивать его безопасность в реальных опасностях, с которыми он столкнется. А попутно вы обеспечите канал связи, через который мы станем контролировать его действия.

– Понятно, – вздохнул я. – А что, как сказал бы любой, мне с этого обломится?

Человек-птица встретился со мной взглядом.

– Вы считаете себя наемником, человеком чести, одиноким воином с силами зла. Нам очень нужны ваши специфические навыки. Вы не можете повернуться спиной к служебному долгу и одновременно поддерживать самоуважение. Соответственно, вы сделаете то, что мы хотим. – И он откинулся на спинку кресла с довольным видом человека, добившегося своего.

– Неожиданный поворот, – сказал я.

– Выбор простой, – заявил Большой Нос. – Теперь вы знаете ситуацию. Время не ждет. Так вы поможете нам или нет?

– Вы мне сказали, что советовались с лучшими психологами, – сказал я. – Так кто я такой, чтобы спорить с ними? Когда начинается наш эксперимент?

– Он уже в стадии реализации. Сенатор ждет вас.

– Он знает обо мне?

– Он полагает, что ваше появление подстроено им самим.

– Я вижу, у вас на все есть ответы, – сказал я. – Может, это и к лучшему... если вы знаете все вопросы.

— Мы использовали все возможности, какие могли предусмотреть. Остальное — ваше дело.

Двое из комитета — они называли себя Внутренним Советом, — проводили меня в ярко освещенное подвальное помещение. Там три молчаливых человека ловкими руками вложили меня в новеньющую куртку из мягкой серой материи, которая, по словам Большого Носа, была пуленепробиваемой, и также имела встроенный климат-контроль. Меня снабдили оружием. Один пистолетик был в виде перстня на пальце, а другой — просто ручка с зажимом. Один из техников дал мне коробочку, упакованную искусственным жемчугом. Внутри, на слое ваты, лежал кусочек пластика размером с рыбью чешуйку.

— Это устройство связи, — сказал он. — Сейчас мы укрепим его под вашими волосами за ухом, где оно станет совсем незаметно. Вы даже не будете его чувствовать.

В комнату вошел розовощекий человек, которого я прежде не видел, и что-то прошептал Большому Носу, прежде чем повернулся ко мне.

— Если вы готовы, мистер Флорин... — сказал он голосом, таким же мягким, как последнее желание осужденного, и не стал ждать моего ответа.

Идя за ним, я оглянулся у двери. Четыре мрачных лица провожали меня взглядами. Платочком никто не махал.

II

Я РАНЬШЕ слышал о летнем гнездышке сенатора. На деле это оказался скромный такой домик на восемьдесят пять комнат, с пятьюдесятью акрами газонов и сада, стоявший в предгорье в шестидесяти километрах к северо-востоку от города. Пилот выбросил меня в зарослях больших хвойных деревьев, прохладный ночной воздух вокруг был наполнен ароматом сосновой смолы, а в полукилометре светились окна дома. Следуя инструкциям, я крался среди деревьев, создавая шума не больше, чем лось в период случки, и нашел дырку в заборе там, где она и должна была быть, по их словам. В пятидесяти шагах от меня прошел вооруженный человек с собакой на поводке и даже не повернул головы в мою сторону. Когда он ушел, я стал пробираться к дому.

Задняя дверь была скрыта стеной разросшегося можжевельника. Поворот ключа — и я очутился в небольшой комнатушке, заполненной вонью дезинфекции. Еще одни двери впустили меня в узкий холл. Справа в фойе горел свет, и я направился туда, поднялся на три пролета узкой лестницы и очутился в коридоре, стены которого

были затянуты серым шелком, что-то смутно мне напоминая. Но я не стал думать об этом. Впереди из открытой двери лился рассеянный свет. Я пошел на него в полумраке, вдыхая запахи вошеного дерева, гаванских листьев и старых купюр.

Он стоял у открытого стенного сейфа спиной ко мне, и повернулся, когда я вошел в дверь. Я сразу узнал косматую, белокуро-серую шевелюру, квадратный подбородок с ямочкой, за которую голововали все женщины, а также широкие плечи, обтянутые какой-то одеждой ручного шитья. Глаза у него были голубые и смотрели так спокойно, словно я был дворецким, которого он вызвал звонком.

— Флорин, — сказал он звучным, но мягким голосом, какого я вообще не ожидал. — Вы пришли.

Он протянул мне руку. У него оказалась жесткая хватка, аккуратный маникюр и никаких мозолей.

— Что я могу сделать для вас, сенатор? — спросил я.

Он мгновение помолчал, прежде чем ответить, словно вспоминая какую-то старую шутку.

— Наверное, они рассказали вам историю о том, что я схожу с ума? О воображаемых заговорщиках, которые хотят меня похитить? — Но прежде, чем я придумал ответ, он добавил: — Это все, разумеется, имеет место, но истина совершенно иная.

— Ладно, — ответил я. — Я готов выслушать ее.

— Они убьют меня, — спокойно сказал он, — если вы, разумеется, не сумеете спасти мою жизнь.

ОН ПРЯМО, без обиняков, взглянул на меня. Я открыл было рот, чтобы о чем-то спросить, но промолчал, а вместо этого прошел к телефону слоновой кости на столике. Он глядел, не говоря ни слова, как я проверяю телефон, светильники и даже большую ветку чуть увядших роз на столике, а после всякие санитарные штучки в примыкающей ванной. Я нашел три жучка и бросил их в унитаз, не забыв спустить воду.

— По надлежащим образом установленному в других помещениях индуктивному микрофону все равно можно нас подслушать, — сказал я после всего этого. — Забудьте о конфиденциальности в современном мире.

— А как насчет подглядывания — снаружи? — спросил он.

Я кивнул на живую изгородь.

— Как вы и предполагали.

Он кивнул, словно я сказал ему нечто важное.

— Между прочим, — продолжал я, — мы раньше встречались, сенатор?

Он покачал головой и слегка улыбнулся.

— Учитывая текущие обстоятельства, — сказал я, — вы, наверное, хотели бы увидеть какие-нибудь мои документы?

Может, он немного смущился, а, может, и нет. Я не великий чтец по лицам.

— Мне известна ваша репутация, мистер Флорин, — сказал он.

— Может, вам лучше самую малость просветить меня, сенатор, — сказал я. — Я не хотел бы совершать ненужных ошибок.

— Вам же известна политическая ситуация в городе, — ответил он. — Анархия, беспорядки, толпы на улицах, но все это не так стихийно, как может показаться. Толпами управляют с определенной целью, и цель эта — измена.

— Это весьма редкое слово, сенатор, — сказал я. — Не так уж часто можно услышать его в наше время.

— Разумеется, вам говорили о близящихся выборах, опасности политического хаоса, экономического краха и всеобщего планетарного бедствия.

— Выборы были упомянуты.

— Но есть еще кое-что, что, наверное, упомянуто не было. Вторжение на нашу планету.

— Уже двадцать лет, как весь мир управляет единым правительством, так что, явно, не существует никаких внутренних врагов, чтобы начать нападение, — сказал я. — Так кто же тогда вторгся? Маленькие зеленые человечки с Андромеды?

— Не человечки, — сердито ответил он. — Что же касается Андромеды... Я не знаю, откуда.

— Странно, — сказал я. — Что-то я не замечал их поблизости.

— Вы не верите мне.

— А почему я должен верить?

Он коротко рассмеялся.

— Действительно, почему. — Но слабая улыбка тут же исчезла с его губ. — Но предположим, я дам вам доказательства.

— Валяйте.

— Как вы, вероятно, понимаете, у меня нет их здесь — нет ничего, что убедило бы вас.

Я кивнул, глядя на него. У него не было такого дикого взгляда, как у большинства психов.

— Я понимаю, что мои слова вроде бы придают правдоподобие тому, что вам наговорили обо мне, — спокойно продолжал он. — Я сознательно пошел на этот риск. Важно, чтобы я был совершенно искренен с вами.

— Ладно. И что теперь?

— Они связаны с врагами — люди, которые говорили с вами. Их лидера, между прочим, зовут Ван Уоук. Они намерены сотрудничать с ним. Они надеются на особое вознаграждение, когда будет установлен новый режим. Бог знает, что им пообещали. Но я собираюсь остановить их.

— Как?

— У меня есть личный персонал. Небольшая группка лояльных мне людей. Ван Уоук знает об этом. Вот почему он собирается меня убить.

— Тогда чего он ждет?

— Прямое убийство сделало бы меня мучеником. Он хочет сначала дискредитировать меня. История с безумием — первый шаг. С вашей помощью он надеется подтолкнуть меня к поступкам, которые вызовут и одновременно объяснят мою гибель.

— Меня отправили сюда, чтобы помочь вам сбежать, — напомнил я ему.

— Чтобы по дороге меня захватили его наймиты. Но у меня есть возможности, о которых он не знает. Именно так я узнал о вторжении... и о другом пути бегства.

— Почему тогда вы не сбежали раньше?

— Я ждал вас.

— Почему вы считаете меня таким важным?

Он глянул мне прямо в глаза.

— Я хочу, чтобы вы стали моим союзником, верным до самой смерти. Или так — или никак.

— Допустим, вы добились этого.

— Вы понимаете, что будете подвергаться смертельной опасности с того момента, ка только мы отклонимся от подготовленного сценария Ван Уоука?

— Такая мысль приходила мне в голову.

— Хорошо, — коротко сказал он. — Давайте продолжим.

Он прошел в ванную, взял там с вешалки поношенную куртку и надел ее. В ней он был слегка замаскирован от пристальных взглядов, впрочем, совершенно недостаточно, чтобы сойти за бродягу. Пока он занимался этим, я поглядел в открытый сейф. Там лежал пакет каких-то официальных на вид документов, обернутый фиолетовой лентой, и толстая пачка чего-то весьма напоминающего деньги, за исключением того, что они были напечатаны фиолетовыми чернилами, с изображением льва и словами «Законное платежное средство «Ластириан конкорда» для всех общественных и частных долгов». Так же в сейфе лежал плоский пистолет неизвестной мне системы.

— Что такое «Ластиан конкорд», сенатор?

— Торговая организация, акциями которой я владею, — ответил он после секундного колебания. — Сейчас их валюта почти бесполезна. Я храню их, как напоминание о своем неудачном финансово-вом решении.

Он не наблюдал за мной, и я ловко переместил пистолет из сейфа себе в боковой карман. Сенатор стоял у окна, водя пальцами по серой металлической раме.

— Отсюда до низу далеко, — заметил я. — Но, думаю, у вас в рукаве есть веревочная лестница.

— Гораздо лучше, Флорин.

Я услышал тихий хруст, рама распахнулась внутрь, как двери. Но снаружи не донеслось ни малейшего ветерка. За рамой, на расстоянии полуметра, оказалась глухая серая стена.

— Стены с двойными панелями, — сказал он. — У дома есть много функций, о которых Ван Уоук и понятия не имеет.

— Так каков был старый маршрут, сенатор? — спросил я. — Тот, который Ван Уоук подготовил для вас?

— Есть официальный запасной выход, задняя дверь ведет вниз, в гаражи. Охрана, предположительно, подкуплена и предоставит нам автомобиль. Этот же путь менее удобный, но гораздо более личный.

Он шагнул через фальшивое окно первым и тут же скрылся из глаз. Я собирался было последовать за ним, но тут в ухе у меня защебетал сверчок.

Отличная работа, прошептал крошечный голосок. *Все идет, как надо. Оставайтесь вместе с ним.*

Я кинул последний взгляд на комнату и последовал за сенатором его потайным ходом...

ВЫШЛИ МЫ на территории сада под гигантским сейбом*. Кому-то стоило огромных денег, чтобы пересадить его сюда живым. Сенатор направился по декоративному саду к ряду импортированных тополей, тянувшемуся вдоль забора. Из кармана куртки он достал портновские ножницы и несколько проводков для перемычек. Ловко, можно даже сказать, профессионально, он проделал в защищенной сигнализацией ограде лаз, через который мы пролезли и оказались на кукурузном поле под звездами.

Обзор оказался весьма неплохим, когда мои глаза приспособились к свету звезд. Мы миновали поле, за которым оказался крутым холм. Сенатор проявил неплохие альпинистские навыки, и,

* Сейб (он же капок) — хлопковое дерево (прим. перев.)

казалось, точно знал, куда направляется. Когда мы вскарабкались на гребень, он указал на слабое свечение на севере и сказал, что там, на расстоянии шестидесяти километров, находится город. Но тут появился вертолет, освещая прожектором верхушки деревьев. Вероятно, с более близкого расстояния инфракрасный детектор и мог бы обнаружить нас, но мы находились среди покрытых лесом холмов, где без труда могли затеряться.

Поход занял минут десять и, по прикидке сенатора, вполне укладывался в расписание. Мы спустились с противоположного крутого склона холма в узкую долину, разрезавшую дикую местность, как сабельный удар. Прошли несколько сотен метров на север к ущелью, где будет удобнее всего спрятаться, если возникнет необходимость быстро скрыться с глаз. Сенатор протянул мне маленькую серебряную фляжку и квадратную таблетку.

— Бренди, — сказал он. — И усилитель метаболизма.

Я попробовал бренди, он был классного качества.

— Это мне нравится, — сказал я. — Роскошный побег из тюрьмы, чисто американский план.

Сенатор рассмеялся.

— У меня было много времени на подготовку. Еще три месяца назад я заподозрил, что Ван Уоук и Совет сговорились. Я ждал, пока не убедился в этом.

— А вы действительно уверены, что убедились? Может, они знают, что вы не знаете, что знают они.

— К чему вы клоните?

— Может, такой маршрут побега был фальшивым? Может, проход в двойной стене входил в их планы? Может, они наблюдают за вами прямо сейчас?

— Я с такой же легкостью мог решить отправиться на юг, как и к столице.

— Но у вас были причины пойти именно в этом направлении. Может, им известны эти причины.

— Вы просто гадаете, Флорин? Или...

— Если бы было это «или», я бы вам ничего не сказал.

Он снова рассмеялся, негромко, невесело, но все же рассмеялся.

— Где же заканчивается эта цепь рассуждений, Флорин? Все иное, чем выглядит, или каётся тем, чем кажется? Нужно же где-то поставить разграничение. Я предпочитаю думать, что думаю своими мыслями и что они столь же хороши, или даже лучше, чем то, что мог придумать Ван Уоук.

— Что произойдет после того, как вы встретите своих? О каких верных людях вы говорили?

— У них есть доступ к широковещательным сетям. Я появлюсь на тридео во всем мире и сообщу о сложившейся ситуации, что связет руки Ван Уоуку.

— Или сыграет им на руку.

— В смысле?

— Предположим, вы только вообразили этих межпланетных захватчиков.

— Да ничего подобного. Я уже говорил вам, что у меня есть доказательства их существования, Флорин.

— Если вы можете вообразить межпланетных захватчиков, то и ваши доказательства тоже могут быть воображаемыми.

— Если вы сомневаетесь относительно моего здравого ума, тогда зачем вы здесь?

— Я согласился помогать вам, сенатор, но не верить в ваши идеи.

— Правда? А ваша идея помочь мне не может состоять в том, чтобы привести меня, как козленка на веревочке, прямо в лапы Ван Уоука?

— Я просто рассуждаю, сенатор. У людей, знаете ли, действительно бывают иллюзии и галлюцинации. И люди верят в них. Почему вы считаете себя неуязвимым от этого?

Он начал было резко отвечать, но тут же прервал себя, покачал головой и улыбнулся.

— Я не люблю развлекаться парадоксами в это время ночи... — Он снова прервался и вскинул голову.

Я тоже услышал это: турбины, завывающие в южном направлении, не так уж далеко.

— Вот и наш экипаж, — сказал я. — как вы и предсказывали, сенатор.

— Общеизвестно, что здесь проходит грузовая линия. Не считайте это чем-то мистическим.

— Я предполагаю, что Ван Уоуку это тоже известно.

— Спрячьтесь в канаве, если хотите. А я буду голосовать.

— Это вы спрячьтесь. Я в бронежилете.

— Какого черта? — резко огрызнулся сенатор, немного выходя из образа. — Должен же человек хоть чему-то доверять.

Он шагнул на середину дороги и, когда машина подъехала ближе, замахал рукой, прося остановиться. Мы залезли в кузов и уютно устроились среди пустых куриных клеток.

III

ВОДИТЕЛЬ ВЫСАДИЛ нас в районе складов рядом с береговой линией, на старом, разбитом тротуаре. Холодный, порывистый ветер, пахнущий мертввой рыбой и просмоленными канатами, нес

песок и рваные газеты. Слабые лампы, дающие мертвенный, точно в морге, свет, горели в витринах магазинчиков, уставившихся на нас слепыми глазами-окнами. Несколько человек — мужчины в фетровых шляпках и дамы в шляпках «колокол», меховых ботинках и с голыми ногами, отважно боролись с ветром.

— Что это Флорин? — резко спросил сенатор.
— Да ничего особенного, — пожал я плечами. — Правда, непохоже на то, что я ожидал.

— А вы чего-то ожидали?
— Не берите в голову, сенатор, я просто так. И куда мы теперь?
— Тут рядом есть местечко. Там нас будут ждать каждый четвертый час, пока я не появлюсь. — Он взглянул на наручные часы. — Осталось меньше получаса.

Мы прошли мимо закрытой лавки портного с манекенами в двубортных костюмах, на плечах которых скопилась пыль, мимо кондитерской и аптеки. Все прохожие почему-то шли по противоположной стороне улицы, хотя я не заметил, чтобы кто-то переходил дорогу, чтобы избежать встречи с нами. Удивляло количество высоких и стройных женщин в серых пальто с воротниками из белочьего меха. Медленно проехал автомобиль с плотно закрытыми шторками окнами.

В ухе у меня зажужжало, и тоненький голосок прошептал: *Флорин, вышла небольшая накладка. Вы должны пока что не пустить объект к месту встречи. Пойдите на восток, дальнейшие инструкции получите позже.*

— Я передумал, — сказал я сенатору. — Давайте пропустим эту встречу. Вы можете встретиться через четыре часа.

— Черт побери, да у этого человека каждый час на счету.
— У него одного, сенатор?
— Ладно. Что вы задумали.
— Давайте, немного пройдем на восток.
Он настороженно поглядел на меня.
— Флорин, есть что-то, о чем вы мне не сказали?
— Я хочу спросить об этом же вас.

Он заворчал, обогнал меня и первым направился на восток. Я последовал за ним. Кварталы впереди выглядели точно так же, как те, что мы уже миновали. Большая зеленая машина промчалась через перекресток в полуквартале впереди. Мы продолжали идти.

Прекрасно, Флорин, прошептали мне в ухо. Остановитесь на следующем углу и ждите.

Мы миновали перекресток.
— Идите вперед, — сказал я. — А я хочу проверить кое-что.

Он глянул на меня с неудовольствием, прошел шагов пятьдесят и остановился, глядя в темную витрину. Я увидел, как зеленая машина сворачивает за угол двумя кварталами дальше, развернулся и догнал сенатора.

- И что теперь? – проворчал он, отступив к стене.
- Сюда, в переулок, – рявкнул я в ответ, хватая его за руку.
- Зачем? Что…
- Интуиция.

Я толкнул его в темноту, где висела в воздухе вонь, а под ногами что-то хрустело. И тут же услышал гудение двигателя большой машины, оно приближалось, затем остановилось и смолкло. Хлопнула дверца. Потом машина пошла дальше, проехав мимо переулка, где мы стояли в темноте.

- Да ведь это тот самый автомобиль… – прошептал сенатор.
- Вы знаете владельца?
- Разумеется, нет. Что это, Флорин?
- Явно чья-то игра. И мне не нравятся ее правила.
- Бога ради, вы не можете говорить яснее?
- Это так просто не объяснишь. Давайте туда, сенатор.

Я указал ему вглубь переулка. Он заворчал, но пошел. Мы вышли на темную улицу, более широкую, чем переулок, но не менее ароматную.

– Куда вы ведете меня, Флорин? – спросил сенатор заметно охрипшим голосом. – Во что вы меня втягиваете?

– Я просто импровизирую, – ответил я. – Давайте отыщем тихий уголок, где можем поговорить…

Я явно запоздал со своим разумным предложением, потому что из переулка выскочил зеленый автомобиль, ударился о бордюр, захихял, но тут же выправился и помчался прямо на нас. Я услышал, как закричал сенатор, потом раздался звон стекла, громкий треск, я увидел вспышки пламени из машины, и в щеку мою впились кирпичные осколки. Я повернулся, схватил сенатора. Толкнул его вперед, слыша, как автомат запнулся и смолк, оставив нас в звенящей тишине.

Сенатор оперся о кирпичную стену спиной ко мне и медленно опускался на колени. Я бросился к нему, подхватил и увидел, как на боку у него расползается большое пятно. На улице раздался чей-то голос. Загремели шаги, приближаясь к нам. Самое время было уходить. Я закинул руку сенатора себе на плечи, ноги его волочились по кирпичам, а всем весом он навалился на меня. Мы сделали таким образом двадцать пять шагов, прежде чем я увидел дверь, скрытую в глубоком проеме слева. На ней не было таблички с при-

глашением входить, но я повернул к ней и нажал ручку, дверь оказалась незапертой, и мы очутились в темной комнатушке, с какими-то ящиками, покрытой стружкой полом и обрывками проводов или веревок, едва заметных в тусклом свете из засиженного окна.

Я устроил сенатора на полу, осмотрел и нашел две дырки в боку, сантиметрах в пятнадцати друг от друга.

- Насколько плохо? – прошептал он.
- Сломано ребро. Пуля отскочила от него. Вам повезло.
- Они пытались убить меня. – Он хотел встать, но я не дал.
- Не похоже, что вы удивлены. Вы говорили, что у них есть виды на вас, помните?
- Да, но... – он помолчал, собираясь с силами. – Они просто спящие. – Он снова помолчал. – Флорин, что теперь делать?
- Тот приятель, с которым вы собирались встретиться, – сказал я. – Расскажите мне о нем.
- Его зовут Эридани. Вы были правы. Это ловушка. Теперь я не могу пойти туда, я...
- Держитесь, сенатор. Если у меня и были кое-какие сомнения насчет вашей истории, то эти пули все меняют. Я проверю Эридани. Если все будет хорошо, то я приведу его сюда...
- Нет, не оставляйте меня одного...
- Тут самое безопасное место.

Внезапно он сник.

– Я заслужил это. Я не рожден для подобных вещей, верно ведь, Флорин? Ну, я хочу сказать, что насилие никогда не было моей сильной стороной. Но теперь я в норме. Я больше не выставлю себя дураком.

Я быстренько перевязал его полосками, оборванными от рубашки.

– Как вы думаете, вы можете идти?

– Конечно.

Я помог ему подняться на ноги, и тут у меня в правом ухе раздался щелчок, и голосок, не громче, чем шелест жука в траве, сказал: *Отлично, Флорин. Ждите дальнейшего развития событий.*

Сенатор в это время застегивал куртку, шипя от боли при каждом движении. Я ощупал голову за ухом, нашел микроскопическое устройство, сорвал его и раздавил каблуком. Дверь на противоположной стене открывалась в грязный холл, ведущий к стеклянной двери на улицу.

Никаких зеленых «бьюиков» не было в поле зрения. Никто в нас не стрелял. Мы старались держаться в тени, как мыши, которых застали вне норки, и двигались к берегу.

Я ВНИМАТЕЛЬНО оглядел улицу, которая была лишь менее запущенной, чем та, где в нас стреляли. Две ступени вели вниз, к тускло-коричневому освещению, откуда неслись ароматы выписки и табачный дым. Мы сели в кабинку и заказали пиво у экс-тяжеловеса с перебитым носом и плоской физиономией. Он поставил перед нами два полных стакана. Я достал носовой платок и обтер лицо. Повязку я наложил на сенатора удачно, так что через нее не пропустила кровь. Если хозяин и заметил в нас что-то необычное, то оказался достаточно умным, чтобы и виду не подать.

- Он опаздывает, — нервно сказал сенатор, сидя лицом к двери.
- Не нравится мне это, Флорин. Мы тут легкая добыча. Они могут выстрелить через окно...
- Они могли сделать это в любое время. Однако, не сделали. Может, попозже мы выясним, почему.

Он не слушал. Он глядел на дверь. Я повернулся и увидел стройную, темноволосую девушку, до глаз завернувшуюся в кольцо меха рыжей лисы, она спустилась по ступеням и стала осматриваться. Ее взгляд, вроде бы, на миг остановился на нашей кабинке, но, может, я принял желаемое за действительное. Лицо у нее было такое, словно она парила в мечтах где-то далеко-далеко. Она прошла через бар и исчезла за задней дверью.

- Ну, что, — сказал я, — она на нашей стороне?
- Кто?
- Не перегибайте палку, сенатор, — сказал я. — Никто не пропустит такую красотку.

Нахмутившись, он поглядел на меня.

- Послушайте, Флорин, мне не нравится ваш тон.
- Есть что-то, что вы не сказали мне, сенатор?
- Я сказал вам все, — рявкнул он. — Этот фарс зашел уже слишком далеко.

Он вскочил и застыл, глядя в окно. Я повернул голову и через стекло увидел светло-зеленый «бьюик», останавливающийся у обочины. Открылась дверка и из машины вылез человек в сером.

Казалось, он заметил меня в окне и замер на полшаге.

- Вы его знаете? — воскликнул я.

Сенатор не ответил. Его лицо как-то странно дрожало, а откуда-то издалека возник высокий, певучий звук. Я попытался встать, но не почувствовал ног Сенатор склонился надо мной, что-то крича, но слов я не разобрал. Их заглушил гул, словно в туннеле мчался на меня поезд. Силы куда-то исчезли, и я стал падать, а поезд умчался

в темную бездну, издавая жалобные звуки, постепенно растворившиеся в небытие.

IV

Я лежал на спине на горячем песке, и солнце горело лицо не хуже духовки. По мне бегали огненные муравьи, кусая то тут, то там, причем выбирали места, где было повкуснее. Я попытался шевельнуться, но руки и ноги были связаны.

– Ты проклятый трус, – сказал кто-то.
– Будьте вы прокляты, я сделал все, что мог! Но я мало что мог!
Голоса неслись откуда-то с неба. Я попытался размежить веки, чтобы увидеть, кто говорит, но они были скованы, как и все остальные части тела.

– Это ваша личная ошибка, Берделл, – раздался еще чей-то голос.

Этот голос кого-то мне напоминал. Трайта. Трайта Ленвила. Это имя возникло откуда-то из давно забытого прошлого. И не походило на имя того, кого я когда-нибудь знал.

– Моя ошибка, черт побери! Вы были тайными лидерами, вы, кто знал, что делал. А я прошел через ад, говорю же вам. Вы не знаете, что это такое.

– Вы бросили все, убежали. Да вас застрелить мало!
– Заткнитесь вы все! – рявкнул кто-то еще, и я узнал этот голос, голос Большого Носа. – Ллойд, верни все в первое положение. Барделл, будь готов...

– Да вы что, с ума все посходили? Разве мне не достаточно...
– Вы возвращаетесь. Вы некомпетентный путаник, но, кроме вас, у нас никого нет. И не спорьте. Время уже на исходе.

– Вы не можете так поступить. Я потерял уверенность. Я больше не верю в метод. Это было бы убийство...

– Самоубийство, – прервал его Большой Нос, – если вы не встряхнетесь и не встретите его. Мы доверяем вам. Отступать уже некуда.

– Мне нужна помощь. По крайней мере, дайте мне... Вы же сами сказали, что это ничему не повредит.

– Как насчет этого, Ллойд?
– Ладно, ладно, только уймитесь. У меня и так уйма хлопот.
Они говорили что-то еще, но все утонуло в новом звуке.

Поднявшийся ветер был горячим, как жгущая кожу паяльная лампа. Он гудел надо мной, буквально разбил мне голову, и темнота Ниагарой хлынула внутрь черепа, смывая голоса, муравьев, пустыню и меня самого...

Я ОТКРЫЛ глаза. Напротив меня сидела девушка, уже не кутающаяся в лисью шкуру, а глядевшая на меня с тревожным ожиданием.

— Вы в порядке? — спросила она голосом, напоминающим воркование голубей.

Или весенний ветерок среди нарциссов. Или журчание счастливых вод. Или, может, просто голос. Вероятно, я просто еще не отошел от шока.

— Вовсе нет, — ответил я, словно управлял голосом при помощи дистанционного управления. — Больше всего мне сейчас хочется залезть на люстру и петь йодль*. Только годы тренировок останавливают меня, да еще застарелый ревматизм. Сколько времени я был?

— Вы имеете в виду... — нахмурилась она.

— Правильно, детка. В отключке. Замороженный. Под дозой. Ну, вы понимаете — без сознания.

— Вы просто лежали здесь. Выглядели немного странным, поэтому я...

— Так они заполучили его, да?

— Его? Вы имеете в виду, вашего брата? Он просто уехал.

— На чем уехал? Скорее уж, ушел. Мой бедный приятель был пьян. С чего вы решили, что он мой брат?

— Я... просто подумала...

— Не уверен, стоит ли спрашивать, куда его увезли или зачем?

— Я не понимаю, о чём вы.

— Вот в этом месте, предполагается, я должен обработать вас своей дубинкой и выведать все ваши тайны. Но говоря откровенно, милая, мне сейчас не до них.

Я встал. Это не пошло мне на пользу, и я тут же сел.

— Вам не стоит подниматься.

— А вам что до этого, куколка?

— Да нет, ничего. Просто... — Она не закончила.

— Возможно, в другой раз.

Я снова встал. На этот раз вышло получше, но голова все еще казалась мне мешком, набитым гравием.

— Пожалуйста, подождите! — сказала она, положив свою руку мне на запястье.

— В другое время я задержался бы, — сказал я. — Но долг зовет. По крайней мере, что-то зовет.

* Йодль — напев альпийских горцев в Австрии, Швейцарии, Южной Баварии (прим. перев.)

— Вы больны, вам плохо...

— Прости, детка, но я к этому привык. Простите, что не могу дать вам чаевых, но я оставил бумажник в другом костюме. Между прочим, вы когда-нибудь слышали о «Ластиан конкорде»?

Она не ответила, только покачала головой. Когда я обернулся у двери, Она все еще не сводила с меня своих прекрасных, огромных глаз. Я позволил двери закрыться между нами и вышел на улицу. Падал снежок. В тонком слое слякоти на тротуаре четко выделялись следы сенатора, и я последовал по ним, слегка пошатываясь, но все быстрее обретая форму.

Следы вывели меня туда, где мы с сенатором совершили свой дерзкий побег от убийц — или от кого мы там сбежали, если вообще сбежали? Заканчивались следы на том месте, где мы высадились с грузовика. Лавка портного была по-прежнему закрыта. Но мне показалось, что манекен, второй слева, следит за мной.

— Будь моим гостем, приятель, — сказал я ему. — Мы с тобой одной крови.

Он не ответил, что меня вполне устраивало.

Я чувствовал себя слабым, как новорожденный бельчонок, и, примерно, столь же умным. Запястья и лодыжки болели. Мне хотелось лечь на что-нибудь мяконькое и ждать, пока со мной не произойдет что-нибудь хорошее. Но вместо этого ждать мне пришлось, спрятавшись в темном дверном проеме. Я не знал, чего жду. Я думал о девушке. О ней было приятно думать. Я думал о том, была ли она галлюцинацией, порожденной той гадостью, которой меня накачали? Мне захотелось вернуться и проверить, но именно в этот момент из переулка вышел и стал переходить улицу какой-то человек. Был он в темном плаще и шляпе, но я узнал его лицо. Это был тот потрепанный рыжий, что заявился ко мне в отель и пригласил на встречу с Советом.

Он быстро глянул в обе стороны улицы, затем повернулся и оживленной походкой направился по тротуару. Я позволил ему дойти до угла, затем пошел следом. Когда я дошел до угла, его и след простыл. Я продолжал идти и миновал темный проход как раз в тот момент, чтобы увидеть, как в конце его останавливается вращающаяся дверь. Пройдя в нее, я оказался в маленьком вестибюле, пол которого был украшен черно-белой мозаикой — маленькими, прямоугольничками, уложенными зигзагом — точь-в-точь как мои мысли. Наверх вела лестница, и я услышал шаги. Идущий, казалось, спешил, и я тоже поспешил следовать за ним.

Двумя пролетами выше подъем закончился в темном коридоре. В дальнем конце из-под двери пробивался слабый зеленоватый свет.



Мои ноги ступали по зеленому ковру совершенно бесшумно. Из-за двери тоже не доносилось ни звука. Стучать я не стал, а просто нажал ручку и вошел.

Хороший ковер, шкаф для хранения документов, стул, стол. А из-за стола мне улыбалась кобра в сером костюме в полосочку.

Гну, может, не кобра. Ящерица. Бледно-фиолетовая, местами переходящая в синеву, и белая на горле. Гладкая чешуя, блестящая. Округлая, глаза без век и безгубый рот. Нечто не человеческое. Нечто, откинувшееся на спинку кресла, небрежно повело тем, что можно считать рукой, и произнесло:

– Ну, мистер Флорин, вы удивили нас всех.

Голос его был легок и сух, как лепестки старой розы.

Я достал пистолет и направил на него. Он зажег нечто похожее на сигарету и выпустил дым из двух маленьких, безносых дырочек посреди лица.

– Вы часть первого кошмара? – спросил я. – Или это двойной сеанс?

Он рассмеялся, хорошим таким дружественным, расслабленным смешком, какой вы редко можете услышать от рептилии. Может, он действительно был доволен моим вопросом.

– Забавный вы парень, Флорин, – сказал он. – Но что вы хотите сделать? Что вы ищите в этих призрачных комнатах, в этих коридорах с привидениями, а?

– Вы не учли улицы, тоже находящиеся во власти призраков, – сказал я. – Сдаюсь. Действительно, что я ищу?

– Позвольте дать вам дружеский совет, Флорин. Отпустите его. Перестаньте искать, прекратите вынюхивать. Пусть жизнь течет мимо вас. Примите то, что будет. Флорин, вы деловой человек, а не мыслитель. Так примите события таковыми, какие они есть.

– По одному или все сразу? – Я поднял пистолет и навел его прямо в середину улыбки. – Давайте, рассказывайте, – сказал я. – Что хотите. Но если мне не понравится то, что я услышу, то начну стрелять.

Улыбка рептилии плавала в прозрачной дымке сигаретного дыма. Послышался какой-то скрип, когда я попытался заговорить – это скрипели мои легкие, в которых не осталось воздуха, а была лишь толстая розовая вуаль. Я попытался нажать спусковой крючок, но был словно приварен. Я сильнее напряг палец, скрип сделался громче, туман сгустился и закружился вокруг маленьких красных глазок, которые мерцали, как две исчезающие искорки, в море мрака, мигнули и растворились совсем.

ДЕВУШКА СИДЕЛА напротив меня, на ней было облегающее синее платье, мерцающее, как отполированная рыбья чешуя. Она смотрела на меня с тревожным ожиданием, как орнитолог, наблюдающий за странной птицей.

– Неправильно, – сказал я вслух. – Ни у одного орнитолога не может быть таких прекрасных глаз.

Звук моего голоса поразил меня самого.

– С вами все в порядке? – спросила девушка, голос ее был текучим, как мед, нежным, как утреннее облачко, и сладостным, точно

музыка, в общем, хороший был голос. – Ваш друг ушел, – сказала она со взволнованным видом.

Я огляделся. Я был за столиком в пивной, на том же месте, что и в прошлый раз. Сенатора нигде не было видно. Не было так же ни человека в сером, ни зеленого автомобиля.

– Не поймите меня неправильно, – сказал я. – Я вовсе не из тех пьяниц, что обретаются здесь постоянно. Почему вы решили, что он мой друг?

– Я... я просто подумала...

– И сколько я времени?

– Я не уверена. Я имею в виду – вы просто сидели здесь. Выглядели немного странным и... – голос ее затих.

Я потер виски, за которыми пульсировало что-то тяжелое.

– У вас когда-нибудь было чувство, что вы уже переживали один раз эту сцену? – спросил я. – Могу угадать вашу следующую реплику. Вы хотите сказать, чтобы я не вставал, а подождал, пока не почувствую себя лучше.

– Я... Да, наверное, так было бы лучше. Вы неважно выглядите.

– Я ценю ваш интерес, мисс, но почему вы заботитесь обо мне?

– А почему бы и нет. Я же человек.

– Это больше, чем я могу сказать о некоторых, с кем пришлось общаться в последнее время. Скажите, а вы не видели здесь человека со змеиной головой? Только большой. Я имею в виду его голову.

– Пожалуйста, не городите чепуху, – она посмотрела на меня с непонятным выражением, которое я безуспешно попытался расшифровать.

– Я знал, что вы скажете и это. *Дежавю* – так это называется. Или что-то подобное. Я приходил в себя несколько раз? Вот философский вопрос.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – сказала девушка. – Мне показалось, вы нуждаетесь в помощи. Если я ошиблась... – Она начала было вставать, но я поймал ее за руку и удержал на месте.

– Не уходите. Вы моя единственная связь с тем, с чем являетесь единственной связью, если в этом вообще есть какой-то смысл... или даже если и нет.

Она попыталась выдернуть руку, но не слишком сильно. Я отпустил, но она осталась на месте.

– Возможно, сенатор что-то подсыпал мне, – сказал я. – А, может, он этого не делал. Может, в меня стрелял человек в сером стрелкой с наркотиком.

– В вас стреляли?

— Да. Попали в сенатора, но то была просто царапина. Вы не знаете, кто это мог быть?

Девушка покачала головой.

— А видели человека в сером? Или зеленый автомобиль?

— Нет.

— Но сенатора-то вы видели. Он сидел рядом со мной, когда вы вошли. И притворялся, что не заметил вас. Почему?

— Понятия не имею.

— Я его телохранитель, — сообщил я. — По крайней мере, они так сказали. Но оказалось, что я просто указатель. Индикатор. В общем, это был грязный трюк, не так ли, мисс...

— Реджис. Вы говорите что-то непонятное.

— Мне самому это не нравится, мисс Реджис. Я думаю, что, возможно, потерял доверие сенатора после того, что произошло. Не могу сказать, что виню его. Таким образом, может, он избавился от меня, а может, они все же схватили его. Так или иначе, мне это уже не интересно.

— А кто этот сенатор?

— Сенатор? Очень большой человек. Но никаких имен. По крайней мере, сейчас. Так сказал Большой Нос. Мне жаль, что я не знаю, в какую сторону он ушел. Мне жаль, что я не знаю, в какую сторону шел *я сам*, — если вообще есть какие-либо стороны. Сколько сторон у розового кольца, мисс Реджис?

Она покачала головой, наблюдая за мной.

— Вам придется пропускать мимо ушей кое-какие непонятки, какие я, кажется, высказываю, — сказал я ей. — У меня было несколько легких галлюцинаций. Так что теперь трудно сказать, что галлюцинация, а что — нет. Вот вы, например. Почему вы сидите здесь, слушая меня? К настоящему времени вы должны уже бежать со всех ног, зовя на помощь парней с полосатыми носилками.

— Не думаю, что вы опасны, — спокойно сказала она.

Я кивнул.

— Шикарно. Это все проясняет. Есть еще какие-либо вопросы, на которые вы хотели бы ответить, прежде чем я уйду?

— Пожалуйста, не уходите... Что бы вы там не подразумевали под этим словом.

— Ради чего же... не считая ваших больших голубых глаз?

Я встал. Ноги мои были метров пять длиной, а толщиной с соломинку. Судя по ощущениям. Так что пришлось облокотиться о стол, сделав вид, что так и задумано.

— Мне еще нужно кое-что сделать, детка, — сказал я. — Я меня есть вопросы, требующие ответов, и ответы, которые ищут правильные вопросы. И нет лишнего... времени.

И я пошел, шатаясь, а она не окликнула меня. Я даже немного пожалел об этом, но продолжал идти.

V

СНАРУЖИ Я хотел поискать следы на снегу, но снега не было и в помине. Тротуары утверждали, что снег был частью галлюцинаций. Но хотя бы улица была на месте, уже хоть что-то. Я повернулся направо и пошел туда, куда шел в прошлый раз — или мне пригрезилось, что шел. Чем бы меня ни накачали, это была мощная штука. Я чувствовал себя, как участник съезда, обнаруживший себя в чужом городе утром во вторник.

Улицы были пусты, хотя после полуночи не прошло и пары часов. Не было видно ни людей, ни следов на тротуаре, ни отпечатков шин у обочин. Весь мир принадлежал мне.

Похоже на процесс обучения, — сказал я сам себе. *Всякий раз, когда вы принимаете логически неправильное решение, то возвращаешьесь в исходную точку. Подсознание пытается вам что-то сказать. Ну, а как насчет меня?* — тут же спросил я сам себя. *Я действительно тихо сам с собой веду беседу, как любой нормальный парень, или...*

На этом я решил остановиться и топать дальше молча.

Мне потребовалось двадцать минут, чтобы вернуться к месту, где я встретил Ван Уоука и потрепанного человека. Я направился к стеклянной двери с большими цифрами 13. Но не было никакой двери. Может, я просто попал не туда. А может, кто-то пришел и спрятал дверь, чтобы сбить меня с толку. А, может, двери и вообще не существовало.

Я прошел несколько шагов и наткнулся на врачающуюся дверь, по инерции миновал ее, и меня ослепила сороковаттовая лампочка, висящая в холле на перекрученном шнуре: пустые стены, грубый бетонный пол, временная деревянная лестница вела наверх.

На этот раз, сказал я себе, ты сыграешь получше. Никаких неудач с пистолетом в руке, никаких открывающихся, странных дверей, за которыми таится что-то поразительное. Будь хитрым, как лис — вот должен быть девиз...

Я поднялся наверх. Площадка оказалась усыпанной стружкой и кирпичной пылью. На черной пожарной двери тяжелыми медными цифрами было: 13. Прижавшись к двери ухом, я разобрал за ней голоса. Они о чем-то спорили. Это мне подходило, мне давно уже

хотелось быть неприятным. Я попробовал ручку, она поддалась, и я оказался в коридорчике с оштукатуренной стеной с одной стороны и мутными стеклянными кабинками с другой. Голоса раздавались из третьей по счету кабинки. Я подкрался к ней.

— ...что значит, вы потеряли его? — говорил Большой Нос.
— Говорю вам, существует фактор сложной непредсказуемости! Я попал в интерференцию, — оправдывался высокий, тонкий голос.
— Верните его — прежде чем будет нанесен непоправимый ущерб...

— Но я не понимаю. Восстановление было сделано своевременно...
— Не понимаете? — сказал третий голос, который был не совсем голосом сенатора. — Я говорю вам, что не могу перенести еще один шок, похожий на предыдущий.

— Не думайте о том, что вы можете, а чего не можете. Вы знали, на что подписываетесь.

— Я? Даже профессор не знает, что происходит.
— Не называйте меня профессором, Барделл.
— Господа, не надо терять из виду цель. Все остальное вторично.

Последовала долгая тишина. Я дышал ртом и пытался прочесть сквозь дверь мысли присутствующих. Но либо я не умел читать мысли, либо там никого не было. Затем я тихонько открыл дверь. Комната была пуста и выглядела так, словно пустовала уже весьма долгое время. В шкафу висели три согнутых плечика и оберточная бумага на полке. И еще несколько дохлых мух. В следующее помещение вела скользящая дверь. Я потрогал ее панели, что-то щелкнуло, и дверь скользнула в сторону, а на меня брызнул охряный свет. Я погладил рукоятку пистолета в кармане и двинулся по полу, выложеному большими цветными квадратами.

Я МЕЛЬКОМ глянул на небо. Странным желтым светом светило солнце. Стоял полдень приятного летнего дня. Никакой ночи. И никакой метели. Капли воды брызнули мне на лицо. Я поднял руку и вытер подбородок тыльной стороной ладони. Кожа оказалась холодной, как замороженная рыба.

Поддельные деньги, поддельный сенатор, поддельная погода. Или, возможно, и это фальшивка. Может, я стою в комнате с лазурным потолком и искусственным солнцем. Может быть. Остается вопрос: зачем?

Сенатор должен знать.

Наверняка — но будет ли он говорить?

Что ж, когда я закончу колотить его фальшивой головой по фальшивому тротуару, он запоет, как три канарейки сразу...

Но сначала нужно поймать его.

Это раз плюнуть. Ему не сбежать от орлиных глаз Флорина, Мастера Сыскного Дела... Если я, конечно, не наступлю на собственный шнурок или не получу разрыв селезенки.

Мне кажется, или я почувствовал нотку разочарования? Ты сам не устал от своих приемчиков, а, Флорин?

С приемчиками вечно такая проблема. Они надоедают. Боже, как они надоедают!

Нужно осмотреть парк.

Я посмотрел на широкую аллею, идущую среди пушистой травы и обставленаю по бокам высокими перистыми деревьями. Где-то над ними смутно вырисовывались высокие здания. Из-за угла вывернул какой-то экипаж и направился на высоких колесах ко мне. Он был легкий, выглядевший хрупким, как спортивная машина, без лошади, светло-фиолетового цвета и с позолоченными загнутыми углами. В нем сидели мужчина и женщина, глядя друг на друга, в то время, как экипаж ехал сам по себе. Оба пассажира были одеты во что-то тонкое, белое, с цветными пятнами. Резиновые шины мягко шуршали по мозаичной дороге аллеи, когда экипаж проезжал мимо меня.

Я знал, что Генри планирует большой сюрприз, но такого не ожидал...

Я вдруг понял, что не только разговариваю сам с собой, но и жду ответа. Что бы там ни подмешал сенатор в мое пиво, это снадобье имело больше побочных эффектов, чем шесть месяцев гормональных инъекций, возможно, и галлюцинаций, включающих фиолетовые экипажи, разъезжающие по мозаичным улицам под солнцем вдвое большего размера и второе желтее. Самое время для меня куда-нибудь свернуть и очистить свой организм. Я направился к густым зарослям цветущих кустов, свернулся за них и нос к носу столкнулся с сенатором.

Голова его дернулась.

– Вы? – сказал он вовсе не радостным голосом. – Что вы здесь делаете?

– Простите, я заснул во время нашего разговора, – сказал я. – У меня грубые манеры. Как ваше сломанное ребро?

– Немедленно убирайтесь отсюда, Флорин. Вам здесь нечего делать. Это неправильно...

– А что это вообще за место, сенатор?

Он отступил на шаг.

– Я не могу вам сказать. Не могу даже упоминать о нем.

— Простите за настойчивость, — сказал я и схватил его, поскольку он вроде собрался удрать.

Он вывернулся у меня из рук и побежал. Я бросился вдогонку на каких-то чужих ногах, таща при этом голову размером с дирижабль.

СТРАННОЕ ЭТО было преследование по извилистой, посыпанной гравием дорожке. Мы бежали мимо фонтанов, бросающих звенящие чернильные струи в зеленые кристальные бассейны, мимо окруженных насыпями цветов, словно намалеванных флюоресцирующими красками, под синими тенями деревьев с корой, словно покрытой лаком, и листвой, как старинные кружева. Он бежал быстро, нагнув голову и работая ногами. Я тащился позади на непослушных ногах, глядя, как он все больше и больше удаляется. Затем он перепрыгнул через живую изгородь, упал и все еще катился, когда я рухнул на него сверху. Был он весьма немаленьkim и тяжелым, с сильными руками, но не умел ими орудовать. Несколькоими ударами я выбил у него искры из глаз, затем положил удобненько под то, что походило на можжевельник, хотя и было темно-красного цвета, и принялся восстанавливать дыхание. Через какое-то время он заморгал и зашевелился. Увидел меня и тут же стал мрачным.

— Нам с вами надо немного поговорить, — сказал я. — Я оставил за спиной два парадокса и одно чудо...

— Вы идиот, — начал брюзжать он. — Вы даже не знаете, во что вляпались.

— Но хотел бы узнать, — сказал я. — Между прочим, расскажите мне еще раз, что такое «Ластриан конкорд»?

Он фыркнул.

— Никогда не слышал о таком.

— Очень плохо, — сказал я. — Наверное, я видел его в галлюцинациях. Но я видел его там же, где и это, — и я шевельнул плоским пистолетом, который взял из его сейфа. — Он как раз лежал на пачке «конкорда». Ночной посетитель, причудливо обставленный кабинет, намеки на всякие темные делишки и заговоры. А детали-то хороши: фальшивый Совет, фальшивые деньги, может, и пистолет тоже фальшивый. — Я взвесил пистолет на ладони.

— Это 2-миллиметровый игольник, — сказал он сердито, а, может, испуганно. — Поосторожнее с ним.

— Да, детали были хороши, — продолжал я. — Все подходило друг к другу и отлично сидело, как взятый напрокат смокинг.

— Я пас, — заявил сенатор. — Я тут ни при чем и умываю руки.

— А как насчет вторжения?

Он взглянул на меня и нахмурился.

— Никакого вторжения, да? — сказал я. — Очень плохо. Мне даже немного понравилось это вторжение. У него были такие возможности. А что теперь?

Его челюсти напряглись.

— Да к черту все, — внезапно сказал он и скривился. — Меня зовут Барделл. Я агент. Меня наняли исполнить роль сенатора.

— Зачем?

— Спросите у того, кто меня нанял, — заявил он противным тоном и снова стиснул челюсти.

— Обидно, да? — сказал я. — Мне тоже. Кстати, я должен вам пиво. На этот раз, без наркотиков.

— Вы крепкий парень, верно? Эта доза должна была удержать вас на месте до... — Он резко оборвался. — Не важно. Я вижу, что мы начали неправильно с самого начала.

— Расскажите мне о начале. — Он захотел было встать, но я, стоя над ним, поднял пистолет и покачал головой. — Я не стреляю в лежачего, а также в сидячего, — заявил я. — По крайней мере, не стрелял до сих пор. Так что начинайте говорить, приятель.

Он посмотрел на меня и усмехнулся.

— Железный человек Флорин, — объявил он. — Ничего не подозревающий олух Флорин, который остается связанным по рукам и ногам давно устаревшим долгом. Они связали вас костюмом, гримом и пояснили, что следует говорить — плюс маленько устройство за ухом, которое должно направлять вас, куда надо. И что делаете вы? Продельваете дыру и тащитесь в обход там, где должны были идти напрямик.

— Зато, похоже, у вас все размечено, — сказал я.

— Вы неправильно понимаете меня, Флорин, — возразил он. — Черт, разве вы еще не заметили? — Он коснулся пальцем маленькой выпуклости за ухом. — У меня такое же устройство. Я связан точно так же, как и вы.

— Кем?

— Советом.

— Продолжайте, продолжайте.

— Ладно. У них были планы. Очевидно, они не сработали.

— Не заставляйте меня начать пытать вас, Барделл. Я тот, который любит узнавать все до конца. Начинайте связывать все вместе. Мне не нравятся торчащие концы.

— То, что я скажу, не пойдет вам на пользу.

— Ну, об этом уж судить мне самому.

Он кинул на меня лукавый взгляд.

— Позвольте мне сначала задать один вопрос, Флорин. Как вы добрались из своей комнаты — в довольно-таки захудалом отеле, насколько мне помниться — в правительенную резиденцию? И к тому же, как вы попали в этот отель?

Я задумался. Я помнил свой номер. Ладно, достаточно захудалый. Я попытался вспомнить подробности регистрации, лицодежурного в той гостинице. И ничего. Должно быть, что-то отразилось у меня на лице, на лице завзятого игрока в покер, потому что Бардэлл криво усмехнулся.

— А что вы делали вчера, Флорин? И какое вели последнее дело? А ваши старые родители и долгое, счастливое время детства? Расскажите мне о них.

— Это может быть остаточным эффектом той дряни, — пробормотал я, чувствуя, как язык буквально распухает во рту.

— В фотографической памяти Флорина, кажется, есть несколько маленьких пробелов, — присвистнул экс-сенатор. — Как называется ваш родной город, Флорин?

— Чикаго, — сказал я, и, пока говорил, это слово показалось мне чужим и непривычным, словно бы иностранным.

— А где это? — с озадаченным видом спросил сенатор.

— Между Нью-Йорком и Лос-Анджелесом, если вы не переместили его.

— Лос-Анд... Вы имеете в виду — в Калифорнии? На Земле?

— Это предположили вы, — сказал я и сделал паузу, чтобы облизнуть губы сухим носком, который я обнаружил на том месте, где раньше был мой язык.

— Это кое-что объясняет, — пробормотал он. — Соберитесь с духом, коллега. Сейчас вы испытаете шок.

— Ладно, — ответил я. — Только помните о моем больном сердце.

— Мы сейчас не на Земле. Мы находимся на Грейфилл, четвертой планете системы Волк-девять, в двадцати восьми световых годах от Солнца.

— Вот как, — сказал я, и слова показались мне такими же пустыми внутри, как елочные игрушки. — Полный переворот. Не к нам вторглись чужаки, а мы вторглись к ним?

— Вы не должны верить мне на честное слово, Флорин, — он почти не шевелил губами, поэтому его речь стала немного невнятной... или из-за чего-то другого? — Посмотрите же вокруг. Растения. Разве они похожи на земные? И вы не заметили еще, что сила тяжести здесь на восемнадцать процентов меньше, а воздух богаче кислородом? Взгляните на солнце — оно более желтое, гигантское и расположено за четыреста миллионов километров от планеты.

— Ну, ладно. Мой старый отец, — если у меня вообще был старый отец, — всегда говорил мне, что нужно смотреть истине прямо в глаза, какой бы она ни была. Вы не очень-то помогли мне. Начинайте же все прояснить, Барделл. Кто-то взял на себя массу хлопот, чтобы либо переместить меня в место под названием Грейфилл, либо создать довольно убедительное окружение. Но на это должна быть причина. Какая же?

Он взглянул на меня таким взглядом, каким хирург смотрит на больной орган, который должен отрезать.

— Вы не знаете, что творите. Вы из кожи вон лезете, но все не то, чем кажется...

— Не говорите мне о том, чем все это *не* кажется. Говорите, что есть на самом деле...

— Я не могу сделать этого. — У него было что-то в руках, и он играл этой штукой, блестящей, с кнопками и кристаллом на конце, на который трудно было глядеть. — Я был терпелив с вами, Флорин, — продолжал он, но голос его заскользил куда-то вдали, и слова лились все быстрее и быстрее, как на пластинке, пущенной с более высокой скоростью.

В голове у меня все сильнее пульсировала боль, перед глазами все поплыло. Я попытался схватить расплывающуюся фигуру, но она скользнула назад, вне пределов досягаемости. Я увидел, как что-то вспыхнуло в ярком солнечном свете, и услышал обрывок фразы:

— ...простите, Флорин...

А затем вокруг взорвалась сначала желтая, затем розовая тьма, и я снова оказался в кузове грузовичка, который сначала взлетел на вершину утеса, а затем ринулся в пропасть, заполненную удаляющимся громом...

VI

— **МИСТЕР ФЛОРИН**, — раздался легкий, как перышко, голос. — Вы создаете для всех нас нечто вроде проблем.

Я открыл глаза, и мне улынулся своей безгубой улыбкой парень со змеиной головой, выпустил дым из безносых ноздрей, блестя глазами без век. Он удобно устроился на шезлонге, в наброшенном на плечи оранжевом полотенце и желтых шортах, цвет которых мне что-то напомнил, но я не мог уловить, что именно.

— Это уже нечто, — сказал я и тоже устроился на шезлонге.

Между нами был столик, с сине-белым зонтиком над ним. И был кусок белого песка за уступом, напоминавшим морской берег, за исключением того, что никакого моря не было и в помине. Я пы-

тался не пытаться на его блестящие, серебристо-фиолетовые бедра, бледно-серую грудь с выступающими ребрами и крошечными темно-красными пятнышками, на тонкие пальцы ног в широких сандалиях. Он не глядел на меня и издал тихий кудахчущий звук, который мог означать смех.

— Простите, — сказал он. — Я считаю ваше любопытство удивительным. Я подозреваю, что если бы вас вздумали растворить, то вы бы вытягивали шею, чтобы прочитать название растворителя.

— Это просто безвредная эксцентричность, — сказал я. — Такая же, как ваши вкусы в одежде.

— Вы гордитесь своим самообладанием, — сказал он уже не так радушно, как прежде. — Но что, если вашему хладнокровию выпадут испытания, слишком тяжелые, чтобы приспособиться к ним? Что тогда, а?

Он поднял руку и щелкнул пальцами. Вокруг него взметнулся огонь, а улыбка, слегка колеблющаяся в жарком воздухе, замерзала, как порывы пламени, рванувшиеся ко мне. Я ждал, отчасти из-за паралича, а отчасти потому, что не верил ему. Он снова щелкнул пальцами, вокруг нас возникла зеленая вода и сомкнулась над нашими головами, а на ее поверхности слое искрилось солнце. Между нами проплыла рыбка, он небрежно отогнал ее и снова щелкнул пальцами. Падал снег. Толстый слой его уже лежал на столе. При дыхании веером вылетали ледяные кристаллики.

— Неплохо, — сказал я. — А вы не пробовали практиковаться в карточных фокусах?

Он счистил с лица лед и соединил кончики пальцев.

— Вас ничего не впечатлило, — легко сказал он. — Манипулирование Вселенной так уж ничего не значит для вас?

Я притворился, что зевнул. Но это было не такое уж и притворство.

— Вселенной? — сказал я. — Или моими глазами?

— Гм-м... Вы удивительное создание, Флорин. Чего вы хотите? Какие у вас мотивы?

— А кто спрашивает?

— Можете называть меня Дисс.

— Я не об этом.

— Просто считайте, что... есть и другие заинтересованные стороны помимо известных вам. Вы действуете на более обширной сцене, чем предполагали до сих пор. Поэтому вы должны вести себя осмотрительно.

Я снова зевнул.

— Я устал, — сказал я. — Я уже давно не спал, не ел, не занимался любовью — не делал ничего, кроме как выслушивал всяких притвор-



щиков, бросающихся намеками на большое дело, и мне кажется, что лучше всего мне действовать в одиночку и держать нос в чистоте. Кто вы, Дисс? На кого работаете? Вы в самом деле похожи на крокодила, или это всего лишь продолжение моих галлюцинаций?

— Я представитель определенных сил, действующих в Космосе. Откуда я появился. Неважно. Достаточно одного факта моего существования.

— Барделл говорил что-то о вторжении.

— Слово, отражающее примитивное представление о действительности.

— Куда вы вторгаетесь? На Землю или... на Грейфелл?

Я с удовольствием увидел, как он вздрогнул.

— Что вы знаете о Грейфеле, мистер Флорин?

Я насладился чисто театральной паузой.

— Сами знаете... У Волка-девять, двадцать восемь световых лет от старого Чикаго.

Я счастливо улыбнулся. Он нахмурился и потянулся к чему-то на столе. Я попытался вскочить, но вспышка была такой яркой, что все небо мигнуло и накрылось тьмой, более темной, чем внутри черного шара. Я метнулся через стол. Пальцы мои впились во что-то такое же горячее, как кухонная плита, и такое же скользкое, как сырья печенка. Я услышал сердитый вопль, но не понял смысл слов, поскольку уже проваливался в небытие...

ГОЛОСА РАЗДАЛИСЬ с неба.

— ...немедленно! Следуйте чрезвычайным процедурам, черт вас всех побери! — это было колокольные обертоны Большого Носа.

— Я пытаюсь, но... — голос человека-птицы.

— Сейчас не время делать промахи, кретин!

— Да делаю я, делаю... как обычно...



— Вон! Пошел прочь с дороги!..

— Говорю вам, я пытаюсь очистить схему. Но ничего не происходит. Это... это он...

— Что он? Не бормочите, как идиотик. Он ни к чему не имеет отношения... Экспериментом управляю я.

Истерический смешок.

- Вы? Действительно, вы? И вы в этом уверены? Вы уверены, что мы все не попали...
- Будьте вы прокляты, отключите энергию. Верните все обратно.
- Я так и сделал. Вернее, попытался. И ничего не произошло!
- Заткнитесь, черт вас подери!

Голос Большого Носа повысился до крика. Одновременно в моих запястьях, лодыжках и в груди возникла такая боль, словно меня резали на куски раскаленной проволокой. Внезапно грянул гром, небо раскололось и упало, забросав меня кусочками с острыми краями, которые тут же превратились в дым и улетучились, а я остался лежать, связанный, на спине и смотрел на прямоугольную сетку потолка в комнате с зелеными стенами. А надо мной склонился человек, которого я окрестил Большим Носом.

– Ну, будь я проклят, – сказал он. – Он все-таки жив.

Человек с седыми волосами и соответствующим лицом, одетый в белую блузу, и потрепанный человек в потертом рабочем комбинезоне подошли и уставились на меня. Наконец, кто-то нашел время, чтобы развязать меня и снять что-то с головы. Я сел и почувствовал головокружение, мне тут же вручили чашку с чем-то ужасным на вкус, но, очевидно, правильно действующим. Головокружение ушло, осталась лишь тошнота, ощущение во рту, словно там покопалось семейство кротов, но боли в голове, запястьях и лодыжках уже почти не ощущалось. Седой человек – доктор Эридани, вспомнил я вдруг его имя, – наложил на ноющие раны какой-то бальзам. Все остальные были заняты разглядыванием приборов на большом пульте управления, занимающим изрядную часть противоположной стены, и что-то одновременно бормотали.

– А где сенатор? – спросил я.

Мысли мои, казалось, двигались медленно, как грузные животные в глубокой грязи.

Большой Нос оторвался от своего занятия и нахмурился.

– Он просто шутит, – сказал потрепанный человек.

Его хвали Ленвилл Трайт, он работал ассистентом в лаборатории. Я не помнил, откуда я это знал, но я точно знал.

Большой Нос – для друзей Ван Уоук – подошел и уставился на меня без всякой приязни.

– Прослушайте, Барделл, – сказал он. – Я не знаю, что у вас в голове, но забудьте все. У нас есть соглашение, составленное по всем юридическим нормам, подписанное и засвидетельствованное. Вы согласились на это с открытыми глазами и получите то, что вам полагается, но ни центом больше, и это окончательно.

– Вы сами подаете ему идею, – тихонько сказал Эридани.

Трайт вручил мне чашку кофе.

— Да не подаю я Барделлу никаких идей, — заявил Большой Нос и хитро усмехнулся мне. — Он и сам все знает.

— Барделл — агент, — сказал я, голос мой слабо проребезжал, точно у старика.

— Вы неудачник, которого мы вытащили из канавы и дали большие возможности, — проворчал Ван Уоук. — Как и весь ваш вид, вы теперь полагаете, что можете давить на нас. Ну, так это не сработает. Ваше здоровье не пострадало, так что даже не думайте жаловаться.

— Не разыгрывайте меня, док, — выпалил я. — А что насчет очистки схемы? А уровень Эта? Там уже все в порядке?

На пару секунд все в комнате замкнулись.

— Где вы набрались всего этого, — спросил затем Большой Нос.

— Немного мне сказала ящерица, — ответил я и внезапно почувствовал себя слишком усталым, чтобы заниматься играми.

— Забудьте, я просто дразнил вас. Лучше дайте мне что-нибудь выпить.

Трайт вышел и через минуту вернулся с фляжкой ржаного виски. Я сделал пару громадных глотков, и все вокруг немного прояснилось.

— Что-то там говорилось об оплате, — сказал я.

— Сто долларов, — рявкнул Большой Нос. — Неплохо за пару часов непыльной работенки.

— У меня такое чувство, что это длилось гораздо дольше, — сказал я. — Никакого вреда здоровью, да? А как насчет амнезии?

— Гм-м... — лениво промычал Трайт. — Вам лучше знать, Барделл.

— Уберите его отсюда, — сказал Ван Уоук. — Я уже ссыт им по горло. Вот. — Он сунул руку в карман, достал бумажник, извлек из него помятые бумажки и протянул их мне.

Я пересчитал их.

— Сто, все правильно, — сказал я. — А доплата за амнезию? Я немного смущен, джентльмены. Я помню вас, парни, — Я смотрел на них и действительно вспоминал. — Но я не помню никакого соглашения...

— Уберите его! — завопил Ван Уоук.

— Я ухожусь, — сказал я Трайту.

Он помог мне встать, подхватил под руку и повел к двери.

— Зря вы ведете себя так жестоко.

Он вывел меня в коридор с зелеными стенами, как и комната, потом подвел к лестнице и повел наверх, к свету.

— Только между нами, приятель, — сказал я. — Что вообще произошло со мной там?

— Да ничего, приятель. Небольшой научный эксперимент, только и всего.

— Тогда почему же я не помню его? Черт, я даже не знаю, где я живу. Какой это город?

— Чикаго, приятель. И вы не живете нигде. Вы обычный бродяга.

Мы оказались в обширном вестибюле и подошли к двойным дверям, ведущим на бетонные ступени. Дальше тянулся газон и стояли деревья, выглядевшие знакомыми в темноте.

— Летний домик сенатора, — сказал я. — Только прожекторов не хватает.

— Вы не можете рассчитывать на этих политиков, — сказал Трайт. — Я дам вам совет, Барделл. Бросьте все. Живите себе, как жили. Может, вам немножко и поскребли память, но, черт побери, вы были далеко не в лучшей форме, когда попали к нам. Я бы сказал, что вы были все равно, что мускат без спиртного, приятель.

— «Ластириан конкорд», — сказал я. — Мисс, мисс Реджис... Ничего этого не было, да?

— Рассматривайте все это как кошмарный сон. А теперь вы проснулись. Так идите, напейтесь, проспите, и станете, как новенький.

Мы уже спускались по ступеням, он повернулся ко мне и указал на выход.

Я колебался.

— Между прочим, какого цвета у вас там стены? — спросил я.

— Светло-зеленые. А что?

— Да просто любопытно, — сказал я, сделал полуповорот, нанес жесткий удар согнутыми пальцами в грудину, и он тут же обмяк, как переспелый банан. Я подхватил его, вырвал из его руки мою сотню и обшарил его карманы. В набедренном я нашел еще тридцатку, как раз на проезд.

— Пока, красавчик, — сказал я. — Я тебе никогда и не нравился.

Я оставил его на ступенях и направился к выходу.

ПОХОЛОДАЛО СРАЗУ после захода солнца. В Публичной библиотеке еще горел свет. Библиотекарь резко взглянул на меня, но ничего не сказал. Я нашел тихий уголок и стал отдыхать, пытаясь набрать до закрытия как можно больше тепла. Есть нечто успокаивающее в тихих стеллажах и тяжелых желтых стульях из дуба, а даже в запахе пыльной бумаги и даже в шепотках и мягких шагах...

Шаги остановились, стукнул вытащенный из-под стола стул. Зашелестела материя. Я не открывал закрытых глаз и пробовал выглядеть старым джентльменом, который вошел просмотреть подшивы

комплекты «Харпера» и задремал где-то на середине 1931-го года. Но я слышал тихое дыхание и чувствовал на себе чей-то взгляд.

Тогда я открыл глаза. Она сидела за столиком напротив меня, молодая, трагичная и немного поношенная.

— С вами все в порядке? — спросила она.

— Не исчезайте, леди, — попросил я. — Не превращайтесь в дым и не улетучивайтесь. Даже не уходите. Просто посидите тут и дайте мне время помолодеть лет хотя бы до девяноста.

Она чуть порозовела и нахмурилась.

— Мне показалось, что вам плохо, — произнесла она все чопорные, стандартные и подходящие к ситуации слова, делавшие ее весьма приспособленным членом нынешнего общества.

— Конечно. А как насчет парня, с которым я пришел сюда. Куда он ушел?

— Я понятия не имею, о чем вы? Вы ни с кем не пришли... по крайней мере, я не видела. И...

— Сколько времени вы наблюдали за мной?

На этот раз она действительно засияла краской.

— Сама эта идея...

Я потянулся и взял ее руку. Рука была мягкая, как первые дыхания весны, нежная, как старое бренди, и такая же теплая, как родительская любовь. Моя же рука, сомкнувшаяся на ней, показалась мне когтями ястреба, сжимающего молодого цыпленка. И я отпустил ее ручку.

— Давайте перескочим через все ритуальные ответы, — сказал я.

— Происходит что-то весьма странное. Вы знаете это, и я это знаю, правильно?

Румянец исчез, она вдруг побледнела, глаза ее уцепились за мое лицо, словно я знал секрет, который мог бы спасти ей жизнь.

— Вы... Вы *знаете*? — прошептала она.

— Может, и нет, мисс, но сильно подозреваю.

Это было неправильное слово. Она тут же напряглась, губы ее сжались, словно в праведном гневе.

— Ну, это был всего лишь импульс христианского...

— Чушь, — сказал я. — Простите мою грубость, если это грубость.

Вы сидите здесь, говорите со мной. Почему?

— Я уже сказала вам...

— Я помню. А теперь назовите настоящую причину.

Она внимательно осмотрела кончик моего носа. Затем мочку левого уха и, наконец, уставилась мне в глаза.

— У меня... у меня был сон... — запинаясь, сказала она.

— Бар, — сказал я. — Захудалая забегаловка. Кабинка справа от двери, через которую вы вошли.

— Бог мой, — сказала она, как человек, который никогда не произносит имя Божие всуе.

— Мой тоже, — сказал я. — Как вас зовут?

— Реджис. Мисс Реджис... — Она резко замолчала, как будто сказала лишнее.

— Продолжайте, мисс Реджис.

— Во сне я была кем-то нужным, необходимым, — сказала она так, словно говорила сейчас не со мной, а с кем-то внутри себя, возможно, с тем, кому раньше не уделяла большого внимания. — Я была важна — но не в смысле звания или положения, но потому, что мне было поручено что-то важное. У меня был долг, который нужно было выполнить, и чувство... уважения, что ли.

Мне хватило ума промолчать, в то время как она думала вслух, вспоминая, как это было.

— Звонок раздался посреди ночи. Секретное сообщение, которого я ожидала. Я была готова. Я знала, что это очень опасно, но мне это было неважно. Я знала, что нужно делать. Я встала, оделась и пошла в назначенное место. И... там были вы. — Она взглянула на меня в упор.

— Продолжайте.

— Я должна была предупредить вас. Об опасности... Не знаю, о какой именно опасности. Вы собирались идти туда в одиночку.

— Вы попросили, чтобы я не ходил, — сказал я. — Но знали, что я все равно должен пойти.

Она кивнула.

— И вы пошли. Я хотела крикнуть, побежать за вами... но вместо этого проснулась. — Она рассеянно улыбнулась. — Я пыталась убедить себя, что это просто глупый сон. Но однако... Я знала, что это не сон. Я знала, что это нечто очень важное. — Она смотрела на меня умоляюще, словно упрашивала ответить.

— Это был эксперимент, — сказал я. — Я был подопытным кроликом. К моей голове были подключены большие устройства. Меня заставили видеть безумные вещи. И все было перепутано. Но вы каким-то образом вмешались в мои галлюцинации. И что странно: не думаю, что они знают об этом.

— Кто они?.. Кто люди, о которых вы говорите?

Я махнул рукой.

— В университете. В лаборатории. Шлемы, врачи, физики... я уж и не знаю. Парни, которые работают в помещениях, забытых радиолампами, и всякими впечатляющими приборами и аппаратурой.

- И каким образом вы оказались участником их опытов?
Я покачал головой.
- Это... все так неопределенно. Я думаю, что долгое время очень многое пили...
- Где ваша семья? Ваш дом? Разве никто не будет волноваться о вас?
- Не тратьте попусту свое сочувствие, мисс Реджис. У меня никого нет.
- Ерунда, – сказала она. – Никто не существует в вакууме. – Но она на этом не остановилась. – Вы упомянули университет, – попыталась она сменить тему. – Какой именно университет? Я прожила здесь всю свою жизнь. В этом городе нет никакого университета.
- Ну, может, это была научно-исследовательская лаборатория, какой-то правительственный проект.
- Да нет здесь ничего подобного. Только не здесь, мистер Флорин.
- В трех кварталах отсюда, – сказал я, – может, в четырех. Десять акров владений, и ни дюймом меньше.
- А вы уверены, что это не было частью галлюцинаций?
- Последние две недели я жил на их деньги.
- Вы можете отвести меня туда?
- Зачем?
- Она поглядела на меня.
- Затем, что мы не можем так просто все бросить, верно?
- Думаю, не повредит, если мы просто посмотрим, – сказал я.

VII

УЖЕ ЧЕРЕЗ квартал я понял, что что-то не так с моими расческами. Склады, автозаправочные станции и ломбарды, встретившиеся нам по дороге, выглядели, как надо... но где высокая, красная, кирпичная стена? Вместо нее был заброшенный склад, не меньше акра развалин и битого стекла.

Мисс Реджис поглядела на меня, и я почти услышал ее мысли, которые она могла бы высказать вслух.

- Ну, и что вы собираетесь делать дальше? – хотела спросить она. Я кивнул на склад.
- Суну свой нос туда.
- У нее был серьезный, деловитый вид.
- Да, конечно, мы пойдем туда.
- Не вы. Я один.
- Мы оба. В конце концов, – она одарила меня бледной улыбкой, как вздох ангела, – это также и мой сон.
- Я все забываю об этом, – сказал я. – Ну, давайте, пойдем.

Двери были замкнуты, но я нашел болтающуюся доску, оторвал ее, и мы проскользнули в большое, темное помещение: мрак, пыль, паутина и трепетание крыльев летучих мышей... во всяком случае, что-то здесь трепетало. Может, просто мое сердце.

— Здесь ничего нет, — сказала мисс Реджис. — Просто старое, заброшенное здание.

— Поправка. Это место *похоже* на старое, заброшенное здание. Возможно, это просто оформление витрины. Возможно, если вы сотрете пыль, то обнаружите под ней солнечно-яркие краски.

Она в самом деле провела пальцем по стене. Под пылью не оказалось ничего, кроме пыли.

— Это ничего не доказывает, — бодро сказал я. — В нашем деле ничто ничего не доказывает. Если вы видите сон, то вам может присниться, что это реальность.

— Вы считаете, что спите сейчас?

— Вот это вопрос, не так ли, мисс Реджис? Откуда вы знаете, когда спите, а когда — бодрствуете?

— Сны не походят на явь. Они неопределенные и нечеткие по краям. И они плоские, двумерные.

— Помню, что я как-то раз видел во сне, как шел по карнизу крыши городского колледжа. Я чувствовал сухие листья, хрустящие под ботинками, напряженные мышцы ног, обонял запах горящих где-то внизу сухих листьев и чувствовал уколы холодного осеннего ветерка. И при этом я думал: «Сны не походят на реальность. Реальность — *реальна*. В ней есть все: предметы, цвета, звуки, запахи...»

— Я помолчал для пущего эффекта. — И тут я проснулся.

Она вздрогнула.

— Значит, вы никогда ни в чем не можете быть уверены. Сон во сне во сне. Я вижу во сне вас... или я снююсь вам. Так мы никогда не доберемся до истины.

— Возможно, в этом и кроется смысл. Возможно, мы должны исказать такую истину, которая является истиной и во сне, и наяву. Нечто постоянное.

— Что постоянное?

— Верность, — сказал я. — Храбрость. Вас, например. Вы здесь, сейчас, со мной.

— Не глупите, — сказала она, но голос ее прозвучал радостно. — Что станем делать теперь? Вернемся?

— Давайте для начала осмотримся. Кто знает? Может, это игра в жмурки, и мы в десяти сантиметрах от победы.

Я пошел по полу, замусоренному рваной бумагой, остатками картонных коробок, спущенными мотками каких-то проводов. В даль-

ней стене была хрупкая на вид дверь. Она открывалась в темный коридор, не более опрятный, чем большая комната.

— Нам нужно было взять с собой фонарь, — сказала мисс Реджис.

— А еще лучше полицейскую машину, полную полицейских, — сказал я. — Посмотрите-ка... Хотя нет, вам лучше не смотреть.

Но она уже стояла рядом со мной, уставившись на то, на что смотрел я. Это был сенатор, лежащий на спине, и голова у него была разбита, как яйцо. Я почувствовал, как девушка напряглась, затем расслабилась и выдавила из себя дрожащий смешок.

— Напугали вы меня, — сказала она. — Это же только манекен.

Я пригляделся получше и увидел, что краска местами слезла с деревянного лица.

— Он похож... — мисс Реджис встревоженно поглядела на меня. — Он похож на вас, мистер Флорин.

— Не на меня... На сенатора, — сказал я. — Возможно, они пытаются мне что-то сказать.

— Что еще за сенатор?

— Человек, защищать которого меня наняли. Как видите, я отлично справился с этим заданием.

— Он был частью эксперимента?

— Или эксперимент был частью его. Кто знает?

Я переступил через искусственный труп и пошел дальше по коридору. Коридор оказался слишком длинным для не такого уж большого здания. Он тянулся шагов на сто, причем нам не встречалось никаких пересекающихся коридоров, но в конце оказалась дверь, и полоса света из-под нее.

— Вечно еще одна дверь, — сказал я.

Ручка легко поддалась. Дверь открылась в комнату, которую я видел прежде. У меня за спиной тихонько восхитилась мисс Реджис. Тусклый лунный свет лился из высоких окон в стенах из дамасской стали, покрытых восточными коврами. Я прошел по мягкому ковру к длинному столу из красного дерева и выдвинул из-под него стул. Стул оказался тяжелым, полированным, именно таким, каким должен быть солидный стул. Взгляд упал на люстру. Почему-то на нее было трудно смотреть. Ряды и гирлянды хрустальных подвесок переплетались и обвивались вокруг основы, образуя бесконечно сложный узор.

Мисс Реджис замерла, напряженно склонив голову.

— Поблизости кто-то есть, — прошептала она. — Я слышу мужские голоса.

Я прошел на цыпочках и приложил ухо к двери в противоположной стене. Тишина. Я тихонько толкнул дверь. Темнота. Я шагнул

через порог и протянул назад руку, чтобы подать ей, но рука нагнулась на что-то невидимое и твердое, как очень чистое зеркальное стекло. Мисс Реджис что-то говорила, губы ее шевелились, но ни звука не проникало ко мне через барьер. Я ударил в него плечом, и что-то треснуло, — возможно, плечо, — но я пролетел через окутывающую тьму и вылетел на яркий свет.

Я СТОЯЛ ПОСРЕДИ пустыни, а на скалу шагах в десяти оперся человек-ящерица, одетый во все розовое, и лениво улыбался мне.

— Ну, вот, наконец-то, — сказал он. — Я уж боялся, что вы никогда не пройдете до конца этот лабиринт.

Я глубоко вдохнул горячий, сухой воздух, имеющий слабый запах эвкалипта или чего-то, пахнущего, как эвкалипт, и огляделся. Песок, камешки, скалы, много скал, и все носящие на себе следы времени и старости. И ничего живого вокруг, даже кактусов.

— Приятное местечко, — сказал я. — Но мне не хотелось бы здесь умирать.

— К чему какие-то разговоры о смерти? — сказал Дисс голосом, словно посыпанном пеплом из роз. — Единственная существующая тут опасность угрожает лишь вашему здравому смыслу, — и то мне кажется, что вы прекрасно с ней справляетесь. Фактически, вы проявили неожиданную гибкость. Я был удивлен, действительно, удивлен.

— Какое облегчение, — сказал я. — И что вы теперь сделаете, вклите золотую звезду в мою послужную книжку?

— Теперь, — оживленно сказал он, — мы можем начать иметь с вами дела. — И он с надеждой сверкнул на меня своими маленькими красными глазками.

— Настала моя очередь спросить у вас, какие дела, — сказал я. — Ладно, спрашиваю: какие дела?

— Во всей Вселенной, где только имеется жизнь, существует лишь один вид дел. Есть что-то, в чем нуждаетесь вы, и что-то, в чем нуждаюсь я. И мы обмениваемся.

— Звучит просто. Так в чем нуждаюсь я?

— Разумеется, в информации.

— А ваш интерес?

Он шевельнулся, сменил позу и махнул сиреневой рукой.

— Вы можете выполнить для меня одну услугу.

— Давайте начнем с информации.

— Конечно... Что первое? Сенатор?

— Он не сенатор. Он агент по имени Барделл.

— Барделл — это Барделл, — заявила сиреневая ящерица. — А сенатор — сенатор.

— Если это образец информации, то не думаю, что стоит продолжать.

— Вы, — сказал человек-ящерица с видом глубокого наслаждения, — жертва заговора.

— Я и сам это знаю.

— Ну, же, Флорин, не отмахивайтесь от того, что я сообщаю вам, — он достал из-под розовой жилетки длинный мундштук, вставил в него коричневую сигарету и сунул мундштук в уголок рта, словно созданного для того, чтобы ловить мух на лету, потом затянулся и выпустил из ноздрей-дырочек бледный дым.

— Не думаю, что теперь вам проще верить, — сказал я. — Если только это действие не должно убедить меня, что вы двигаетесь не в том направлении.

— О, я вовсе не собираюсь ни в чем вас убеждать. Я чувствую, что факты станут говорить сами за себя...

— Где мисс Реджис?

Дисс нахмурился. Даже мундштук в его рту повис.

— Кто?

— Девушка. Хорошая, спокойная маленькая леди, не похожая на остальных игроков. Она пытается помочь мне, даже не знаю, почему.

Дисс покачал головой.

— Нет, — рассудительно сказал он. — Действительно, Флорин, настало время, чтобы вы уже начали отличать реальное от иллюзорного. Не существует никакой вашей леди.

Я шагнул к нему, и он слегка отпрянул.

— Вот это да! — удивленно воскликнул он. — Может, нет необходимости мне указывать, что я не восприимчив ни к каким поспешным силовым действиям с вашей стороны? — Он изобразил мне улыбку.

— Я уж точно не союзник, Флорин, но я не собираюсь навредить вам... И, как я уже сказал, вы можете быть полезны мне. Не лучше ли было бы, если бы мы все обговорили вполне рационально и занялись делами?

— Ладно, — сказал я. — Устал я спорить с вами.

— Ага, умный вы парень. Итак, заговор, благоприятный такой заговор, знаете ли, но все же заговор.

— Последние сообщения с фронта указывают, что он не выходит. Можете этому не поверить, но в настоящий момент я считаю, что веду откровенный разговор с добренькой такой саламандрой.

Дисс открыл рот и издал шипящие звуки, которые, как я предположил, являлись смехом.

— Признаю, это должно сбить вас с толку. Однако, не забывайте применять простой критерий: факты есть факты, как бы они ни выглядели. И если мои слова освещают саму ситуацию, тогда, даже если я и не настоящий, то хуже от этого не становится.

— А еще у меня болит голова, — сказал я. — Вы сказали о существовании заговора, просто чтобы сохранить мой здравый смысл. А как насчет того, чтобы упомянуть, кто эти заговорщики и почему их интересует восстановление моего здравомыслия, если оно вообще у меня было.

— Они — Научный Совет, правительственные группы высокого уровня, где вы были — или есть — Председателем.

— Это вас кто-то обманул, Дисс. Единственные исследования, которые я проводил, это выяснял, кто нажал курок или всадил хлебный нож, в зависимости от обстоятельств.

Он отмахнулся от этого.

— Явная попытка все рационализировать. Ваш собственный здравый смысл должен уже подсказать вам, что настало время расширить сферу вашей самооценки. Неужели я стал бы впустую тратить время, беседуя с обычным частным детективом, со здравым смыслом или лишенным оного?

— Я пас. Продолжайте.

— Ваш последний проект в качестве Председателя был разработкой устройства для исследований сна, аппарат, разработанный для поисков подсознательных символов, а в дальнейшем для их конкретизации и воплощения без бессознательных разумных действий, доступных для исследования. Вы настояли на том, чтобы самому пройти первый тест. Но, к сожалению, из-за усталости и напряжения, вы не справились с переживаниями. Ваш разум избрал новый путь бегства от действительности, и вы сбежали в вымышенный мир, вами самими же изобретенный.

— Я разочарован в себе. А я-то думал, что мог создать что-то более интересное, чем преследования, бегство, выстрелы и все банальные страшилки.

— Правда? — хихикнул Дисс, словно открыл клапан, чтобы немного сбросить излишнее давление. — Познайте себя, Флорин. Вы ученый, теоретик, а не боевик. Вы ухватились за возможность избавиться от ответственности в простом мире грубого закона: убей или умри. Но ваши лояльные прихвостни, вполне естественно, были далеки от подобного поворота событий. Им было необходимо вернуть вас из вашего вымыщенного мира. Вы стали личностью,

легендарного символа жителя Старой Земли по имени Флорин. Ван Уоук противостоял такому бегству, дав вам задание – точнее, вашему вымышленному персонажу, – следовать определенным маршрутом, а потом стал возвращать на вашем пути препятствия, с целью выковырять вас из вашего убежища. Все шло, как было запланировано – до определенного места. Вы приняли вымышленное задание, начали действовать. А потом все вдруг резко спуталось. Неожиданно возникли незапланированные элементы, все осложнив. Ван Уоук попытался все прервать, но не сумел это сделать. Все вышло у него из-под контроля. Он больше не контролировал Машину Грез.

Он сделал паузу, явно ожидая вопроса. И я задал этот вопрос.

– Разумеется, главным стали *вы*, – сказал он. – Вместо того, чтобы действовать, как пассивный получатель импульсов, подаваемый в ваш мозг, вы перехватили их и соткали из них новую матрицу, более соответствующую вашим потребностям и, в частности, потребности цепляться за избранную вами роль.

– Что вы подразумеваете под «Старой Землей»?

– Вы все еще не вспомнили? – сказал Дисс. – Часть вашего разума старательно заменила ситуацию, которую вы сочли невыносимой, новыми реалиями. Снабжая вас данными из другого источника, я обхожу вашу оборонную линию с фланга. Что же касается Старой Земли – такое имя носит незначительный мелкий мирок, который отдельные люди считают исходным домом Человечества.

– Наверное, предполагается, что я сейчас считаю, будто у Человечества есть лишь один дом?

– О, да, такова была установка, которую вы избрали для себя, также, как роль Флорина, Стального Человека. Но к настоящему времени вы должны быть готовы принять тезис о том, что такая сцена слишком мала, чтобы вместить вас – и меня. – И он снова изобразил улыбку безгубым ртом.

– Если не упоминать о Грейфелле.

Дисс опять издал шипящий смешок.

– Ван Уоук дошел до отчаяния. Он пытался умиротворить вас, предлагая вам альтернативный путь рационального бегства, приемлемое алиби, за которое можно было ухватиться. Но вы продолжили его гамбит, доведя до абсурда, и тем самым его дискредитировали. Именно в этот момент я почувствовал, что настало время вступить в игру – и чтобы сохранить ваш здравый рассудок, и чтобы предотвратить более обширную трагедию.

— Понятно. Значит, вы — просто самоотверженный человек, аль-труист, желающий внести щепотку добра в большой и страшный воображаемый мир.

— Не совсем так, — он стряхнул пепел с сигареты. — Я уже упомянул, что вы тоже можете кое-что для меня сделать.

— Я думаю, вы мне скажете, что именно, независимо от того, стану я вас упрашивать об этом или нет.

— Машина Грез, — сказал он, — является самым оригинальным устройством, боюсь, даже слишком оригинальным. Вас можно поздравить, мой дорогой Флорин, с таким достижением. Но, знаете ли, я не стану вас поздравлять. Машина должна быть выключена.

Я почесал подбородок и обнаружил, что довольно давно уже не брился. Возможно, это и было ключом к разгадке чего-то, но в данный момент я не стал задерживаться и пытаться ее разгадать.

— Аналогом наших проблем, — продолжал Дисс, — может послужить следующая — чисто гипотетическая ситуация. Предположим, племя диких аборигенов на каком-то далеком острове в океане случайно наткнулось на некий генератор мощных радиоволн. Какой-то мелкий подобный продукт, давно здесь забытый более развитой расой. В своем полном неведении они могли нарушить планетарную связь, вмешаться в действия спутников, нанести вред тридево-передачам и пооткрывать двери всех гаражей на другой стороне планеты.

— Звучит неважно, но я понял.

— У Машины Грез, к несчастью, есть подобные побочные эффекты. Когда вы, а теперь и ваш Совет, запускаете ее, то невольно создаете последствия в матрице вероятности, которые распространяются на половину Галактики. Конечно, это невыносимая ситуация. Честно говоря, мои нынешние действия в полуматериальным состоянии, направленные на противостояние вам, так же нелегальны, как незаконный переход государственной границы. Но я посчитал, что обстоятельства требуют маленьких отклонений от инструкций.

— Что значит «полуматериальное состояние»?

— То, что я нахожусь здесь, фактически, не больше, чем вы сами.

— А где же вы?

— В кабине передатчика моего транспорта, на станции, примерно, в двух световых годах от Солнца. В то время как вы, разумеется, находитесь в Машине Грез в вашей собственной лаборатории.

— А к чему этот экзотический фон Сахары?

— О, вы видите пустыню, не так ли? Разумеется, вы взяли ее образ из вашего личного фонда формирования образов. Я же просто набрал нейтральную установку.

Я посмотрел на пустыню позади него, она выглядела такой же реальной, какой всегда выглядит пустыня. Он дал мне время осмыслить эту идею.

— Сейчас я вмешаюсь в работу Машины, — сказал он, — чтобы вернуть вас в сознание, в здравом уме и памяти. А вернувшись, вы уничтожите Машину, включая все рабочие записи и схемы. Идет?

— Никаких соглашений, — сказал я.

— О, подумайте же, Флорин. Ведь, конечно же, вы все равно выберете жизнь и здравый рассудок?

— Мне не нравятся соглашения вслепую. Может, все происходит так, как вы говорите, а может, и нет. Возможно, вы способны сделать то, о чем говорите, а возможно, не способны. Может, я великий изобретатель, а может, качаюсь на люстре, зацепившись за нее хвостом. Вы должны еще доказать мне свою правоту.

Дисс рассерженно затушил сигарету, растер ее в порошок, пустил по ветру и убрал мундштук.

— Упрямый вы человек, Флорин. — Он скрестил руки на груди и побарабанил пальцами по бицепсу. — А если я верну вас в вашу нормальную базовую реальность в полном рассудке, и вы увидите, что все обстоит так, как я описал — тогда вы уничтожите Машину?

— Я приму решение, когда окажусь там.

— Ба! Да вы неисправимы. Даже не знаю, зачем я напрасно трачу с вами время... Но я — добroе существо. Я согласен. Но предупреждаю вас...

— Не надо. Это загубило бы нашу красивую дружбу.

Он нетерпеливо дернулся, повернулся, и у меня перед глазами на миг пронеслось изображение каких-то вертикальных панелей и рядов индикаторов, образующих сложный узор. Дисс сделал быстрое движение руками, и индикаторы сменили картинку. Удаленный горизонт плавно придинулся ближе, вместо неба возникла пустота. Секунда темноты и серии звуков, напоминающих хлопающих вдалеке дверей. Идеи, имена, лица промчались у меня в голове, точно вода, заполняющая резервуар.

Затем стали медленно зажигаться огни.

Я лежал на спине в помещении шагов в тридцать длиной, со стенами, покрытыми бликующими панелями, мозаичными полосами и загроможденном сложной аппаратурой. Большой Нос навис над пультом управления, на котором мигали индикаторы и то и дело вспыхивали какие-то предупреждающие сигналы, пища и скрипя.

Рядом с ним седой человек в белой блузке склонился над пультом поменьше, щелкая переключателями. На соседней раскладушке лежал и хрюпал Барделл.

Я кашлянул, Большой Нос резко повернулся и уставился на меня. Губы его зашевелились, но слов не было слышно.

— Теперь можете развязать меня, доктор Ван Уоук, — сказал я. — Я больше не стану буйнить.

VIII

ПРОШЛО ПОЛЧАСА, как имеют привычку делать любые полчаса. Человек с жирным лицом — известный под именем доктор Уоллф, — снял контакты и закудахтал над моими запястьями и лодыжками, натертymi металлическими браслетами, смазывая их каким-то бальзамом. Седой человек — доктор Эридан — убежал, но тут же вернулся с горячим кофе, в которое было добавлено что-то, что вернуло обычный цвет моим щекам, если не моей гордости. Остальные — Трайт, Томи, Хайд, Джоунс и так далее (их имена услужливо подсказывала мне память, как и множество других вещей) собирались вокруг и по очереди сообщали мне, как они волновались. Единственным, кто держался позади и дулся, был Барделл. Эридан сделал ему укол сульфида, от чего он завопил, но вскоре успокоился, хотя все еще выглядел обиженным.

— Боже мой, Джим, — сказал мне Ван Уоук, — мы уж думали, что потеряли вас.

— Тем не менее, я здесь, — сказал я. — Дайте мне отчет, расскажите все, с самого начала.

— Тогда, при завершении САВУ — то есть Символического Абстрактора и Визуального Усложнителя — вы санкционировали эксплуатационное испытание, избрав в качестве объекта себя самого. Вас погрузили в легкий гипноз и закрепили на вас электроды. Началась обычная калибровка. Программа была составлена, интегратор включен. И тут, внезапно, энергопотребление скачком увеличилось в десять раз. Были включены защитные устройства обратной связи, но безрезультатно. Я пробовал различные способы, чтобы восстановить управление, но тоже напрасно. Тогда я нехотя возвестил об аварийном завершении работы и отключил энергию — но вы остались в глубокой коме, не отвечая на сигналы отзыва. Было похоже на то, что вы получали энергию из какого-то другого источника, что, по моему мнению, звучало совершенно фантастично. В отчаянии я попробовал корректирующее перепрограммирование, но все напрасно. И вдруг — как гром с ясного неба — вы сами вышли из комы.

– Есть какие-либо идеи – почему?

– Ни единой. Все было так, словно вмешался какой-то внешний фактор. Нервные потенциалы работали на полную мощность – на высшем уровне нервных стимулов – и внезапно все снизилось до нормы. А в следующий миг вы вернулись к нам.

Я кивнул на Барделла, который сидел на другом конце комнаты, с обиженным видом нянча чашечку кофе.

– А он что тут делает?

– Так ведь это Барделл. Временный сотрудник, использовался в качестве вспомогательного вектора в макетах во время теста. Своего рода... ну, можно сказать, статист.

– А все механические части Машины Грез?

– Чего?.. О, какое подходящее название, Джим!

– Как оно работает?

Ван Уоук уставился на меня.

– Вы имеете в виду...

– Давайте притворимся, что я забыл.

– Да. Ну, тогда... э-э... Ну, это же просто первоначальный мониторинг механизма грез, за которым идут стимуляции визуальной, обонятельной и слуховой системы в соответствии с символным кодированием, чтобы создать желаемые галлюцинации у объекта. Макеты программы занимают смежный бокс...

– Покажите мне.

– Да, конечно, Джим. Сюда.

Он подошел к глухой стене и нажал кнопку. Невидимая ранее стенная панель скользнула назад, открывая две стены захудалого гостиничного номера с медной кроватью и разбитыми окнами. Ван Уоук заметил, как я уставился на них, и неискренне хихикнул.

– Пару раз вы вели себя весьма жестко, Джим.

Он шел впереди через комнату совещаний – не такую плюшевую и уютную, какой она выглядела прежде, по макету улицы из картона и гипса, по пансионату – все было потертое, поспешно сколоченное, причем так грубо, что не обмануло бы и слепого.

– Требовался лишь начальный стимул, – объяснял на ходу Ван Уоук, – а все остальное предоставляло вам ваше подсознание.

Серия макетов завершилась тяжелой пожарной дверью, замкнутой.

– Наши макеты заканчиваются здесь, – сказал Ван Уоук. – Дальше идут владения другого агентства.

Путь назад шел через макет заброшенного склада. Я ткнул носком туфли поврежденный макет, похожий на Барделла.

– А это для чего?

Ван Уоук, казалось, взглянул на макет с удивлением.

— Это? А, сначала мы собирались использовать макеты, но вскоре поняли, что необходимы живые люди. — Я заметил, как дернулись у него при этом желваки. — Человек — весьма сложное устройство, его не легко моделировать.

— И как все это складывается в единую картину? Если я лежал связанный в соседней комнате...

— О, это было лишь в самом конце. Вы... э-э... потеряли контроль над собой. Пришлось успокоить вас легким наркозом.

— Сколько времени прошло с начала теста?

Ван Уоук взглянул на большие часы с дорогим браслетом у него на толстом, волосатом запястье.

— Почти восемь часов, — ответил он, сочувственно покачивая головой. — Тяжелые были восемь часов, Джим.

— И что теперь, доктор?

— Теперь? Анализ записей поможет нам понять, что пошло не так, как надо, затем мы займемся коррекцией, и я начну новые тесты.

— И я, разумеется, должен все это утвердить.

— Естественно, сэр.

— А что бы вы сказали о полной остановке тестирования.

Ван Уоук выпятил нижнюю губу и поднял на меня взгляд.

— Вам, конечно, виднее, сэр, — пробормотал он. — Если вы уверены, что существует опасность...

— Возможно, мы должны уничтожить Машину, — сказал я.

— Гм-м... Может, вы и правы...

ИЗ СЛЕДУЮЩЕЙ комнаты раздались голоса на повышенных тонах.

— ...не знаю, что вы собираетесь сделать теперь, — вопил Барделл, — но я не согласен. Отоприте эту дверь, будьте вы прокляты! Я немедленно ухожу...

Мы вернулись туда. Барделл стоял у двери холла и дергал ручку, лицо его покраснело от усилий. Эридани метался вокруг него. Трайт стоял у боковой двери, нажимая кнопку. Он взглянул на Ван Уоука.

— Какой-то шутник запер дверь снаружи, — сказал он, затем подошел к Барделлу, отпихнул его в сторону, сам повернул ручку, потом пнул дверь на уровне фиксатора.

Но было похоже, что он повредил не дверь, а ушиб палец ноги.

— Что, черт побери, вы творите, Трайт! — Ван Уоук подошел к двери, тоже подергал ее, повернулся и расстроенно посмотрел на меня.

— Вот видите... — воинственно начал он, но тут же сменил тон. — Это какая-то ошибка. Я думаю, ею займется система безопасности.

— Вам не сойдет это с рук! — заорал Барделл, схватил металлический стул и обрушил его на дверь.

Стул отскочил, одна его ножка погнулась. Ван Уоук пронесся мимо меня в комнату, из которой мы только что вышли, подскочил к окну, распахнул раму — и отпрянул.

— Это ваша работа? — придушенно спросил он.

Я подошел, чтобы глянуть, что его там поразило. Там, где прежде был проход, все заполнял твердый бетон.

— Ну, конечно же, — сказал я. — Пока вы пытались всей оравой выломать дверь, я быстренько подсуетился, залил двухметровый проход бетоном и как следует остудил его. Простите, забыл нацарапать на нем свои инициалы.

Он заворчал, обогнул меня и побежал в мозаично-зеленую лабораторию. Там жались друг к другу Эридани, Трайт и все прочие, только Барделл стоял у противоположной стены, наблюдая за ними. Я подошел к двери, которую пытался открыть Барделл, и постучал по ней. Дверь была незыблемой, точно у бункера.

— И телефона здесь нет? — спросил я.

— Здесь ничего нет, — тут же ответил Эридани. — Особые требования изоляции...

— А если попробовать ее чем-то вроде прута?..

— Вот... Засов от шкафчика с документацией.

Трайт взмахнул стальной полосой в метр с лишним длиной с таким видом, словно хотел огнеть ею меня по голове. Но не стал этого делать, а подошел к двери, сунул конец полосы в промежуток между дверью и косяком и надавил. Древесина раскололась, дверь широко распахнулась вовнутрь.

Но дверной проем был перекрыт сплошной бетонной стеной.

Трайт отшатнулся, а Барделл с визгом забился в угол.

— Вы хотите убить меня! — завопил он. — Я в ваших руках, но у вас ничего не получится... — Он замолчал и уставился на меня. — А вы, — заявил он визгливым голосом. — Они убьют и вас. Вы не в большей безопасности, чем я! Может, вместе нам удастся выжить...

Ван Уоук резко повернулся к нему.

— Вы, чертов дурак! К кому вы обращаетесь за помощью? Мы все его жертвы! Это он отвечает за это... Это его рук дело...

— Лжец! — завизжал Бартелл и повернулся ко мне. — Это вас они хотели устраниТЬ. Они обманом заманили вас в Машину Грез. Они хотели вертеть вами, как угодно, чтобы свести с ума. Это был единственный способ устраниТЬ вас, не убивая...

Трайт подошел к нему, ударил правой в живот, а затем левой снизу в челюсть. Он не ушел в нокаут, но заткнулся. Затем осел вдоль стены, часто дыша открытым ртом.

— Ладно, — сказал Ван Уоук немного повышенным, дрожащим голосом.

Потом с трудом сглотнул и набычил голову, словно я был кирпичной стеной, а он собирался таранить меня. Я выхватил один из своих пистолетов и прицелился в него.

— **МАТЕРЬ БОЖЬЯ!** — сказал Уоллф и начертил в воздухе магический символ.

Ван Уоук выдавил из себя что-то бессвязное. Эриданы раздул ноздри. Траут выругался и потянулся к боковому карману.

— Не надо, — сказал я ему. — Только попробуй, и я испорчу цвет твоего лица.

— Нужно это прекратить, Флорин! — воскликнул Ван Уоук, но в голосе его было мало экспрессии. — Мы больше так не можем.

— Согласен, — сказал я. — Фактически, мы зашли уже слишком далеко. Но как вы можете заметить, это меня не остановит. Ну, кто хочет начать говорить первым? Эриданы? Уоллф? Я хочу знать истину.

— Истину? — закричал Ван Уоук и издал странные звуки, то ли смех, то ли плач новорожденного. — А кто знает, какова истина? Знает кто-нибудь? Может, вы, Флорин? Если так, то у вас есть перед нами преимущество, уверяю вас.

— Машина должна быть отключена, выведена из строя, сломана раз и навсегда, — холодно произнес Эриданы. — Полагаю, теперь вы понимаете это, Флорин?

— Еще нет, — сказал я. — Барделл, подойдите сюда.

— Они пытались меня убить, — каким-то дребезжащим голосом сказал он. — Говорю вам, они хотели меня убить и...

— Хватит об этом, — оборвал я его. — Я собираюсь попробовать провести один эксперимент. Вы поможете мне.

— Что вы имеете в виду? — воскликнул Ван Уоук. — Вы и этот... этот...

— Да. Признаю, что Барделл не совсем подходящая кандидатура... но вы парни, кажется, не нравитесь ему. И это делает его союзником. А что скажете вы, Барделл? Останетесь со мной или отправитесь в ад с Ван Уоуком и остальной компашкой?

Барделл посмотрел на меня, потом на них и опять на меня.

— Вы можете обождать минутку, Флорин?

— Хорошо. Но потом мы начнем действовать. Так вы со мной или? Но что вы хотите сделать?

— Решиться.

Он стал кусать себе губы, весь задергался, открыл было рот, но ничего не сказал.

Трайт рассмеялся.

— Вы выбрали себе плохую опору, Флорин, — заявил он. — Это же не человек, это миска желе.

— Ладно, я помогу вам, — внезапно спокойно сказал Барделл, по-дошел и встал рядом со мной.

— Трайт, вы когда-нибудь научитесь держать язык за зубами? — сказал Эридани голосом, словно отштампованным из высококачественной стали.

— Конечно, начинайте хитрить, — сказал я. — Это добавляет игре остроты. — Я махнул рукой. — А теперь к стене, все вы.

Они повиновались.

— Барделл, включите Машину Грэз.

— Но... вы же не присоединены к ней.

— Просто включите ее, чтобы она нагрелась. Я свяжусь с ней и отсюда.

— Я требую, чтобы вы сказали нам, что собираетесь сделать, — проворчал Ван Уоук.

— Легко, — сказал я. — До сих пор я шел пешком. А теперь воспользуюсь колесами.

— В смысле?

— Кое-кто дал мне подсказку, что я ответственен за определенные аномалии. Это все та же старая идея «чудовища внутри». Согласно этой теории, я был движущей силой, а так же главной жертвой собственного подсознания. Сейчас я хочу перенести действие в область сознания. Следующий прием, который вы увидите, будет сделан уже сознательно.

Эридани и Ван Уоук что-то заговорили одновременно. Трайт отступил к стене и прижался к ней спиной.

— Включена! — крикнул Барделл.

И у меня в голове вспыхнул яркий свет.

ВСЕ ЗНАНИЯ разом хлынули в мою голову. Я почувствовал, как в меня вливается энергия, заполняет мозг, раздувает его, в то время, как стены вокруг исчезают и распадаются.

И из темноты впереди вышагнул Дизз. Я увидел его издалека, гигантского, шагающего ко мне динозавра, великолепного, неодолимого, сверкающего полированной, фиолетовой, чешуйчатой бро-

ней и сияя фиолетовыми же глазами. Он остановился, возвышаясь на фоне звезд.

— Флорин, — сказал он, и голос его заполнил все пространство, как звуки органа заполняют собор. — Мы опять встретились, и теперь...

Я не ответил. Я выбрал место на его бледном животе и представил в нем дыру... по крайней мере, попытался. Дизз, казалось, не заметил этого.

— Еще не слишком поздно передумать, — гремел он. — Я, конечно, могу стереть вас из реальности, о чем весьма справедливо предупреждал вас Барделл. Но я не стремлюсь вам отомстить, и у меня нет ни малейшего желания навредить вам. — Он рассмеялся раскаристым смехом гиганта. — Зачем бы мне совершать такие злодеяния? Что я имел бы с этого?

Я уменьшил область своей цели и сконцентрировал на ней все свои силы. Дизз поднял геркулесову руку и лениво почесал живот.

— Я восхищаюсь вашим духом, вашей неутомимостью, вашей приверженностью выбранному курсу. Видите, я тоже не без эмоций. Но я не могу позволить всяkim там сентиментальным соображениям встать на пути моего долга. Я уже просил, чтобы вы, чисто по джентльменскому соглашению, уничтожили Машину Грэз. Но вы не сделали этого. Вместо этого вы упорно суете нос в чужие дела. Вы, найдете вы еще несколько маленьких фактиков — а ради чего? Ладно, Машина не столь невинна, как я ее обрисовал. И ваша роль не совсем столь же незначительна, как члена делегации, представляющей самую обычную планету в Галактическом Парламенте. Но что это меняет — кроме масштаба? Галактический Парламент очень древний, Флорин, он куда древнее, чем ваша младенческая раса. Он больше не может терпеть распространение вами хаоса, как человеческое тело не может терпеть раковые клетки. И как тело усиливает свою обороноспособность, чтобы уничтожить злокачественную опухоль, так и мы собираем силы, необходимые, чтобы остановить вас. Это все, что мы собираемся сделать, Флорин. Запереть вас в вашем секторе Космоса, положить конец вашему нарушению спокойствия. Вы же наверняка видите, как мудрость склоняется перед необходимостью?

Я не ответил, сосредоточившись на своей атаке. Он рассеянно потрогал живот и нахмурился.

— Уйдите, Флорин. Уверяю вас, вам разрешат жить мирно в вашем невежестве после того, как вы... — Он оборвал себя и схватился за живот. — Флорин! — проревел он. — Что вы?.. — И тут он завизжал и принял себя царапать. — Предатель! Под прикрытием переговоров вы напали на меня... — Он снова замолчал и принял

извиваться в ярких, фиолетовых языках пламени, которые поднялись вокруг него, завихряясь и делая все вокруг угольно-черным. Внезапно он сделался меньше, словно резко уменьшился масштаб моего видения. Он уже не был гигантом, стоящим на равнине, а стал рептилией величиной с человека, которая скакала передо мной, визжа больше от ярости, чем от боли. По крайней мере, мне так казалось.

— Это проще — и гораздо забавнее, чем то, что вы предлагаете мне, — сказал я.

— Прекратите! — закричал он голосом, ставшим на полоктавы выше, чем тот, которым он говорил до сих пор. — Я признаюсь, что вводил вас заблуждение. Но мое единственное намерение состояло в том, чтобы избежать усложнения ситуации, а уладить все максимально быстро и просто. Но я недооценил вас. — Он вперил в меня бешеный взгляд змеиных глазок, в то время, как дым от немного ослабевших языков пламени струился над его узкой головой.

— Вы не простое существо, которым легко управлять, Флорин! Я уже говорил вам, что вы добровольно вошли в симулятор окружающей среды — Машину Грэз, — но не для тестирования, как я сказал раньше. Это было нудно для лечения. Вы важный человек, Флорин. Видите вы, вы очень нужны им. Вас загипнотизировали. Подавили внешние слои вашей памяти и создали новую реальность, записав ее в ваш мозг — чтобы вы соответствовали предложенной вам роли. Их намерение состояло в том, чтобы управлять вашими галлюцинациями, показать, насколько ненадежны они, как способ бегства от действительности, и, таким образом, вернуть вас в реальный мир.

— Это звучит немного знакомо, — сказал я. — Вот только сделать это они хотели с сенатором.

Дизз посмотрел на меня в замешательстве.

— Разве вы еще не поняли? — сказал он. — Вы и есть сенатор.

IX

— **ЭТО И В САМОМ** деле было весьма забавно, — продолжал Дизз. — Вы вошли в личность легендарного Флорина, после чего Ван Yoук принял все меры, чтобы поручить вам, как Флорину, Человеку Из Стали, стать телохранителем сенатора. Он сделал вас телохранителем самого себя, таким образом введя вас в неразрешимый парадокс.

— Больше походит на злую шутку. Но почему ничего не вышло?

— С похвальной изобретательностью ваше осажденное воображение создало сенатора, который был вами, но в то же время отдельно от вас. Однако, когда давление на вас стало расти, вы оправдали его



уход, назвав его просто актером. Но такое положение просто-таки умоляло дать ответы на ряд вопросов. Без ответа оставался важнейший вопрос: тайная личность настоящего сенатора – вас самого. Вы стали одержимы потребностью найти этот ответ. Ван Уоук и его группа, контролируя ваши фантазии, безуспешно попытались уда-

лить со сцены Барделла. Наконец, в знак отчаяния, они подсунули вам его фальшивый труп. Но вы – или ваше подсознание – дали эквивалентный ответ. Разумеется, вы не могли принять ваше собственное удаление со сцены. Вы превратили самозванца в старый манекен и продолжали снова и снова противостоять самому себе, что явно вело к вашему самоуничтожению. Но даже тогда вы не были удовлетворены. Вы разгадали обман и продолжали упорно действовать – к полному замешательству всего Галактического Сообщества.

– А тогда в действие вступили вы, рассказали мне часть этой истории и отправили меня обратно, чтобы я разрушил эту штуковину, которую вы называете Машиной Грэз.

– Что вам не удалось сделать. Но я надеюсь, теперь-то вы понимаете, что никогда не сумеете избавить себя от себя самого, Флорин. Вы и есть ваша Немезида, которую вы преследуете и которая преследует вас... Вы тот, кого поклялись защищать, но на кого нападаете... или, может, наоборот? – Его сверкающие глаза не отрываясь, глядели на меня, к нему возвращалась прежняя уверенность.

– Подумайте, что будет дальше, Флорин. Вы обречены вечно идти куда-то и проверять и проверять, куда-то, где будете вечно тащить на себе невыносимый, но неизбежный груз – себя самого.

– Очень поэтично, – сказал я. – Но почему вы с самого начала не сообщили мне, что я и есть сенатор? К чему эта история об эксперименте?



– Я не был уверен, как вы воспримете известие о том, что вас объявили безумцем, – насмешливо сказал он. – Но теперь, повидав в действии ваше монументальное «я», я уже так не думаю.

– Все просто, да? Вы делаете все таким простым и завлекательным. И я ничего не помню, потому что мне заменили память пу-

стым местом, да? И шуточками было, когда мы размахивали заряженным оружием, и все эти перестрелки, а вот теперь явились вы – хороший полицейский, который пришел, чтобы все расставить по местам. Знаете что, Дизз? Вы хороший парень, вы нравитесь мне, но мне кажется, что вы лжете.

– Я лгу? Но это же просто нелепо. Я имею в виду, теперь. Раньше, конечно, когда я еще полностью не оценил ваши возможности...

– Не волнуйтесь, Дизз. Вы уже миновали то, что называется подрывом доверия. Это самый вежливый способ назвать человека проклятым лжецом. Зачем вы хотите уничтожить Машину Грез?

– Я уже объяснял...

– Знаю. И я вам не поверил. Попробуйте еще раз.

– Но это абсурд. То, что я сказал вам, чистая правда.

– Вам не нравится игра с подменой реальности, в которую мы играем с вами вместе, Дизз?

Я представил, как нас окружают стены. И стены тут же появились. Я сделал их бледно-зеленым фоном лаборатории. Затем превратил все воображаемое в реальное. Дизз зашипел, отступая к большому пульту правления, на котором горела яркая надпись: *Чрезвычайная Перегрузка*. В таком окружении человек-ящерица почему-то еще больше уменьшился, теперь это была довольно жалкая ящерица с жестким воротничком и тугим галстуком-ленточкой.

– Что вы хотите, Флорин? – прошептала она. – Чего вы добиваетесь?

– Пока что не знаю, – сказал я и поместил на полу бледно-голубой персидский ковер.

Но он не гармонировал со стенами. Тогда я превратил ковер в бледно-зеленый. Диз завизжал и стал подпрыгивать на месте, словно пол под ним вдруг сделался горячим.

– Больше не надо... больше не надо... – лепетал он.

– **ВЫ ГОТОВЫ** сдаться? Прежде чем я превращу эту свалку в Клуб Плейбоев с хладнокровными кроликами в бронированной чешуе?

– В-вы н-не... можете... – дрожащий голос его уже повысился до сопрано.

– Я становлюсь беззаботным, Дизз. Меня уже не волнует, сохранилась школа или нет. Я даже хочу увидеть, как она затрешит по швам.

Я убрал зеленую мозаику и на ее место поместил обои с цветочками. Я добавил окно, за которым, к моему удивлению, почему-то появилась желтая пустыня, простирающаяся в такие дали, в какие

никакая пустыня в мире не имела права простираться. Я взглянул на Дизза, и он оказался облаченным в облегающую позолоченную форму, с искрящимися эполетами, серебряными галунами, с медалями всех цветов радуги, полированными сапогами и острыми шпорами. В правой руке он держал арапник, которым нетерпеливо похлопывал по сапогу. При этом, почему-то, в шикарной форме он стал выглядеть еще более мелким.

— Ладно, Флорин, так как вы не оставляете мне никакого выбора, вынужден вам сообщить, что я Старший инспектор Службы безопасности Галактики, и вы арестованы.

Он выхватил большой, с изящными обводами, пистолет из усыпанной драгоценностями кобуры на его тощем бедре и навел его на меня, держа в левой руке.

— Вы пойдете со мной без шума? — пропищал он. — Или я буду вынужден ввергнуть вас в амбулаторную кому?

— Я там уже был, — сказал я и выбил у него пистолет.

Он тут же выхватил из ножен саблю, которой я и не приметил, и попытался разрубить мне голову. Я вовремя придумал себе мачете, металл лязгнул о металл. Дизз отскочил назад, схватил бамбуковую трубку и пустил из нее стрелку с наконечником, смазанным кураре. Я пригнулся, и стрелка пролетела над моей головой. Тогда он произвел огнемет. Пламя с ревом метнулось ко мне и облизало мой асbestosовый костюм, а я загасил его из шланга, из большого медного наконечника которого хлынула пена.

Теперь Дизз был едва ли шестидесяти сантиметров роста. Он бросил в меня гранату, я перехватил ее и швырнул обратно, она взорвалась на крышке мусорного бака. Взрыв отбросил его на пульт управления. Красный свет сменил зеленый, оглушительно залязгал скрипучий сигнал тревоги. Дизз запрыгнул на штурманский стол. Он больше не был в золотистой форме, а сменил ее на тусклую, серо-багрянистую. Он яростно пищал, точно белка, и швырнул в меня молнию, которая взорвалась на безопасном расстоянии, ударила гром, точно упал огромный утес, воздух наполнился густым запахом озона и горелого пластика. Дизз, став теперь лишь тридцати сантиметров высотой, яростно прыгал на столе, грозил мне кулаком, а потом пустил в меня ядерную ракету. Я смотрел, как ракета летит на меня, и уклонился, сделав шаг в сторону. Ракета зеркально отразилась от стены и полетела обратно к владельцу. Он отскочил — став еще не более восемнадцати сантиметров, — и все помещение разлетелось на осколки, которые ринулись ко мне. К счастью, на мне уже была совершенно неуязвимая броня, так что они не причинили мне ни малейшего вреда. Я пробрался через руины на жел-

тый солнечный свет, в котором кипела пыль. Потом пыль улеглась, и на камне передо мной появилась маленькая бледно-фиолетовая ящерка, что-то прошипела ультразвуком и плонула мне в глаза ядовитой слюной. Это меня разозлило. Я поднял гигантскую мухобойку, чтобы прихлопнуть ящерку величиной с кузнечика, но та заверещала и швырнулась в трещину в камне, в которую я вогнал лом и отколол от камня кусок.

— Флорин! Я сдаюсь... Я уступаю... только остановитесь...

Его глаза блестели, как красные искорки, в глубине трещины. Я рассмеялся и вогнал лом еще глубже.

Он был уже просто кузнечиком, чирикающим в пустыне. Я ударили ломом еще раз, и валун развалился пополам, а вместе с ним развалилась земля и небо, открывая бархатную черноту абсолютного небытия.

Прекрасно, крикнул я в пустоту. *Но тут немножко пусто на мой вкус. Да будет свет!*

И стал свет.

И я увидел, что это хорошо, и отделил свет от тьмы. Однако, все еще было немного пусто, поэтому я добавил небесный свод и разделил воду под ним и воду над ним. Появился океан с большим количеством дождевых облаков.

Немножко монотонно. Да разойдется вода и да возникнет средь нее суши.

И было так.

Лучше, но выглядит мертвенько. Да будет жизнь...

И стала жизнь. В воде появилась слизь, слизь превратилась в морские водоросли, островки водорослей выплыли на берег, обосновались там и произвели растения, покрывшие пустые скалы и создавшие почву. На земле появилась трава, дала семена, выросли плодовые деревья, стали лужайки и джунгли, и цветочные растения, которые отделились от мха, сельдерея и прочей огородной зелени.

Слишком статично. Да будут животные...

И были киты и рогатый скот, домашняя птица и дикие звери — и все плескалось, мычало, кудахтало, бегало и ползало, немного оживляя пейзаж, но все равно недостаточно.

Проблема в том, что тут слишком тихо, сказал я себе. *Ничего не происходит...*

Земля затряслась под ногами, земля поднялась, взорвалась вершина горы, изрыгая лаву, которая покатилась по усаженному деревьями склону, сжигая все напрочь, и черные облака дыма и пемзы

окутали меня. Я закашлял и передумал, и все вновь стало тихим и мирным.

Я имел в виду что-нибудь приятное, например, великолепный закат с прекрасной музыкой...

Небо дернулось, солнце покатилось на юг во всем блеске фиолетового, зеленого и розового цветов, и одновременно полились чарующие аккорды из невидимого источника в небе или у меня в голове. Когда все устоялось, я быстренько провернул все назад и прогнал еще несколько раз, разнообразил музыку, проиграл еще с десяток дисков, прежде чем решил, что она соответствует зрелищу.

Но тяжелая будет работа составлять всякий раз новую композицию, – признал я себе. Зачем мне эта головная боль. А как насчет концерта без светового шоу?

Я проиграл, насколько помнил, различные симфонии, элегии, концерты, баллады, мадригали и рекламные слоганы. Но через какое-то время я выдохся. Я попытался придумать собственное сочинение, но ничего не получилось. Это была новая область, которую мне еще предстояло освоить. Но я жаждал развлечений немедленно.

Катание на лыжах, решил я. Здоровый отдых на чистом воздухе, острое ощущение скорости...

Я срочно соорудил крутой склон, полетел по нему на горных лыжах и сломал себе обе ноги.

Не так, пожаловался я, собирая себя заново. – Никаких падений...

Я летел вниз по склону так, что воздух свистел в ушах, и меня поддерживали невидимые помочи, не давая разбиться.

Кстати, неплохо бы принять ванну. Или нет, серфинг...

Я летел на гребне волны в каком-то садке, огражденный со всех сторон перилами. Точнее. Перемещалось все вокруг, но оно не имело ко мне никакого отношения.

Плохо. Придется изучить и это... опять предстоит тяжелая работа. Может, прыжки с парашютом?

Я распахнул дверь самолета и шагнул в пустоту. Ветер свистел мимо меня, а я висел неподвижно, наблюдая, как гобелен пастельных расцветок у меня под ногами быстро растет. Внезапно он превратился в поля и деревья, бешено мчащиеся мне навстречу. Я схватил кольцо, дернулся...

Рывок чуть не сломал мне позвоночник. Я вращался с голово-кружительной скоростью, раскачиваясь, как маятник на высоких часах, а потом врезался в твердую скалу.

...Я умудрился погасить парашют, расстегнул ремни безопасности и лег под кустом регенерироваться.

В каждом ремесле есть свои хитрости, напомнил я себе. В том числе и в ремесле Бога. Какой смысл делать что-то, если я не получаю от этого удовольствия?

Это заставило меня задуматься о том, а чем я действительно стал бы наслаждаться?

Все в твоих руках, старик, сказал я себе. Как насчет миллиона долларов для начала?

Банкноты были аккуратно упакованы в пачки по 1 000 \$ десятками, двадцатками, пятидесятыми и сотнями. И таких пачек было много. Очень много.

Опять не то. Что хорошего в этих серовато-голубых бумажках? Только то, что можно на них купить. Например, золотисто-каштановый «спидстер» образца 1936-го года с зеленой кожаной обивкой...

Он стоял на парковке. Внутри хорошо пахло. Дверцы приятно захлопнулись. Я тронулся и погнал его по дороге на скорость пятьдесят километров в час. Затем стал набирать скорость: 90... 100... 200. Немного погодя я устал нестись сквозь ветер и пыль, и убрал их. Затем устранил тряску и рев мотора.

Ты прикован к земле...

Я добавил машине крылья, хвост и круто поднялся в небо в своем летающем автомобиле, а ветер бил мне в лицо, принося с собой запах касторового масла и высококооктанового бензина. Но внезапно автомобиль не выдержал, развалился на куски и упал на поле под Пеорией. То, что от меня осталось, можно было собрать ложкой. Я и собрал, а потом пересел в Т-33, катящий гладко, точно по маслу. Я какое-то время с удовольствием вел его по оврагам и лощинам, но подниматься в воздух мне уже не захотелось. Тогда я поплыл под парусом вниз по каньону, но тут на меня навалился приступ морской болезни. Я причалил к берегу, вылез, и меня стошило.

Тогда я стер все вокруг и создал маленький, уютный костер на пляже, у которого сидели, скрестив ноги, люди, болтали и жарили на огне зефирики.

— А, вот она — простая жизнь, — сказал я и пошел, чтобы присоединиться к ним.

Крупный парень с зарослями черных волос на груди поднялся мне навстречу.

— Мотай отсюда, парень, — сказал он. — Тут частная вечеринка.

— Но я просто хочу посидеть с вами, — сказал я. — Смотрите, я принес сосиски.

ЗАКРИЧАЛА ДЕВУШКА, а горилла с волосатой грудью стал осыпать меня прямыми ударами и хуками, которые я ловко поймал подбородком. Затем я упал на спину и получил пинок в зубы, прежде чем стер из существования всю эту группу. Я выплюнул песок вместе с кровью, и попытался насладиться одиночеством, тихой ночью и полной луной, висящей над водой, и почти добился прогресса, но тут какое-то насекомое вонзило мне жало как раз под лопатку, туда, где я не мог его достать. Я на время стер всю животную жизнь и решил поразмышлять.

Я просто пошел не в том направлении. Мне нужно всего лишь место, в которое я могу вписаться, место, где жизнь проста, спокойная, и где найдется для меня местечко. А что может быть лучше, чем мое собственное прошлое?

Я пустил свои мысли скользить назад, по следам моей памяти, в тот далекий летний день в небольшом школьном здании на грунтовой дороге. Мне было восемь лет, я носил штанишки и кроссовки, рубашку и галстук, и сидел, положив руки на парту с вырезанными инициалами, в ожидании звонка. Звонок зазвонил, и я выскоцил во двор в восхитительное сияние юности, и тут же налетел на детскую втрое больше меня, с взлохмаченными рыжими волосами и свинячьими глазками. Он схватил меня за волосы, с силой провел костяшками пальцев туда-сюда по моему скальпу – жутко больно, – повалил меня на землю, сел сверху, и я почувствовал, что мой нос съехал набок.

Тогда я сковал его цепями, сбросил на него семнадцатitonный молот и снова остался один.

Опять не то. Это вообще плохая идея. Это же не столкновение с реальной жизнью, со всеми ее радостями и горечами. Это всего лишь уловка. Тот парнишка должен был иметь хоть какие-нибудь шансы ответить. Жизнь – это когда человек сталкивается с человеком, свободное взаимодействие личностей – вот что делает жизнь полной, богатой...

Я сделался под метр восемьдесят ростом, с великолепной мускулатурой, золотыми витками волос и квадратным подбородком, но Свинячий Глазки вышел из переулка с отрезком железной трубы и разбил мне голову. Я облачил себя в доспехи со стальным шлемом, а он подкрался ко мне сзади и всадил кинжал в зазор между двумя пластинами брони на поясе. Я отбросил броню, обернулся черным поясом и встал в боевую стояку, а он выстелил мне в левый глаз из пистолета.

Я стер всю эту дребедень и вернулся на пляж.

Достаточно импульсивных поступков, строго сказал я себе. Не нужен бой один на один, если ты хочешь просто развлечься. Ведь если ты проиграешь – то это неприятно, а если всегда побеждаешь – к чему тогда вообще стараться?

Я не нашел на это хороший ответ. Это воодушевило меня, и я продолжал.

То, что ты на самом деле хочешь, так это простых товарищеских отношений, без всякой конкуренции. Просто теплота человеческого общества на неконкурентной основе.

И я тут же стал сразу центром толпы. Люди вокруг ничего не делали, просто толпились. Теплые, задыхающиеся тела сдавили меня со всех сторон. Я чувствовал их запахи. Это было совершенно естественно, ведь у тел действительно есть запахи. Кто-то наступил мне на ногу и пробормотал: «Простите». Еще кто-то наступил на другую ногу и уже не извинился. Потом какой-то человек упал и умер. Никто не обратил на это внимания. Я бы тоже не обратил внимания, но беда в том? что этим человеком был я. Так что я снова очистил сцену, сел на бордюр и смотрел. Как печальный городской солнечный свет падает с неба на декорации, и ветер дует вдоль улиц. Это был мертвый, грязный город. Машинально я очистил его, удалив грязь даже с фасадов зданий.

Но лучше не стало.

Теперь это был мертвый, чистый город.

Вершиной человеческих товарищеских отношений, подумал я сам себе, является желанная, нежная девушка, достигшая возраста полового созревания и расположенная к тебе.

ЕСТЕСТВЕННО, Я тут же очутился в своей квартире в пентхаусе, тихонько играл магнитофон, на столике стояла бутылка охлажденным вином, а на просторных подушках кушетки рассеянно и непринужденно откинулась она. Высокая, красивая, с пышными каштановыми волосами, гладкой кожей, огромными глазами и маленьким носиком. Я разлил вино по бокалам. Она сморщила носик и зевнула. Зубки у нее были белые и тоже прекрасные.

– Черт побери, у тебя что, нет записей получше? – спросила она.

Голос у нее оказался высоким, тонким и капризным.

– А что бы ты хотела? – спросил я.

– Не знаю. Что-нибудь клевое. – Она зевнула и посмотрела на тяжелый изумрудный браслет у себя на запястье. – Ну, ничё так, – сказала она. – А сколько он стоит?

– Мне он достался бесплатно. Приятель занимается ювелиркой. Это рекламный образец.

Она сняла браслет и бросила его на пушистый ковер.

— У меня ужасно болит голова, — пожаловалась она. — Поеду домой. Вызови мне такси.

Это показывает, что ты на самом деле думаешь о девушках, которые клюют на пентхаусы и хай-фай магнитофоны, сказал я себе, стирая ее из реальности одним мановением руки. *На самом же деле тебе нужна домашняя девушка, милая, скромная, невинная.*

Я подошел к крыльцу белого домика, в окошке которого горела свеча. Она встретила меня на пороге с тарелкой свежих кексов. Пока мы ужинали маисовым хлебом, фасолью с кусками деревенского окорока, она болтала о своем саде, своем шитье и своей кулинарии. Потом она мыла тарелки, а я вытирал их. Затем она плела кружева, пока я сидел у огня и смазывал сбрую или что-то подобное. Через какое-то время она сказала: «Ну, доброй ночи» и вышла из комнаты. Я подождал пять минут и последовал за ней. Она расстилала лоскутное одеяло, причем сама уже была в толстой шерстяной ночной рубашке до щиколоток и распущенными волосами.

— Сними рубашку, — сказал я.

Она сняла. Я посмотрел на нее. Она была во всем женщина.

— Давай-ка ложиться спать, — сказал я.

Так мы и сделали.

— А ты ничего не хочешь мне сказать? — спросил я.

— Что именно?

— Как тебя зовут?

— Ты еще не дал мне имени.

— Тогда ты — Чарити. Откуда ты, Чарити?

— Ты не сказал мне.

— Ты из Дотана*. Сколько тебе лет?

— Сорок одна минута.

— Чушь! Тебе, ну... двадцать три года. Ты жила полной, счастливой жизнью, и вот теперь ты со мной, с тем, о ком мечтала всю жизнь.

— Да.

— И это все, что ты скажешь? Разве ты не счастлива? Или печальна? У тебя что, нет своих мыслей?

— Конечно, есть. Меня зовут Чарити, мне двадцать три года, и я здесь с тобой...

— А что ты сделаешь, если я ударю тебя? Или подожгу дом? А что, если я скажу, что собираюсь перерезать тебе горло?

* Дотан — город в США, шт. Алабама (прим. перев.)

— Все, что скажешь.
Я сжал ладонями виски и подавил яростный вопль.
— Минутку, Чарити, это не правильно. Я не хотел сделать тебя автоматом, просто повторяющим мои слова. Будь настоящей, живой женщиной. Реагируй как-нибудь на меня.
Она натянула одеяло до подбородка и закричала...

Я СИДЕЛ в кухне один, выпил стакан холодного молока и громко вздохнул.

Нужно все хорошенько продумать. Ты можешь сделать все, что захочешь. Но ты пытаешься сделать это слишком быстро, слишком много навешиваешь ярлыков и шаблонов. Фокус в том, что все должно развиваться медленно, нужно складывать детали, подгонять их друг к другу, делать реальными...

Тогда я продумал небольшой городок на Среднем Западе, с широкими улицами и просторными, старыми каркасными домами под большими деревьями, тенистые дворики и сады, не для вида, а просто для удобства, где можно лежать в гамаке, ходить по траве и рвать цветы, не чувствуя, что выстроенный эпизод.

Я шел по улице, принимал все вокруг, привыкал к нему. Стояла осень, где-то жгли сухую листву. Я поднялся на холмик, вдыхая ароматный вечерний воздух и чувствуя себя живым. Над газоном перед большим кирпичным домом на верху холма плыли нежные звуки фортепиано. Там жила Пурити Атватер. Ей было семнадцать лет, она была самой симпатичной девушкой в городе. Мне захотелось немедленно зайти к ней, но я сдержался.

Ты же незнакомец в городе, подумал я. Ты должен устроиться здесь, а не просто возникнуть. Ты должен познакомиться с ней принятым в обществе способом, произвести на нее впечатление, угостить ее содовой, пригласить в кино. Дай ей время. Сделай ваши отношения настоящими.

Комната в пансионе стояла пятьдесят центов. Я хорошо выспался. На следующее утро пошел искать работу, и, получив отказы в трех местах, наконец-то получил место за два доллара в день в «Скобяных товарах и кормах Сигала». Мистер Сигал был благоприятно впечатлен моей откровенностью, манерами, вежливостью, почтительностью и явным рвением к работе.

Через три месяца мне подняли оплату до 2, 25\$ в день и перевели в бухгалтерию. В своей комнате в пансионе я завел канарейку и полку с умными книгами. Я регулярно посещал церковь и клал десять центов в неделю в блюдо для пожертвований. Я посещал вечер-

ние курсы повышения квалификации для бухгалтеров, и позволил мышцам развиваться, но не больше, чем от обычных тренировок.

В декабре я встретил Пурити. Я расчищал от снега дорожки ее отца, когда она вышла из большого дома, очаровательно выглядя в мехах. Она подарила мне улыбку. Целую неделю я дорожил этой улыбкой, а также лез вон из кожи, чтобы сопровождать ее на вечеринку. Там я пролил на себя пунш для гостей. Она снова улыбнулась мне. Ей явно понравилось мое загорелое лицо, выющиеся волосы, привлекательная улыбка и щенячья неуклюжесть. Я пригласил ее в кино. Она согласилась. На третьем свидании я немного подержал ее за руку. На десятом поцеловал в щечку. Восемнадцать месяцев спустя, когда мне все еще благосклонно разрешали целовать в щечку, она убежала из города с трубачом из джаз-группы, на концерт которой я ее пригласил.

Ничего страшного, я попытался еще раз. Хоуп Берман была второй самой симпатичной девушкой в городе. Я познакомился с ней тем же способом, после двадцать первого свидания поцеловал ее в губы, и был приглашен мистером Берманом на беседу. Он спросил меня о моих намерениях. Ее братья, здоровенные парни, тоже весьма живо заинтересовались этим. Позиция «Бермана и Сыновей, Портных», стала мне ясной. Хоуп хихикала. Я сбежал.

ПОЗЖЕ, СИДЯ в своей комнате, я серьезно подверг себя критике. Я потерпел Фиаско в Поттсвилле. По городку разнеслась молва, что я бездельник и ловелас. Я забрал свои деньги, выплаченные с опозданием, сделал кое-какие выводы, и, выслушав обиженную речь от мистера Сигала о человеческой неблагодарности и попрыгунчиках, сел на поезд до Сент-Луиса. Там я познакомился и стал ухаживать за Фейт, привлекательной девушкой, работавшей секретаршой в конторе адвоката, имя которого было написано на стекле второго этажа в нескольких квартирах от делового центра города. Мы ходили в кино, катались на трамвае, посещали музеи, устраивали пикники. Я заметил, что Фейт потеет при теплой погоде, имеет несколько дырок в зубах, совершенно невежественна во многих вещах и любит приврать. Позже она плакала и болтала о свадьбе...

Омаха был еще более привлекательным городом. Неделю я жил в мужском пансионате при Железной дороге и обдумывал свои дальнейшие действия. Было очевидно, что я все еще действовал слишком спешно. Я променял одиночество Бога на одиночество Человека, более мелкое, но не менее острое. И я понял, что для

того, чтобы жить человеческой жизнью, надо с самого начала быть частью человеческого общества.

Вдохновленный этими мыслями, я поспешил к в родильное отделение ближайшей больницы и родился в 3:27 в пятницу, здоровый мальчуган в три с половиной килограмма, которого мои родители назвали Мелвин. Мне пришлось съесть более двухсот килограммов кашки, прежде чем довелось впервые попробовать мясо и картофель. И был вознагражден болью в желудке. Как и все, я учился говорить, ходить и любил стягивать скатерть со стола, чтобы услышать звон бьющейся посуды. Потом я пошел в детский садик и строил крепости из песка, а потом учился кататься на трехколесном велосипеде, никелированном, с красной рамой. Я учился обуваться и застегивать штаны, кататься на роликовых коньках и падать с велосипеда. В средней школе я потратил двадцать центов, которые мне дали на завтрак, чтобы провести опыт с колой и майонезом, смесью которых окатил потолок, своих одноклассников и О. Генри. Я прочитал множество скучных книг Луизы Мэй Олкотт и А. Г. Хенти, и выбрал Пейшэнс Фрумвол в качестве своей пассиви.

Она была очаровательно рыженькая, с веснушками. Я катал ее на своем первом автомобиле, одном из ранних «фордов» с широкими крыльями. После церемонии вручения дипломов я поступил в колледж и продолжал с ней переписываться. Летом мы познали друг друга в библейском смысле.

Я получил степень по менеджменту, устроился в энергетическую компанию, женился на Пейшэнс и родил двух спиногрызов. Они росли почти по той же схеме, что и я сам, что заставляло меня задумываться, насколько божественное вмешательство имело отношение к моим замечательным успехам. Пейшэнс все меньше и меньше подходила к своему имени*, все чаще устраивала мне домашние скандалы, толстела прямо на глазах, проявляла интерес к делам церкви и собственному саду, ненавидя лютой ненавистью все остальное в мире.

Я упорно трудился и успешно преодолевал искушение улучшить свой образ жизни или судьбу, превратив Пейшэнс, например, в кинозвезду или преобразовав наш скромный шестикомнатный домик в роскошное имение в Девоне. Я боролся с подобными искушениями шестьдесят секунд ежеминутно и шестьдесят минут ежечасно...

И вот пятьдесят лет таких усилий я завершил за своим верстаком в гараже.

* Patience (англ.) – терпение (прим. перев.)

В местной таверне я выпил четыре рюмочки виски и стал думать над своими проблемами. После пятой порции меня охватила меланхолия. После шестой стал вести себя вызывающе. А после седьмой окончательно рассердился. Тут владелец таверны стал настолько неразумен, что заявил, будто мне хватит. Я ушел от него разобиженный, остановившись лишь на секунду, чтобы кинуть ему в окошко зажигательную бомбу. Взвилось прекрасное пламя. Я шел по улице, бросая такие «зажигалки» в салон красоты, Читальный зал Христианской общины, оптику, аптеку, магазин запчастей, и налоговую службу.

— Вы все поддельные! — вопил я при этом. — Лжецы, жулики, фальшивки!

Собралась толпа, потом возник полицейский, который принялся стрелять и, кроме меня, попал в трех невинных свидетелей. Это меня разозлило еще больше. Я обмазал этого парня смолой и обвалил в перьях, затем продолжил свое веселье, взорвав здание суда, банк, разные церкви, супермаркет и автомобильное агентство. Они горели синим пламенем.

Я РАДОВАЛСЯ, глядя, как рушатся в дыму эти ложные храмы. Затем немного поиграл с собственными религиозными установками, но тут же запутался в вопросах догмы, чудес, фондов, не облагаемой налогами недвижимости, женских монастырей и инквизиции, так что отбросил эту идею.

Уже вся Омаха приятно пылала. Я отправился в другие города, освобождая их от швали, которая не дает нам жить. Приостановился, чтобы поговорить с несколькими оставшимися в живых, надеясь услышать от них слова радости и облегчения от очищения нашей цивилизации, и хвалу открытой вновь свободе строить мир разума, добра и счастья. Но с тревогой я увидел, что они полны решимости охранять пороки жизни, включая казино, грабительское телевидение и постоянную нехватку денег, а не предаваться философствованиям.

К этому времени действие виски прошло, и япротрезвел. Протрезвел и понял, что снова слишком поторопился. Я быстренько восстановил порядок, вручив власть в руки выдающихся либералов. Но тогда принялись еще громче вопить реакционеры, создавая в народе волнения, так что пришлось создать персонал для охраны порядка, облачив их в форму для простоты идентификации.

Увы, умеренным политикам не удалось переубедить злоумышленников, что люди вполне серьезно не хотят плоды своих трудов отдавать в руки всяких там кровопийц. Тогда пришлось по необхо-



димости прибегнуть к более строгим мерам. Тем не менее, упрямые недовольные использовали в своих интересах свободу волновать народ, произносить подстрекательные речи, печатать нелояльные книги и всяческими другими способами мешать борьбе своих сотоварищей за мир и счастье народное. Разумеется, пришлось принять временные меры, чтобы пресечь эти изменнические деяния. Обре-

мененные такой нагрузкой лидеры сочли необходимым удалиться в свои просторные дворцы и ограничить свою диету икрой, шампанским, цыплячьими грудками и прочими терапевтическими средствами, чтобы с новой силой продолжить свою борьбу с реакцией. Недовольные, естественно, тут же обвинили лидеров в монополии на лимузины, дворцы, костюмы индюшата и общество медсестер, призванных одним своим видом успокаивать переутомленные умы, что было ими объявлено признаками упадка. Представьте же себе их ярость и расстройство, когда власти, отказавшись и дальше терпеть явный мятах, сослали их в отдаленные районы, где заставили выполнять полезную работу и жить простой жизнью, пока они не изменят свои взгляды.

Я обратился к Главному Лидеру, нежно прозванному Диктатором, и спросил, каковы его намерения теперь, когда экономика укреплена, предатели выкорчеваны с корнем и порядок восстановлен.

– Я думаю о том, чтобы распространить свои заботы на соседний континент, – доверительно сказал он.

– Они вас беспокоят? – спросил я.

– Можете быть уверены. Всякий раз, как я вижу широкие дороги, протянутые ими к нашим границам, я понимаю, что они могут легко добраться до нас... – И он заскрипел зубами.

– Шутки в сторону, – сказал я. – Теперь, когда у нас воцарились мир и...

– Толпа, знаете ли, никогда не угомониться, – сказал он. – Теперь они хотят телевизоры, автомобили и даже холодильники. Только потому, что у меня и моих людей есть небольшие удобства, которые помогают нам сносить невыносимые трудности правления, они хотят получить то же самое! Но что те бродяги знают о наших проблемах? Они когда-нибудь охраняли границы? Когда-нибудь они ломали себе голову над задачей: танки или тракторы? Приходилось им волноваться о поддержании международного престижа? Только не этим задницам. Они лишь волнуются о получении достаточного количества товаров, чтобы поддерживать жизнь достаточно долго, нарожать нищету в надежде, что будет кому-нибудь их похоронить – как будто это самое важное.

Я поразмышлял над его словами. И вздохнул.

– Не могу конкретно указать пальцем, – сказал я Диктатору, – но чего-то тут не достает. Это точно не та Утопия, которую я имел в виду.

Я уничтожил его, все его деяния, и стал печально созерцать пустоту.

Возможно, проблема как раз в том, что этот бульон варят одновременно слишком много поваров, раздумывал я. В следующий раз нужно лишь наметить тот путь, который мне по душе, и пустить все свободно катиться по нему.

ЭТО БЫЛА веселенькая мыслишка. И я сделал так. Я превратилдикую местность в лесопарки, осушил трясины, насадил повсюду цветы. Я поставил города далеко друг от друга, и каждый из них был драгоценной жемчужиной проекта, с удобным жильем, аккуратными деревьями дорожками и фонтанами, зеркальными прудами и театрами на открытом воздухе, которые так хорошо вписались в окружающую среду, словно являлись частью ее. Я создал чистые, хорошо освещенные школы и бассейны, почистил реки и пустил в них побольше рыбы, обеспечил богатое сырье и несколько загородных, скрытых, не загрязняющих окружающую среду фабрик, в которых работали простые, долговечные, удивительные машины, облегчающие людям труд и освобождая им время для той деятельности, которой могут заниматься лишь сами люди, такой, как научные исследования, искусство, массаж, проституцию и настольные игры. Затем я пустил население в подготовленные декорации и ждал довольных криков, которыми обычно приветствуют настоящее совершенство.

Но я быстро обнаружил странное безразличие изрядной части людей с самого начала. Тогда я спросил у красивой молодой пары, прогуливающейся по прекрасному парку возле безмятежного озера, в самом ли деле они неплохо проводят тут время?

- Наверное, неплохо, – ответил он.
- Мне не с чем сравнивать, – сказала она.
- Думаю, я лучше вздренму, – сказал он.
- Ты больше не любишь меня, – сказала она.
- Не надоедай мне, – сказал он.
- Я убью тебя, – сказала она.
- Пусть это будет попозже, к вечеру, – сказал он.
- Сукин ты сын, – сказала она.

Я пошел дальше. Девочка с золотыми кудряшками, совсем как у меня, играла у озера. Она топила котенка. И это было актом милосердия, потому что она уже выткнула котенку глазки. Я поборол импульс отправить под воду вслед за котенком и эту малышку и пошел к старому джентльмену с благородными сединами, который почему-то прятался за большим кустом. Приблизившись, я увидел, что он подглядывает из-за куста за двумя достигшими полового со-

зревания девами, которые развлекались друг с дружкой на травке. Услышав мои шаги, он повернулся.

— Возмутительно, — воскликнул он, весь дрожа. — Они занимаются этим уже два часа, в общественном месте, где каждый может увидеть их тела. И тут возникает вопрос, неужели им не хватает парней поблизости?

На секунду я ударился было в панику, уж не упустил ли я этот момент? Но, нет, конечно же, нет. Я сотворил поровну и мужчин, и женщин. Ошибка была в чем-то другом.

Очевидно, закричал я себе, *я сделал за них слишком многое. Вот они и избаловались. Они явно нуждаются в каком-то благородном предприятии, которым могут заняться сообща, нечто вроде храброго крестового похода против сил Зла, с реющими над головами знаменами.*

Мы построились рядами, распределившись по росту, вся моя верная солдатня позади меня. Я поднялся на стременах и указал на стены приготовившегося обороны города.

— Они там, парни! — закричал я. — Враги — убийцы, грабители, насильники, вандалы! Настало время воздать им сполна! Вперед, мои храбрые воины, за Бога, Англию и Святого Георгия!

И мы пошли в атаку, и смяли их ряды. Они сдались. Мы торжественно поехали по городским улицам. Мои храбрые воины спрыгнули с лошадей и начали рубить гражданских, бить окна, пригоршнями набивать себе карманы драгоценностями, не гнушаясь также забирать в качестве контрибуции телевизоры и ликер. Они перенасиловали всех женщин, иногда убивая их после, а порой и до. Они сожгли все, что не сумели сожрать, выбить или похитить.

— Господь помог нам одержать великую победу! — надрывались мои священники.

Меня разозлило упоминание моего имени всуе, и я заставил гигантский метеорит рухнуть на город во время пира. Оставшиеся в живых приписали свое выживание тому, что Господь одобрил их поступки. Тогда я наслал на них эпидемию мух — переносчиков заразы, — и половина людей принесла в жертву другую половину, чтобы умилостивить меня. Я обрушил на них потоп — они плавали вокруг, цепляясь за обломки церковных скамей, старых телевизионных столиков и раздувшихся туш мертвых коров, лошадей и евангелистов, звали на помощь и клятвенно ведали мне, как бы они жили, если бы только выбрались из этого живыми.

Я спас некоторых и, к моему восхищению, они тут же бросились спасать других, после чего сплотились в отряды, конгрегации, рабочие союзы, чернь, толпу, лобби и политические партии. И каждая

группировка ту же нападала на другую, обычно ничем не отличающуюся от нее. Я испустил ужасный вопль и накрыл всех гигантской волной. Потоки воды пенились вокруг руин храмов, законодательных органов, судов, притонов, химических предприятий и главных офисов крупных корпораций, что весьма повеселило меня. Я создал еще большую волну и смыл ею трущобы, испоганенные сельхозугодья, выжженные леса, испоганенные реки и загрязненные моря. Адреналин струился у меня по жилам, проснулась моя жажда уничтожения. Я распылил континенты, разрушил земную кору и скалы расплавил магмой.

На глаза мне попалась Луна, плывя сторонкой по небу, дабы избежать моего гнева. Ее нежная гладкость меня разозлила и я забросал ее метеоритами, превратив поверхность в сплошной хаос кратеров. Я схватил планету Эдип и бросил ее в Сатурн, промахнулся, но она пролетела слишком близко и рассыпалась на куски. Большие скалы превратились в спутники Сатурна, а пыль образовала кольца, несколько камней так же попали в Марс, а остальные стали крутиться вокруг Солнца.

Я нашел, что это хорошо, и повернулся, чтобы пригласить остальных полюбоваться этой феерией – но никого, разумеется, уже не существовало.

Трудное дело – быть Богом. Я мог создать толпу идиотов, которые только бы и делали, что возносили мне хвалу и пели осанну, но что в этом хорошего? Человек хочет общения с равными себе, черт побери…

ВНЕЗАПНО Я ПОНЯЛ, что сыт всем этим по горло. Все казалось просто, раз у вас есть власть сделать все так, как вам хочется... но просто не стало. Частично проблема была в том, что я, оказалось, не знал, что именно хочу, а частично в том, что не знал, как достигнуть того, что хочу, когда знаю, чего хочу. И еще одна часть проблемы вскрылась, что, когда я получил, чего думал, что хочу. Вдруг оказалось, что это совсем не то, чего я хотел. Работать богом оказалось слишком трудно, слишком хлопотно. Быть просто человеком намного проще. У возможностей человека есть свой предел, но есть так же предел и у его ответственности.

Я – всего лишь человек, как бы там ни был способен швыряться молниями. Мне потребуется несколько сотен тысяч лет для развития и, возможно, затем, я смогу стать богом...

Я стоял – или плавал, или парил – посреди айлема*, – все, что осталось после моих усилий, – и вспоминал Ван Уоука и Сально-лицего, с их большими планами относительно меня. Они больше не казались зловещими, а только вызывали жалость. Я вспомнил Дизза, человека-ящерицу, и каким он был напуганным напоследок. Я вспомнил о сенаторе, его трусости и его оправданиях, и внезапно все это показалось очень человеческим. А затем я подумал о себе и вспомнил, из какой потрепанной фигуры я вырос, не как бог, а как человек.

Тогда ты был весьма хороши, сказал я себе, в какой-то степени. Все в порядке, ты, паршивый победитель. Весь твой путь – вот настоящая проблема. Успех – это когда не остается уже никаких проблем. Но независимо от того, сколько побед ты одержишь, впереди тебя вечно ждет еще более важная и трудная проблема – и всегда будет ждать – так что все дело не в победе раз и навсегда, а в стремлении продолжать творить добро и при этом не забывать, что ты не просто Бог, но – Человек. Для тебя нет и никогда не будет никаких простых ответов, будут только вопросы, и не будет причин, а только факторы, и ничего не будет иметь значения, кроме собственного разума, и не будет никакого доброжелательного волшебника, улыбающегося тебе сверху, и никаких адских огней, придающих тебе ускорение снизу, а есть только ты сам и Вселенная, да еще то, что ты сделаешь на стыке этих равновеликих величин.

И, размышляя так, я отдохнул от всех своих прежних трудов.

Я ОТКРЫЛ глаза. Она сидела за столиком напротив меня.

– С вами все в порядке? – спросила она. – Вы выглядели так странно, сидя здесь в полном одиночестве, и я подумала, что, может, вам плохо.

– Я чувствую себя так, будто бы только что создал и уничтожил Вселенную, – сказал я. – Или Вселенная создала и уничтожила меня. Или, возможно, и то и другое одновременно. Не уходите. Есть еще одно, что я должен увидеть.

Я встал, подошел к двери и за ней оказался сенатор. Он посмотрел на меня и подарил мне улыбку, столь же реальную, как на рекламном плакате, и столь же искреннюю.

– Вы пришли, – сказал он голосом, в котором звучало достоинство.

* Айлем – гипотетическое правещество химических элементов (в теории Большого Взрыва) (прим. перев.)

— Я отказываюсь от этой работы, — сказал я. — Я просто хотел сообщить это вам.

— Но вы не можете, — встревоженно сказал он. — Я рассчитывал на вас.

— Больше не рассчитывайте, — сказал я. — Подойдите сюда, я хочу вам кое-что показать.

Я пошел к большому, в полный рост, зеркалу, и сенатор нехотя пошел за мной и встал рядом. Я пристально взглянул на отражение: квадратный подбородок, широкие плечи, пристальный взгляд чуть прищуренных глаз.

— Что ты видишь?

— Жулика, — ответил я. — Они все умоляли тебя продолжать жить той старой, жалкой жизнью. И ты согласился? Нет. Ты отвертесь... по крайней мере, попытался. Но это не сработало. И вот ты здесь, нравится тебе это или нет. Так что лучше, чтобы оно тебе понравилось.

Я повернулся к сенатору, но в помещении я был один.

Я ПОДОШЕЛ к двери и открыл ее. Советник Ван Уоук поднял глаза от длинного стола под спиральной люстрой.

— Слушай сюда, Барделл, — начал было он, но я развернул воскресный выпуск газеты, который держал в руке, и бросил его на стол перед ним, с жирной шапкой «Флорин — Человек из Стали» на передней полосе.

— Он почти что пошел на это, — сказал я. — Но передумал.

— Тогда... это означает...

— Это означает — забудьте все. Этого никогда не происходило.

— Ну, в таком случае... — сказал Ван Уоук и принял уменьшаться. Он стал размером я обезьяну, мышь, домашнюю мушку — и исчез. А вместе с ним исчез и Уоллф, Человек-птица и все остальные.

В коридоре я столкнулся с Трайтом и Эридани.

— Вы уволены, — сказал я им.

Они надели шляпы и тоже исчезли.

— Остаешься ты сам, — сказал я себе. — И что же нам с тобой делать?

Вопрос, казалось, эхом отзывался от серых стен коридора, словно это и не я задал его. Я попытался последовать за эхом к его источнику, но стены задернулись серым туманом, который окутал меня, словно серые драпировки. Внезапно я почувствовал усталость, я так устал, то не мог даже стоять.

Тогда я сел. Голова у меня была слишком тяжелой. Я подпер ее обеими руками, повернул ее вбок и...

Я СИДЕЛ за своим столом, вертя в руках любопытный спиральный артефакт.

- Ну, – сказал заместитель министра науки, – что-нибудь есть?
- На мгновение мне показалось, что вы стали каким-то нечетким, – натянуто сказал начальник Штаба, и чуть было не позволил улыбке смягчить его жесткое, багровое лицо.
- Как я и ожидал, – сказал мой научный консультант и изогнул вниз уголки губ, так что они стали похожими на черточку, проделанную в блюдце с салом.

Я встал, подошел к окну и взглянул на Пенсильвания-авеню, виши в цвету и памятник Вашингтону. Мне вдруг захотелось превратить его в огромный бетонный пончик, но ничего не произошло. День был жаркий, город выглядел особенно горячим, грязным и, как я почувствовал, полным проблем. Я повернулся и взглянул на людей, с надеждой взирающих на меня, важных людей, занимающихся мировыми проблемами и играющих в них свои важные роли.

- Позвольте мне сказать прямо, – сказал я. – Ваши сотрудники принесли мне это устройство, утверждая, что нашли его в обломках явно неземного космического корабля, разбившегося при посадке и сгоревшего в Миннесоте вчера вечером.

На их лицах было написано подтверждение.

- Вы нашли там тело маленького ящерицеподобного животного и этот предмет. И никаких следов пилота.

– Уверяю вас, сэр, – сказал седовласый директор ФБР, – он далеко не уйдет... вернее, оно далеко не уйдет. – И он мрачно улыбнулся.

- Прекращайте поиски, – сказал я и поставил спиральное устройство на стол. – А эту штуку закопайте поглубже в землю или утопите в море.

– Ну-но, господин президент...

Я взглядом заставил его замолчать и взглянул на начальника Штаба.

– Есть еще что-то, что вы хотите сказать мне, генерал Трайт?

Он пораженно выпрямился.

– Да... Ну... На самом деле, сэр... – Он откашлялся. – Это... конечно, это обман... но у меня есть отчет о радиопередаче из космоса... как меня заверяют, ни одна земная радиостанция не имеет к ней отношения... К-кажется, передача идет откуда-то из-за орбиты Марса, – и выдавил из себя жалкую улыбку.

– Продолжайте, – сказал я.

– Ну, пославший это радиосообщение заявляет, что он уроженец планеты Грейфилл. Он утверждает, что мы... э-э... прошли

предварительный осмотр. Он хочет приступить к обсуждению о возможности подписания мирного договора между Ластриан Конкордом и Землей.

— Скажите ему, что мы согласны, — сказал я. — Если только они не начнут хитрить.

Они хотели предоставить мне на рассмотрение еще и другие вопросы, все крайне важные, требующие моего пристального внимания. Но я пресек в корне их поползновения. Они выглядели ошеломленными, когда я встал и объявил, что правительственное заседание закончено.

А в нашей квартире меня ждала она.

БЫЛИ СУМЕРКИ. Мы шли вместе по парку. Потом сидели на лавке в прохладном вечернем воздухе и наблюдали, как в траве возятся голуби.

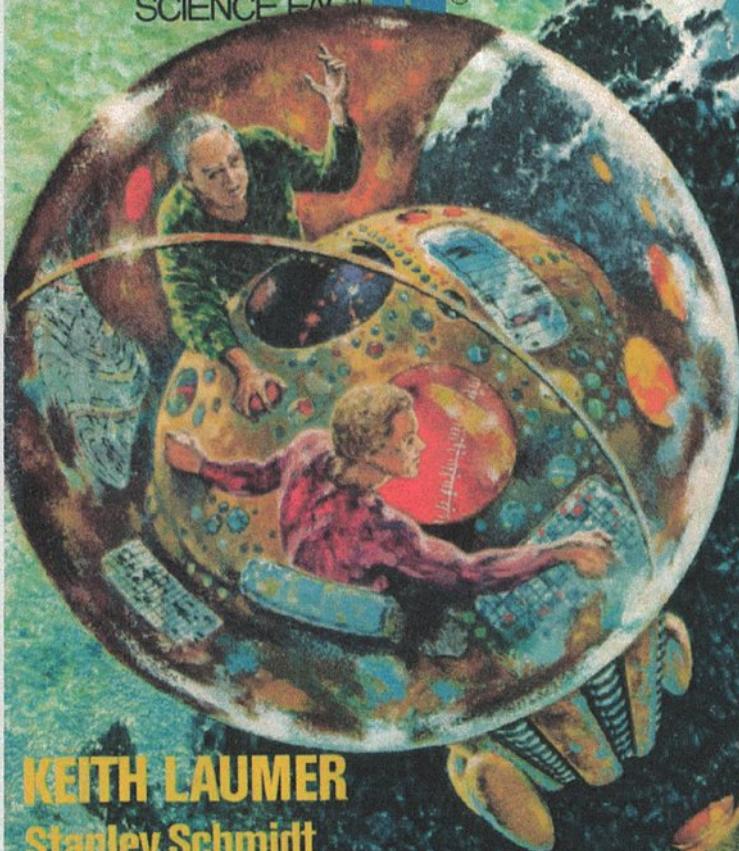
— Откуда нам знать, что все это на самом деле? — спросила она.

— Может, да, — сказал я. — А может, в жизни вообще нет ничего реального. Но это не имеет значения. Нельзя провести жизнь, пытаясь понять, если ли жизнь, которую, можно провести. Мы должны просто жить, жить так, словно жизнь — это единственная реальность в нашем сложнейшем из миров.

The dream machine, (Worlds of Tomorrow, 1970, winter), пер. Андрей Бурцев

SCIENCE FICTION
analog
SCIENCE FACT®

SEPTEMBER 1977 \$1.25



KEITH LAUMER
Stanley Schmidt
Dr. Robert Forward
David Drake

ЧУДЕСНЫЙ СЕКРЕТ

Человек медленно шел по темной улице. Это был молодой человек, одетый в консервативную темно-синюю двубортную спортивную куртку, серые брюки-клеш, ярко-синюю рубашку с широким галстуком. Но вот шел он словно восьмидесятилетний старик, с подгибающимися коленями и прижав руку к боку. Звали его Дамокл Монтгомери, и в него только что выстрелили почти в упор из 32-миллиметрового пистолета системы «беретта». Пуля пробила два ребра, осколки которых вонзились в печень, и остановилась буквально в сантиметре от позвоночника.

Добравшись до начала переулка, он полунощел-полуупал в темноту между старыми кирпичными стенами. Крышка мусорного бака загремела по грязным булыжникам. Он оперся о стену, чтобы не упасть, и стал двигаться вдоль нее вглубь переулка, где все сильнее воняло мусором. Добравшись до конца тупика, он развернулся, по-прежнему подпирая спиной стену. Потом осторожно пощупал горячую влагу на правом боку сразу под ребрами. В толстом фланелевом пиджаке была большая дыра, вмявшая шелковую рубашку и майку в рану.

В начале переулка послышались осторожные шаги. Вспыхнул луч фонарика. Пробежал по тротуару, по стене и груди Монтгомери и остановился на его лице. На мгновение замер, затем мигнул и погас.

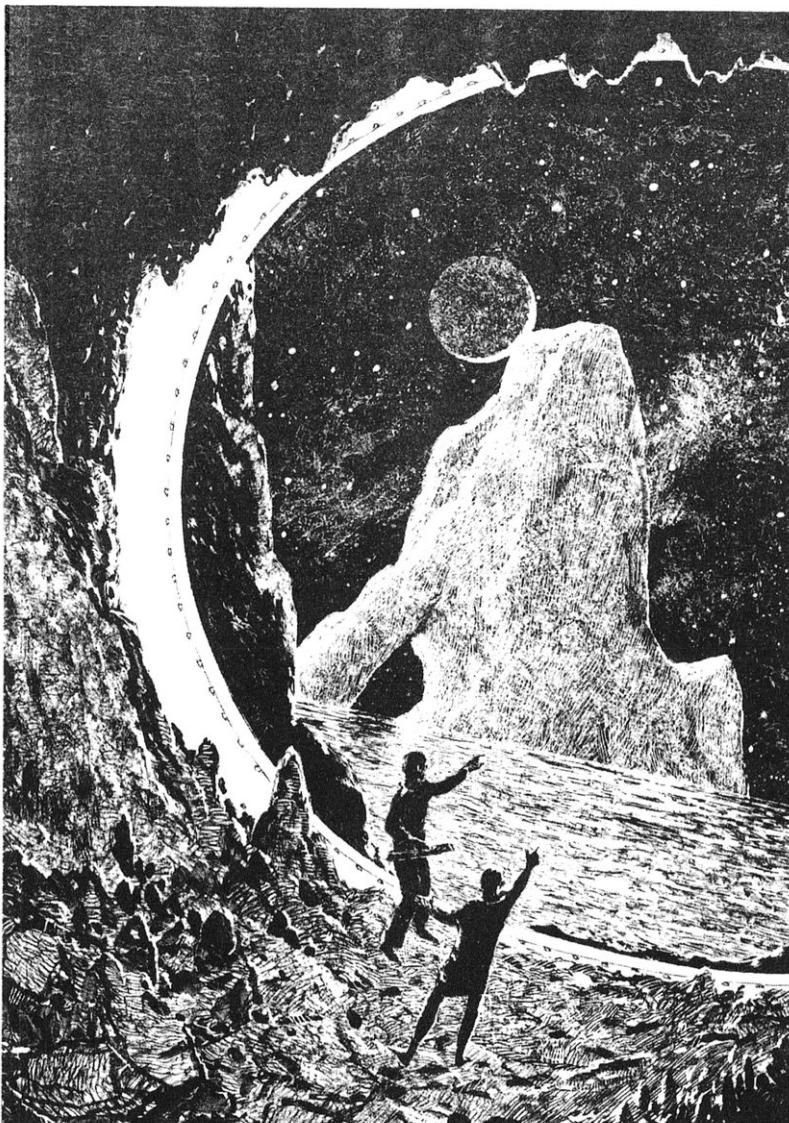
— Куда тебе выстрелить, а, дермо? — раздался негромкий, хриплый голос. — Между глаз подойдет?

— Уж лучше в живот, Чико, — натянутым, как тонкая проволока, голосом отозвался Монтгомери. — Хреновый из тебя стрелок.

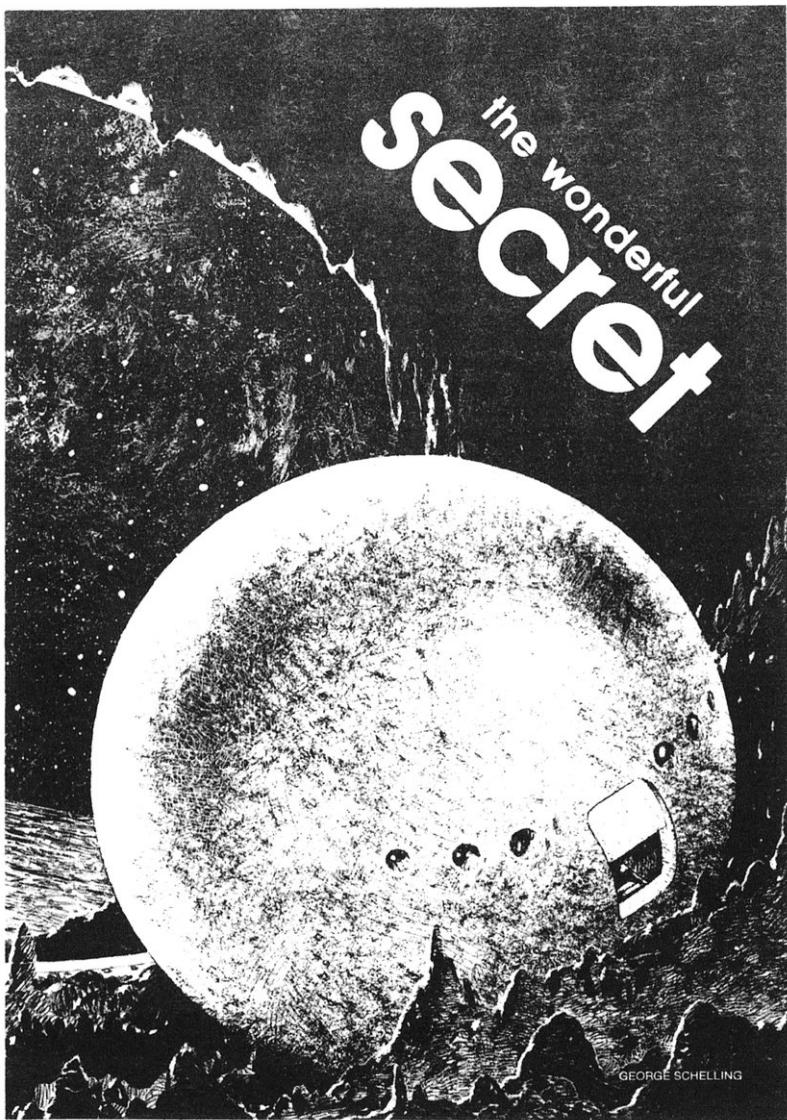
— Молись, крыса. Через пять секунд ты встретишься с Богом. Раз...

Монтгомери слушал, как тот ведет отсчет. Это тянулось и тянулось, но, наконец, послышалось «пять», и тут же из дула пистолета вырвался сноп пламени, озарив все теплым желтым светом. Сноп пламени стал вытягиваться, окруженный черным дымом, но внезапно замедлился и остановился. Убийца стоял, расставив ноги, чуть подавшись вперед и опустив левую руку с растопыренными пальцами, а в правой держа трясущийся пистолет. Зубы его были оскалены, а глаза сощурены и неподвижны...

Позади него в начале переулка возникло какое-то движение. И появился человек в сером котелке и щеголеватом утреннем пиджаке с эскотским галстуком и бутоньеркой. Человек, придиричivo глядя,



куда ступить, пробрался по переулку к тупику. Лицо его словно светилось внутренним светом – узкое, чопорное лицо пожилого человека с аккуратно ухоженной полоской усиков. В руке, обтянутой перчаткой из свиной кожи, покачивалась тонкая трость с серебряной рукояткой. Незнакомец с любопытством глянул на застывшего



стрелка, затем взгляд миновал его и остановился на раненом. Оценивающий такой взгляд, а губы были пренебрежительно поджаты.

Кажется, плохи твои дела, паренек, раздался в голове Монтгомери ясный, отчетливый голос.

Тот попытался что-то сказать, но не смог, попробовал шевельнуться — с тем же результатом.

Ну-ну, не надо так волноваться. С тобой не произошло ничего такого, что уже не происходило бы с бесчисленными миллиардами других организмов за такую короткую историю твоей планеты.

ПОМОГИТЕ, мысленно завопил Монтгомери. ВЫТАЩИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА!

Я это и собираюсь сделать, мой мальчик. Просто успокойся. Ну... было бы даже лучше, если бы ты просто лег и уснул.

Тяжелая завеса сонливости обернулась вокруг мыслей Монтгомери. Он смутно осознал, что старый джентльмен тут же подошел к нему, схватил под мышку и взмыл в воздух. Еще он мельком увидел промелькнувшие, покрытые гудроном крыши, вентиляторы, телевизоры, но все это тут же провалилось куда-то вниз. Тогда он отдался этому падению наоборот, падению в бескрайнюю высь.

Вот это, успел еще подумать Дамокл, то, что я называю жизнью. Это даже лучше, чем местечко первого класса на лайнере, направляющемся в веселый Париж. В окно будет светить луна, а через пару секунд появится бортпроводница и спросит...

— Как насчет сэндвича, парень? — раздался надтреснутый мужской голос.

Монтгомери тут же распахнул глаза. Он сидел в крошечной комнатушке в полуоткинутом кресле перед изогнутой поверхностью из черного стекла. Под стеклом были ряды ярких кнопок, и как раз в одну из таких кнопок нажимал палец тонкой руки с выступающими венами. Рука высывалась из-под ослепительно-белой французской манжеты, которая, в свою очередь, выглядывала из-под черного рукава, а если пробежать взглядом по этому рукаву, то можно было увидеть мягкую улыбку на сухом лице с редкими седыми волосами и тонкими усиками.

— Вы!.. — пискнул Монтгомери, и голос его тут же сорвался.
— Но...

— А ты что, надеялся увидеть Чико?
— Чико? — Дэмми вздрогнул и почувствовал острую боль в правом боку, понял руку и нашупал гладкую, толстую повязку. — Но я думал, что...

— Не волнуйся, Дамокл. Я перевязал рану и дал тебе обезболивающее, чтобы не наступило ухудшение. Пока я смогу доставить тебя в... Но пока что тебе стоит перекусить. Еда даст тебе чувство безопасности.

— Безопасности? — пролепетал Монтгомери и замолчал, пытаясь успокоиться. — Мне казалось, что вы мне привиделись. Я имею в виду, перед смертью.

— Гм-м... не совсем так. Ты почувствовал меня тем разделом своего мозга, который у людей не активен в обычном состоянии, но перед гибелью может иногда заработать.

— Так вы не архангел Гавриил или кто-то подобный?

— Я совершенно из другой службы. Так что ты предпочитаешь: пастрами, солонину или швейцарский сыр?

— Минутку, — взмолился Дэмми. — Подождите минутку. Кто вы? Где я? Как я попал сюда? И...

— Ты можешь называть меня Ксориэлль. И ты на борту моего циклера. Я перенес тебя сюда.

— Простите, а как будет сокращенно? Могу я называть вас Эл? — Дэмми крепко зажмурился и потряс головой. — Меня застрелили. Это точно. Мне и сейчас больно. — Он потрогал бок, чтобы убедиться в своих словах. — Потом я был в переулке... а Чико... — Он сделал паузу и слегкнулся. — Странно, никогда не думал, что я успею увидеть вспышку выстрела и полет пули, которая разнесет мне мозги. Но... — Он ощупал себе голову. — Как он мог промахнуться... На таком-то расстоянии...

— Он не промахнулся, — сказал Ксориэлль. — То есть, траектория пули пересекала точку пространства, занятую в то время твоим левым глазом, после чего вонзилась бы в стену.

Рука Дэмми невольно коснулась глаза. Глаз казался невредимым.

— Э-э... — протянул он. — Я никогда не верил в гипотезу жизни после смерти, Эл.

— Конечно, — продолжал Ксориэлль, — к тому времени, как пуля долетела до цели, тебя там уже не было.

— Я что... увернулся?

— Вовсе нет, мой дорогой коллега. Я убрал тебя с линии огня. Если бы не мое вмешательство, твое сознательное существование завершилось бы двенадцать минут назад.

— Да, но... как вы могли? Я хочу сказать, что видел, как вы пришли. И после того... Я летел по воздуху, а оружие...

— Я думаю, ты намекаешь на разные побочные явления стазис-поля. Это, знаете ли, было необходимо. У меня нет средств для восстановления мозга, так что ты нужен мне целым и невредимым.

— Стоп на этом, — перебил его Дэмми. — Если это ваш способ предложить мне работу, можете об этом забыть. Я работаю в одиночку. Если вы имеете некоторое отношение к... ну, скажем, к инциденту, произшедшему в переулке, ладно, спасибо вам. Я этого не просил, но ладно. Таким образом, я просто пойду сейчас своей дорогой и...

— И через шесть часов будешь мертв, — небрежно сказал Ксориэлль. — Твоя печень, знаешь ли, не может работать с девятью грам

мами свинца в медной оболочке. И рана, разумеется, совершенно неопераельна. Единственная твоя надежда — мой автомед.

— Так вы доктор? — слабым голосом спросил Дэмми.
— Могу тебя заверить, твой случай находится в моей компетентности.

— А откуда мне знать, что вы не лжете?
— Гм-м... Я убрал боль от раны. Вероятно, это дало тебе чувство ложного благополучия...

И тут же в животе Дэмми кто-то черкнул спичкой. Она загорелась и подожгла большой комок мягкой древесной стружки, сложенной кем-то кучкой. Дэмми открыл было рот, чтобы закричать, но огонь тут же мигнул и погас, словно его и не было.

— Вот так бы ты себя чувствовал, если бы я не принял меры. — Решительно сказал Ксориэлль. — Я могу продолжать?

— Я как раз хотел спросить вас, как вы это сделали, — выдохнул Дэмми. — Но это не важно. Я все равно бы не понял ответа. Давайте поедем в больницу.

— Расчетное время прибытия — сорок пять минут, — живо ответил пожилой.

— И как вы доберетесь туда? — спросил Дэмми, ощупывая ремень, привязывающий его к креслу.

— Я предложил бы не расстегивать ремень безопасности, — небрежно заметил Ксориэлль. — Мы сейчас летим на высоте двухсот километров со скоростью раз в семь превышающей скорость звука.

Монтгомери тут же судорожно схватился за ремень.
— Я вам не верю, — хрюплю проговорил он и откашлялся. — Мы стоим на месте. Я боюсь самолетов и почувствовал бы, если бы летел. Но нет ощущения движения, нет гула двигателей...

— На такой высоте уже нет атмосферы, поэтому нет ни турбулентности, ни порывов ветра. И так как двигатель циклера бесшумен, то, вполне естественно, ты ничего не слышишь.

— Где мой п-парашют? — выдавил из себя Дэмми, с ужасом чувствуя, как голос его срывается в фальцет.

— Мальчик мой, если бы ты каким-то чудом преодолел систему безопасности и умудрился бы покинуть циклер, то был бы тут же изрублен на кусочки и поджарен до состояния хрустящего картофеля, прежде чем пролетел бы полдороги до поверхности Земли. Боюсь, тут не помог бы никакой парашют.

— Вот теперь я чувствую себя куда лучше, — процедил Дэмми.
— Если бы не пара вещичек, таких, как пистолет Чико и то, что вы сделали минуту назад с моими внутренностями, я бы не позволил себя обманывать.

— Да я вовсе и не обманываю, мой мальчик. Просто примите факт, что твоя жизнь была случайно продлена, и веди себя соответственно.

— Куда мы летим? К настоящему времени мы должны быть уже где-то у Северного полюса.

— Мы будем там через тридцать две минуты и четыре секунды, если быть точным, — ответил Ксориэлль. — Скоро ты увидишь его. А пока что... как насчет баварской ветчины и стакана холодного «пильзнера»?

Из арктического моря торчала скала — стометровый валун посреди холодного, черного, точно чернила, океана, коронованный отблесками света, включившегося в ответ на нажатие кнопки Ксориэллем, который повел свой циклер вниз.

— Хорошенькое место для уединения, не так ли? — задал риторический вопрос Монтгомери, уловив медленное движение на вершине скалы.

— Моя работа требует полной изоляции, — небрежно пояснил Ксориэлль. — Гораздо проще найти место, где тебя никто не побеспокоит, чем нанимать охрану и страдать от нарушителей, которые постоянно будут лезть на частную территорию. Так что чем дальше от людей, тем проще.

Дэмми вопросительно взглянул на Ксориэлля.

— Удаленное тут местечко, верно?

— Это вполне гуманное решение, — я использую это слово в его исконном смысле. — Ксориэлль одарил Монтгомери дружелюбной улыбкой. — Не в обиду будет сказано вашей молодой расе.

— И при чем здесь моя раса? Я такой же голубоглазый и рыжеволосый, как и многие парни по соседству.

— Все, мальчик мой, все. Я все объясню тебе, но только после того, как займусь твоей раной.

Летающий аппарат плавно скользнул вниз, прямо к открывшейся широкой, как радуга, диафрагме, и влетел внутрь. Вокруг возникли стены, и циклер с легким толчком остановился. Ксориэлль нажал кнопку, и со щелчком открылся люк. Дэмми, привязанный к креслу на ледяном ветру, почувствовал только нежное прикосновение тропической ночи, полной ароматов пирожных с миндалевым кремом, магнолий и тихую мелодию гавайских гитар. Ремень безопасности отстегнулся, и он шагнул с кресла, ощущая слабое неудобство в раненом боку, и молча посмотрел вокруг на клумбы, террасы, бассейн и пальмы. А над головой раскинулось нечто казавшееся обычным ночным небом Тайти.

— Ну, и как тебе тут? — с ноткой беспокойства спросил Ксориэлль.

— Если вы имеете в виду, нравится ли мне то, что я вижу вокруг, то да, все в порядке.

— Прекрасно. Но теперь нам лучше поспешить в лабораторию, а то обезболивающее, видишь ли, не будет действовать вечно.

Дэмми хотел было что-то спросить, но в этот момент на него накатила волна жуткой боли, и он испытал приблизительно то же, что и вампир, которого проткнули осиновым колом. Он подавил стон и поковылял за стариком через дворик к широкому арочному проходу, дальше по проходу, крытому зеленой черепицей к двери из орехового дерева, за которой оказалось помещение, сияющее белой эмалью и хромированным металлом.

— Как тебе кажется, такое оформление успокаивает? — с ноткой гордости в голосе спросил Ксориэлль. — Заверяю тебя, я шел на любые расходы, чтобы воспроизвести настоящую установку со всеми сенсорными стимулами.

— По крайней мере, здесь не воняет, как в больнице, — заметил Дэмми.

— Да? Ну, тогда так.

Ксориэлль повернулся и нажал кнопку. Тут же в воздухе разнесся резкий запах эфира, карболовой кислоты и тухлых яиц.

— Так лучше, мой мальчик? В такой обстановке, плюс непогрешимость экспертов-хирургов, твои примитивные страхи должны исчезнуть. А теперь... — Старик нажал еще одну кнопку, и из стены выдвинулась плита, напоминающая стол в морге, а так же столик с набором блестящих инструментов, и вспыхнул яркий рефлектор.

— Вот это и есть автомед, шедевр изобретательности, приспособленный к огромному разнообразию форм жизни, включая и твою собственную, причем, — заметь! — он полностью автоматический. Ему не требуется ни управление, ни распоряжения. Ложись сюда, и скоро ты станешь у нас свеженький, как только что сорванный с грядки огурчик.

— А где медсестра? — спросил Дэмми, отпрянув назад.

— А, да, присутствие половозрелой женщины твоего вида было бы полезно для вдохновления мужского стоицизма.

— Проехали! — пробормотал Дэмми, чувствуя слабость и головокружение.

Теплое онемение в боку постепенно проходило, а взамен ему нарастала боль.

Из заклубившегося вокруг тумана высунулась чья-то рука и схватила руку Монтгомери. Он покорно прошел вперед и уже не увидел, а просто почувствовал, как его кладут на спину на что-то металлическое, но не холодное, а как раз подходящее для тела...

Затем темнота, такая же мягкая, как сажа или паутина, опустилась на него, мешая все мысли...

На этот раз пробуждение было более неторопливым. Какое-то время он полежал, наслаждаясь ощущением чистых простынь и мягкого матраса, чувствуя аромат жареного бекона и свежесваренного кофе, а также испытывая общее блаженство. Затем он стал вспоминать все, что произошло с ним.

Ну... Вероятно, я лежу на спине в том переулке с пулей в голове, и мне просто чудится этот странный старик со своим волшебным самолетом и гвоздикой в петлице. Лучше, что я могу делать, так это продолжать лежать, не гнать волну и продолжать наслаждаться галлюцинациями, пока они не угаснут...

– Ну, как я вижу, ты уже не спишь, – раздался совсем рядом радостный голос старика.

Дэмми открыл глаза. Ксориэлль стоял у кровати в небрежно накинутом желтом махровом халате и плавках, а на его тощем запястье болтались большие наручные часы.

– Эй! – слабым голосом окликнул его Дэмми. – Так вы настоящий...

– По-моему, мы это уже проходили, – серьезно ответил старик. – И вы все прекрасно поняли. Но я думаю, что надо время от времени заверять вас в этом, чтобы периодически избавлять от приступов недоверчивости.

– Как... как идут дела?

– Разумеется, как запланировано. А почему ты спрашиваешь? Ты ведь чувствуешь себя хорошо?

– Не слишком плохо, – слабым голосом ответил Дэмми.

– Я думаю, день лучше всего начинать с плавания, – оживленно сказал Ксориэлль. – Это не только освежает, но и даст мне возможность оценить твою физическую форму.

– Да вы шутите? – прерывающимся голосом воскликнул Дэмми.

– Мне нужно, по меньшей мере, две недели лежать на спине, слушать по радио музыку, любоваться искусственными цветами на столике, наслаждаться едой в постели, и чтобы раз в час мне кто-нибудь взбивал подушку.

– Да, я уверен, что ты считаешь все эти ритуалы успокаивающими, но, к сожалению, у нас нет на это времени. Я уверен, что ты достаточно разумен, чтобы обойтись без некоторых ваших традиционных церемониалов...

– Церемониалов, дядюшка? В меня стреляли, потом прооперировали и заштопали, и вся королевская конница не стащит меня с этой кровати, по крайней мере, дней десять!

— Н-да, старые понятия *действительно* умирают с трудом. Подними ночную рубашку, Дамокл, и осмотри свою рану.

— Избавьте меня от этого. Я не мог смотреть, даже когда мне делали прививку от оспы.

— Смелее, мой мальчик. Приложи же минимальные усилия, чтобы справиться с чисто инстинктивными элементами твоего поведения. Окажи мне любезность, сделай, что я прошу.

— Иначе вы от меня не отстанете, — пробурчал Дэмми, но все же повиновался, задрал рубашку и обнажил совершенно нетронутый бок. — Гм-м... Наверное, это был другой бок, — сказал он и приподнял рубашку слева.

— Ну, как? — с бесконечным терпением спросил Ксориэлль. — Надеюсь, теперь ты удовлетворен?

Монтгомери с сожалением потер подбородок.

— Это самый реалистический глюк, какой у меня когда-либо был, — сказал он. — Могу поклясться, что я получил пулю под ребра, дотащился до машины и поехал домой, но потом мне стало совсем плохо, я вылез, прошел два квартала и угодил в ловушку в тупиковом переулке. И... ну, после всего этого глупо задавать вопросы. — Он криво усмехнулся. — Выходит, я просто перетрудился. Смешно... — Но усмешка его тут же исчезла, а взгляд сделался хмурым. — Или я сошел с ума, или все это происходит на самом деле. Если я спятил, то я последним узнаю об этом. Значит, я могу вести себя так, словно все это происходит в действительности.

— Ну, Дамокл, твоя отговорка, что я просто плод твоей фантазии, становится неубедительной. Прими же происходящее, не уклоняйся от решения проблемы, а решай ее.

— Ну, да. Если я все это вообразил, то почему именно вас? И как я очутился здесь? И вообще, где моя одежда?

— Подбери себе что-нибудь по вкусу, — Ксориэлль отодвинул дверцы встроенного шкафа и показал много рубашек, халатов и разнообразных плавок.

— Я имею в виду свою настоящую одежду. Не могу же я уйти отсюда в розовом кимоно.

— Я так и думал, что ты эмоционально привязан к своему шмотью. Одежда твоя выстирана, высушена, починена и находится в нашем постоянном жилище.

Дэмми откинул легкое одеяло, прошлепал к занавешенному окну, раздвинул шторы и выглянул наружу. Иссиня-черный океан, испещренный белыми пятнами, простирався до самого далекого горизонта. И, кроме него, ничего больше не наблюдалось.

- Так я действительно здесь — на Северном полюсе... И вы в самом деле заштопали во мне дырку так, что не осталось даже шрама?
- Вот это более-менее правильно, Дамокл.
- Сколько же времени я здесь пробыл? Держу пари, что лежал под наркотиками пару месяцев, а вы сделали мне пластическую хирургию или...
- Примерно семь часов двадцать пять минут. Начиная с восстановления твоей печени.
- Никто не может вылечить так быстро, — без всякой уверенности сказал Дэмми.
- Но ты излечен, — возразил Ксориэлль. — И пока ты лежал в коме, я провел полную чистку твоего организма. Сейчас ты более здоров, чем когда-либо в своей жизни. Пойдем, я покажу тебе, где тут что. Думаю, тебе будет интересно.

Ксориэлль шел впереди по широкому, покрытому серым ковром коридору, закончившемуся в просторном зале с дубовыми панелями и великолепным видом на арктическое море. Настенные полки были заполнены книгами, стояли низкие столики и большие мягкие кресла, кроме того, по стенам висели картины. Еще одни двойные двери открывались в обеденный зал с длинным столом из красного дерева и буфетом, хрустальной люстрой, красивыми резными спинками стульев и серебряными канделябрами. Дальше была кухня: настоящая симфония блестящей нержавеющей стали и светло-желтых шкафов, украшенных цветами в горшках.

- Класс, — сказал Дэмми. — А где прислуга?
- Слуг у меня нет, но они и не нужны. Все необходимые работы выполняются автоматически.
- Вы живете здесь один?
- Рад сообщить, что передо мной не стоят такие проблемы, как одиночество или скука. — Хозяин показал Монтгомери кладовую, полки которой ломились знакомыми консервными банками, а морозильники были полны мяса и фруктов. — Все это, конечно, не важно. Продовольствие можно было бы более эффективно хранить не выставленным напоказ — а еще логичнее, синтезировать его по мере надобности. Но для меня забавнее жить в местном стиле, и, конечно же, я ожидал гостя.

- Вот как, гостя? Странно, но я не получил приглашение.
- Дэмми, будь так любезен, не драматизируй ситуацию, воображая какой-то зловещий подтекст. Я проявил к тебе только доброту, я вылечил тебя, что ты не можешь отрицать. Так что расслабься, и давай будем друзьями.

— Ладно, док. Согласен. — И Ксориэлль пожал протянутую Монтгомери руку.

Они спустились по солидной винтовой лестнице на этаж ниже, где располагались офисы и маленькие классные комнаты, уставленные какой-то странной аппаратурой.

— Средства обучения, — коротко пояснил Ксориэлль. — Вскоре ты увидишь, как они действуют.

На следующем этаже располагались комнаты со звуконепроницаемыми стенами, где стояли вместительные кресла и находились стеллажи с кассетами, катушками фильмов и совсем уже непонятными предметами.

— Библиотека и банк данных, стол же полный, как внешний Центральный Архив, — с нотками гордости сказал Ксориэлль. — Обновляется постоянно как из мастных источников, так и из... э-э... иных.

— Библиотека без книг, — буркнул Дэмми. — Это выключатель. А это что? — Он указал на небольшой аппарат под колпаком, занимающий одну из ниш.

Рядом с ним находились вертикальные каналы, в которых глянцево блестели двухсантиметровые кубики, уложенные стопками, как в торговых автоматах.

— Неинтересные тебе технические данные на чуждом языке, — сказал Ксориэлль. — Не обижайся, мой мальчик, — тут же добавил он, — но ты ни в коем случае не должен ничего трогать в этой секции. Подчеркиваю: ничего, Дэмми! Не трогать! Если хочешь что-нибудь почитать, мальчик мой, то это здесь, — добавил он более мягко и провел Монтгомери к нише с рядами кнопок над пластиной из матового стекла. — Здесь все знакомые тебе литературные сокровища от «Ветра в ивах» до «Протоколов Конгресса» на сегодняшний день. Просто выбери из каталога... — Он нажал кнопку, и на экране появился список заглавий, который пополз вниз все быстрее по мере того, как Ксориэлль крутил ручку управления. — ...и книга будет либо показана здесь, либо распечатана для тебя.

Он нажал несколько кнопок, что-то тихонько затрещало, и из слота выскоцил красиво оформленный экземпляр «Вечного янтаря». Дэмми фыркнул.

Маленький лифт спустил их еще на этаж. Здесь вообще не было окон. Узкие коридоры между глухими стенами упирались в массивные двери.

— Здесь служебные помещения, — пояснил Ксориэлль. — Различная аппаратура, запечатанная и работающая автоматически, включающая и самовосстановление, не требующая никакого присмотра.

- А где ваша электростанция?
- Ксориэлль бросил на Дэмми задумчивый взгляд.
- Еще ниже, – сказал он. – Маленький синтезатор, использующий морскую воду.
- Давайте посмотрим и ее.
- Прости, но туда нельзя. Излучение, знаешь ли. Ну, вот и все, мой мальчик. Поднимаемся?
- Да тут настоящая крепость, док. Должно быть, стоило немалых денег выдолбить эту скалу и набить ее всякой аппаратурой.
- Проект был не без расходов, – кивнул Ксориэлль.
- Но для чего все это?
- Позже, мальчик мой, позже...

Когда они вернулись в зал, Ксориэлль быстренько набрал номера напитков, и стаканы тут же выскользнули из приемника. Ветер за стеной усилился, это было прекрасно видно через стеклянные стены, что давало чувство холода, несмотря на уютную температуру роскошного помещения.

– А что происходит, когда разыгрывается снежная буря? – спросил Дэмми. – Этот зал торчит, как вишенка на мороженом. Я слышал, что арктические ветры достигают порой ста восьмидесяти метров в секунду.

– Не бойся, мой мальчик. Эта постройка противостояла погоде больше трехсот лет, и я уверен, что прослужит еще столько, сколько будет необходимо.

– С кондиционерами и всем прочим? – покосился Дэмми на своего хозяина. – Довольно необычно для семнадцатого века.

– Не забивай себе голову, мальчик мой, – бесцеремонно отозвался Ксориэлль. – Тебе все станет понятно в свое время.

Дэмми взял свой стакан.

- Это место ведь не просто убежище на выходные, верно?
 - Совершенно верно.
 - Странный вы человек, док. Вы ведь не говорите больше, чем хотите сказать, верно?
 - А ты?
 - Тоже нет. – Монтгомери покачал головой и нахмурился. – Зачем вы привезли меня сюда?
 - Прежде всего, разумеется, чтобы спасти тебе жизнь...
 - Откуда вы узнали мое имя?
 - Изучил тебя.
 - А зачем меня изучать?
- Ксориэлль умоляющее всплеснул руками.

— Ничего личного, мальчик мой. Мне требовался человек средних лет, исчезновение которого из привычного окружения привлекло бы минимум интереса. Проверив множество других вариантов, я выбрал тебя.

— Для чего?
— Для тестирования.
— Так вы работаете на правительство? — еще сильнее нахмурился Монтгомери.

— Не совсем так.
— А что за тестирование?
— О, стандартная многоуровневая оценка... В твоем случае, с акцентом на потенциал, разумеется, исходя из того, что вы только начинаете новый эволюционный квантовый переход.

— И почему это на каждый вопрос, который я задаю, я получаю не ответ, а пишу для других вопросов?

— Могу я дать небольшой совет, парень? Не ломай себе пока что над этим голову. Пока мы будем заниматься твоим развитием...

— Что это еще за развитие?
— Но ведь просто не было бы никакого смысла пытаться оценивать тебя в твоем нынешнем физическом и психическом состоянии. У нас уже есть ваша неудачная культура как доказательство неуместности вашего вида на данном этапе для решения большей части элементарных социальных проблем. Интерес представляет величина влияния, какое вы можете оказать на Галактическое Согласие в высшей точке вашего созревания.

— Послушайте, док, вы можете сделать мне одолжение? Говорите на простом языке.

Ксориэлль раздраженно взмахнул рукой.
— Я не всегда могу предвидеть, что именно тебе трудно понять. Естественно, Согласие контролирует все развитие в Тессасфере. Когда в психослое появляются новые расы, необходимо оценить их потенциал, чтобы определить, какую — если это вообще возможно, — роль им можно выделить в делах Галактики, и в каком направлении должно проходить их развитие для оптимального совпадения с целями Согласия.

— Вот это я и имел в виду, — сказал Монтгомери. — Вроде бы вы говорите по-английски, но мне все равно ничего не понятно.

— Естественно, — продолжал, не обращая внимания на его remarку Ксориэлль, — выбирается средний экземпляр, изучаются его врожденные возможности, и уже с помощью этих данных можно начинать рассчитывать экстраполяции.

— Вот это слово «экземпляр» звучит, мне кажется, как-то слишком уж по-научному, словно вы прикололи булавкой очередную бабочку в вашей коллекции.

— Ваш язык, — кисло сказал Ксориэлль, — слишком уж загроможден подтекстами и скрытым смыслом. В данном случае, мальчик мой, экземпляром являешься ты. — Он поднял руку, предупреждая возражения Дэмми. — И определив степень твоих скрытых возможностей, я получу срез всего вашего вида, а также его потенциальную судьбу среди...

— Что значит «моего вида»? — подозрительно сказал Дэмми. — Это какое-то оскорбление?

— Твой вид, дорогой мой, твоя раса, племя, род, разновидность, называй, как хочешь.

— Вы имеете в виду, американцы?

— Американцы, русские, зулусы, индийцы — все это мелкие подвиды *Homo sapiens*, Человека Разумного, как вы наивно себя называете.

— Вы говорите это так, — внимательно глядя на Ксориэлля, сказал Дэмми, — словно сами не входите в их число.

— Наверное, я должен был объяснить это гораздо раньше, — со вздохом сказал старый джентльмен. — Разумеется, ты абсолютно прав, Дамокл. Я не человек.

Дэмми невольно отступил от хозяина здешней крепости.

— Ладно, значит, вы марсианин, — сказал он. — Только не волнуйтесь. Просто сохраняйте спокойствие.

— Уверяю тебя, я совершенно спокоен, — резко сказал Ксориэлль.

— И я ни в коем случае не марсианин. Светило моего мира находится примерно в сотне парсеков от вашей мелкой Солнечной системы.

— Конечно, конечно, все, что скажете, — пробормотал Дэмми, взглядом измеряя расстояние между ними и незаметно переместив вес на...

— Не надо этого, — устало сказал Ксориэлль. — После такого хорошего начала не надо опускать наши отношения до уровня «лев — укротитель».

Дэмми набрал в грудь воздуха и бросился...

Правильнее сказать, он инициировал команду нервам освободить сжатую пружину своего тела. Но вместо этого только застыл на месте. Ни одна мышца не дрогнула, чтобы отразить внутреннюю его сумятицу. Затем он медленно упал на пол.

— Прости, — сказал Ксориэлль. — Возможно, я сжал тебя немного сильно.

— Да причем здесь вы, — слабым голосом отозвался Дэмми, стремясь овладеть своими руками и коленями, которые внезапно заколо иголочками. — Должно быть, я еще не так здоров, как думал...

Он с трудом поднялся и рухнул в ближайшее кресло, все еще испытывая в голове отвратительное ощущение чужого *прикосновения*, невероятное вторжение в его личное, внутреннее «я» чем-то, что показалось ему усиком насекомого. И теперь, сидя в кресле и хмуро взирая на своего хозяина, он чувствовал, как это чуждое прикосновение отпускает свою хватку и уходит, направив мысли Дэмми в новое русло, связанное с любопытством. И он подумал о том...

— Послушай, Дамокл, — доброжелательно сказал Ксориэлль, — для успеха моей работы необходимо, чтобы ты принял нынешнюю ситуацию как факт. Я не могу чрезмерно влиять на твои мыслительные процессы, не вторгаясь в те области, какие и собираюсь исследовать. Я вынужден полагаться на твой собственный зачаточный рост интеллекта, чтобы ты понял, что умнее всего будет сотрудничать.

— Послушайте, вы, — устало отозвался Дэмми. — Возможно, я многого не знаю, но мне известно, что марсиане — это маленькие зеленые человечки, а не старые джентльмены с изящными усиками. Если бы вы были каким-нибудь космическим монстром, то у вас были бы фасеточные глаза, щупальца и все такое. Вы не походили бы на богатого дядюшку из телесериала.

— А почему же? — спросил Ксориэлл, поднимая брови.

Дэмми пристально поглядел на него.

— Если бы вы прилетели из космоса, папаша, то вашим ближайшим родственником была бы устрица, а не человек.

— Не обязательно. Моллюскоиды занимают совершенно иную экологическую нишу...

— Или, к примеру, походили бы на готтентота, — продолжал Дэмми. — Почему вы не похожи на бушмена, эскимоса или бородатого араба?

— И тебя бы это больше успокоило?

— Да ничего бы меня не успокоило!

Ксориэлл вздохнул.

— Самое большое значение имеет установленное между нами взаимопонимание на основе допустимых межличностных отношений. Естественно, я принял облик, рассчитанный на то, чтобы как можно меньше возбуждать твою враждебность. Появляясь в виде пожилого, солидного члена твоего сообщества, я стремился устранить любые возможные антипатии из-за цвета кожи, текстуры во-

лос и всего остального, причем не пробуждая в тебе стремление к конкуренции на основе преобладания перед женскими особями...

— Вы говорите так, словно у вас был выбор, — перебил его Монтгомери. — Большинство людей, которых я знаю, вынуждены ходить в том облике, который дала им Мать-природа.

Ксориэлль уже несколько раздраженно покачал головой.

— Ты проявляешь неожиданную находчивость в неприятии фактов, — сказал он. — Я планировал подготавливать тебя постепенно, но, кажется, придется рискнуть преждевременно подвергнуть твою нервную систему шоку.

— Что еще за шок для моей нервной системы? — нервно спросил Дэмми. — Успокойтесь же, док, у меня внутри и так все дрожит, как гитарные струны, после вашей предыдущей демонстрации.

— Шок, который ты испытываешь при виде меня.

— Но я и так вижу вас, — возразил Дэмми.

— Дамокл... сейчас я в костюме, — тихонько сказал Ксориэлль.

— Выходит... то, что я вижу... ваши усики...

— Они не настоящие.

— Ну, а нос, цвет глаз...

Он замолчал, поскольку Ксориэлль вздохнул и нажал какую-то точку позади своего уха. И появилась трещина, делившая его лицо пополам от лба до подбородка, пробежавшая по шее и исчезнувшая под пляжным халатом. Трещина раздвинулась, и лицо Ксориэлля раскрылось, как две половинки раковины моллюска, показывая внутри нечто серое, чешуйчатое, матово блестевшее...

— Я ответил на твой вопрос? — раздался из зияющей трещины голос.

Дэмми с силой зажмурился.

— Закройте, закройте, закройте его... — пробормотал он.

— Отлично. Можешь теперь открыть глаза, — таким же доброжелательным голосом сказал Ксориэлль.

Монтгомери осторожно приоткрыл один глаз. Старый джентльмен дружелюбно улыбался ему, снова выглядя совершенно нормальным.

— Между прочим, папаша, как там у вас... ну, вы знаете... на звездах?..

— Я полагаю, ты хочешь узнать про условия на иных планетах?

— Ну, да, это я и имел в виду. На марсе или где там еще?

— Дамокл, — строго сказал инопланетянин, — я должен тебя предупредить, чтобы ты не старался получить данные о Согласии. Чем меньше ты знаешь об этом, тем лучше для тебя.

— Вот как, док? Выходит, я не должен вторгаться в ваши сферы?



— А есть какие-нибудь... э-э... другие вопросы? — тихонько спросил Ксориэлль.

— Ну... э-э... не сейчас, — передразнил его Дэмми.

— Великолепно! Я чувствую, что, в конце концов, оценка окажется весьма интересной, — удовлетворенно сказал Ксориэлль. — А теперь мы расстанемся, а завтра начнем тестирование.

— Покажите, где моя спальня, — сказал Дэмми, — и больше мне ничего не нужно.

Ксориэлль сопроводил его в красиво-обставлennую комнату с бежевым ковром, светло-золотистыми стенами, солидной дубовой кроватью, парой стульев и шторами, закрывавшими широкие (фальшивые?) окна.

— Спи спокойно, мой мальчик, — тихо сказал Ксориэлль, кивнул и ушел, пожелав доброй ночи.

Минут пять Дэмми полежал в темноте, затем тихонько встал и попробовал дверь. Дверь была заперта. Тогда он задумчиво нахмурился и вернулся в кровать.

Ну, подумал Дамокл, даже уж и не знаю. Место шикарное, а старик — кем бы он там ни был — все-таки вылечил меня, как и сказал. Правда, при этом пошарился пальцами у меня в голове, и откуда мне знать, что он там мог внушить. Но я думаю, что могу оставить мысли об этом на утро.

Внезапно он снова поднялся и подошел к стенному шкафу

Одежда — его настоящая одежда, а не то, чем снабдил его Ксориэлль, — висела там, вычищенная и выглаженная. В углу шкафа висела еще и чья-то чужая одежда, и Дэмми осмотрел ее: куртка до колен из грубой синей материи, с медными пуговицами и широкими лацканами. Задняя часть воротника могла подниматься и опускаться.

Похоже, предыдущий парень, живший здесь, одевался как Джордж Вашингтон, подумал Дэмми. Но Ксориэлль сказал, что я единственныйстал в этой комнате. Странно, зачем старик солгал, когда на это не было никаких причин?..

Дэмми вытащил из потайного кармана спортивной куртки, бывшей на нем в ту ночь, когда его застрелили — или не застрелили — плоский кожаный футляр с инструментами. Он быстро проверил, все ли там на месте. Либо Ксориэлль не заметил его, либо не придал ему значения. Вероятно, старик все же совершает время от времени ошибки...

Была почти полночь восемь дней спустя. Дэмми опустился в большое, солидное кресло, обитое мягкой кожей цвета охры, и стал смотреть через широкое, во всю стену зала, окно на солнце, висевшее низко над горизонтом, окрашивая небо и море темно-красными и фиолетовыми отблесками.

— Ну что ж, напряженная была неделька, — оживленно сказал Ксориэлль со своей высокой оттоманки перед мозаичным камином, в котором радостно потрескивало пламя. — Не безрезультатная —

хотя, кажется, присутствует странно мощный фактор бесполезности, который нужно скомпенсировать в моих расчетах.

— Этот спортзал, — простонал Дэмми. — А еще огни и гудящая машина. Уж даже и не знаю, что у меня болит сильнее — голова или спина.

— Хуже всего то, — отозвался Ксориэлль, — что точность дикции жизненно важна для правильного общения. Что же касается твоих воображаемых болей — забудь о них. Они созданы просто самовнушением...

— Вы с вашими машинами пыток — вот чем они созданы, вместе с волдырями и кругами в глазах. Слишком уж круто вы обходитесь со мной. Вы забываете, что я всего лишь неделю назад вылез из больничной койки.

— Не волнуйся ты так, Дамокл, — довольноным тоном сказал Ксориэлль. — Мы в достаточной мере проверили твои физические и мыслительные способности, чтобы дать мне объем данных, требующийся в настоящий момент. — И тут он задумчиво нахмурился.

— Откровенно говоря, я даже удивлен. Кажется, ваша нервная система представляет собой прекрасный инструмент, правда, в основном не использованный. А ваше физическое состояние не так уж плохо для экземпляра, чье развитие было произвольным и ненаправленным. Правда, если подумать, то это не так уж удивительно. Идеал психики, в конце концов, адаптируется к своей среде, так что его, можно сказать, среда и формирует, и направляет. Твой несколько неправильный образ жизни привел к разнообразию твоих действий, чтобы исправлять преждевременное ухудшение здоровья в результате, например, сидячего или чрезмерно специализированного образа жизни.

— Я могу сказать вам, что остаюсь в форме, если пару раз в неделю...

— Пожалуйста, мальчик мой, — устало перебил его Ксориэлль, — не надо сейчас бить себя в грудь. У меня есть точная информация, так что анекдотические пояснения совершенно излишни.

— Ну, хоть что-то, — вздохнул Монтгомери и лицо его прояснилось. — В таком случае, я надеюсь, утром вы отправите меня обратно в город. Мне ни за что не поверят, когда я расскажу обо всем этом, — почти бодро добавил он, обведя взмахом руки комнату. — Роскошный пентхаус за тысячи километров у черта на куличках. У вас, наверное, одно только оборудование в лаборатории и спортзале стоит несколько миллионов, не говоря уж о кухне, этой чудесной мебели и электростанции...

— Э-э... Послушай, Дэмми, — протянул было Ксориэлль, но Монтгомери продолжал болтать:

— И я хочу взглянуть в морду Чико, когда он увидит меня. Но с другой стороны, — продолжал он более здравомысляще, — я мог бы поступить умнее, просто исчезнуть, как советовала Дженнин, переехать жить в другой город...

— Дамокл, — все же сумел перебить его Ксориэлль, — боюсь, ты пришел к неверным заключениям. Я не верну тебя завтра утром...

— Значит, сегодня вечером, да? Ну и прекрасно. Я все равно не смог бы уснуть, и лишь маялся в спальне в нетерпеливом ожидании. Я помашу вам ручкой, док, и скажу: чао, несмотря на ваш чудесный матрас, да и еда тоже была в порядке...

— Я очень рад, что тебе хоть что-то понравилось, — заявил старый джентльмен, — потому что тебе придется понаслаждаться ими еще какое-то время.

Дэмми замолчал и снова нахмурился.

— Эй, послушайте, — сказал он, — всю неделю вы заставляли меня бегать кроссы, лазить по канатам, нырять под воду на длительность, а сами при этом чертили какие-то закорючки на графиках и показывали мне карточки, чтобы я выбирал, какие предметы подходят друг к другу, а какие — нет. Я все это безропотно выполнял. Но теперь я измотан! Я не выдержу еще один такой день, даже если вы вставите мне паяльную лампу в двенадцатиперстную кишку!

— И откуда ты только узнал такие слова?

— Прочитал в ваших книгах, знаете ли, — огрызнулся Дэмми.

— Ну... ты продолжаешь меня удивлять.

Дэмми вскочил на ноги.

— У нас свободная страна. Вы не имеете права держать в заключении человека...

— Странно, а у меня сложилось впечатление, что ты презираешь систему ваших племенных запретов. Но это неважно. Уверяю тебя, что я совершенно не связан местными обычаями. Мой долг требует, чтобы я действовал на благо Согласия, независимо от причинении тебе неудобств, понимаешь?

— Утром я уезжаю, док, — хмуро сказал Дэмми, — и это мое окончательное решение.

— И как ты уедешь?

— Н-ну... — Дэмми заколебался. — Черт побери, док, вы должны меня вернуть! Похищение человека — это федеральное преступление!

— Я спас твою жизнь, — терпеливо заметил Ксориэлль. — И взамен я прошу пожертвовать мне частичкой твоего существования, которое без меня вообще бы уже закончилось.

— Но вы же сказали, что тесты завершены. Что вы еще хотите от меня?

— Мой дорогой мальчик, я завершил предварительную градуировку твоего тела и мозга, материально-технических ресурсов твоего оборудования, так сказать.

— Что?

— Настоящая работа начнется завтра.

— Что еще за работа?

— Обучение тебя, разумеется, как я и объяснял вначале.

— Какое еще обучение?

— Очень разнообразное, — махнул в воздухе Ксориэлль, словно ставя точку в их диалоге.

— Вы имеете в виду... нечто среднее между аттестацией бухгалтерской работы и ремонта телевизора?

— Все это, мой мальчик, и гораздо, гораздо больше того.

— Но я не понимаю, док. Я не просился в вечернюю школу и не отвечал на объявления о наборе курсов, и даже не записывался на учебу без отрыва от работы. У меня есть диплом об окончании средней школы, так что можете начать рыдать над убежавшим молоком! Вообще, с чего вы решили, что я жажду самоусовершенствования?

— Не ты, Дамокл. Я.

— Вы?!

— Я имею в виду, — уточнил Ксориэлль, — что я намерен развить все твои врожденные способности до максимально возможного потенциала, исследовать все скрытые таланты и возможности твоей психосомы.

Монтгомери опустился обратно в кресло.

— Скрытые, — нерешительно повторил он. — Это значит, что я мог бы делать что-то такое, если бы попробовал, вот только никогда и не пробовал?

— Примерно так.

— Что-то типа... э-э... дзюдо, карате, — задумчиво сказал Дэмми.

— Что-то в этом духе?

— Вначале нам нужно испробовать элементарные методы, уже существующие в ваших зачаточных культурах, — кивнул Ксориэлль. — Затем, разумеется, мы двинемся дальше, в совершенно неизведанные области. — Он оживленно потер руки (Дэмми при этом мельком подумал, настоящие ли у него руки, или просто протезы со спрятанными в них щупальцами?).

— Это та часть работы, которую я считаю самой захватывающей, — продолжал Ксориэлль. — Любой индивидуум иногда обнаруживает довольно неожиданные возможности, хранившиеся в генах самых неожиданных организмов, ожидающих, пока не проявятся под давлением обстоятельств. Например, Влинг Крако 88, вид разумных существ, живущих в тине и оборудованных сенсорными органами для гидролокации, после обучения стал способен к прямой межзвездной коммуникации, просто используя свои органы в ином режиме — и этот полезный навык навсегда бы остался неоткрытым, если бы один их член не был выбран для тестирования и обучения командой Согласия.

— Вы хотите сказать, что собираетесь обучить меня чему-то вроде управления телетайпом?

Ксориэлль раздраженно вздохнул.

— Конечно же, нет, Дамокл. А я был уверен, что ты все понял. Попытки уклониться от осознания фактов, скрываясь за пустыми тирадами, не делают тебе чести. Я пока что имею лишь смутные представления, каковыми могут быть твои личные скрытые способности. Но мы обыщем их, не сомневайся.

— Я как-то уже проходил тестирование, — задумчиво сказал Дэмми, — в молодости, когда подумывал сделать карьеру. И мне сказали, что у меня редкий талант к управлению гостиничным хозяйством. Но тест проводила школа управления гостиничным хозяйством, так что удивляться тут нечему.

— Моя экспертиза прозондирует тебя гораздо глубже, — заявил Ксориэлль, сложив вместе кончики пальцев (или их имитацию?).

— На деле за несколько дней мы пройдем пять-десять тысяч лет исследования твоей расы и ее культурного развития.

— Тормозите, док! Уж не собираетесь ли вы превратить меня в одного из парней с огромной головой и маленькими ручками и ножками, каких описывают в рассказах о будущем?

— Дамокл, не глупи. Моя миссия — исследовать развитие, а не творить его. У меня нет намерений создавать мутантов вроде описанного тобой смехотворного типа, или каких других. Я буду обучать тебя, а не изменять. Девушка, изучающая стенографию и работу на пиш машинке, остается все той же девушкой. Человек, который учит наизусть стихотворение или разбирает шахматную задачу, ничуть при этом не изменяется.

— А к чему тогда разговоры о десяти тысячелетнем развитии? — спросил Дэмми.

Ксориэлль снова покачал головой.

— Давай пойдем по порядку, Дамокл. Во-первых, мы проследим, чтобы ты впитывал методики и умения, которыми уже обладают члены твоей расы, а затем уже перейдем к новым областям. Я бы хотел начать немедленно, но, кажется, тебе лучше сначала поспать?

— И он вопросительно глянул на Дэмми.

Тот зевнул.

После ночи, которую он проспал без всяких сновидений, Дамокл встретился с Ксориэллем за столом во время завтрака.

— Память, — сказал Ксориэлль, — основа любого обучения. Поэтому сегодня мы начнем совершенствовать твою память.

Утро было великолепное, хотя свет, бьющий через занавески, и являлся искусственным. Хозяин и ученик сидели возле окна за столиком, накрытым скатертью в клеточку и заставленным тарелками с веселыми цветочками. Оконные занавески были раздернуты, открывая вид на залитый солнцем сад под почти невидимым куполом. Дэмми сделал очередной глоток из второй чашечки кофе и похлопал себя по животу.

— С моей памятью все в порядке, док, — заявил он. — Об этом можете не волноваться.

— Вот как? Тогда что ты ел на завтрак в восемьсот двадцать первый день своей жизни? Или девятого октября прошлого года?

— Откуда мне знать? Все разве упомнишь?

— Под гипнозом ты вспомнил бы все это совершенно отчетливо. Все данные остаются в памяти, мальчик мой, просто они недоступны. Обучение же как раз и будет состоять из улучшенных процедур индексации и извлечения информации. — Хозяин Дэмми коснулся кнопки, и столик быстро и бесшумно очистился сам по себе.

Дэмми с сомнением поглядел на него.

— Память — сложная функция, — задумчиво продолжал Ксориэлль.

— Не углубляясь в подробности, давай просто рассмотрим основы ее механизма. Все данные воспринимаются твоими сенсорными приемниками и передаются в мозг. Там они сохраняются, причем некоторые готовы к немедленному использованию, а те, которые мозг считает неактуальными, убираются в подсознание. Фактор, влияющий на это решение, я называю «интересом». Совершенно понятно, что если бы ты попытался сознательно записывать каждую мелочь каждого текущего момента, то столкнулся бы с неизбежностью перегрузки мозга. Но вместо этого ты просто игнорируешь весь объем впечатлений, вливающийся в твой мозг — разумеется, после его первичной оценки. Спящий человек не обращает внимание на шум машин за окном — но малейший скрип запертой двери спальни заставляет его немедленно проснуться. Бодрствуя же, твой

мозг выполняет ту же функцию фильтрации, не только того, что должно быть убрано подальше, но и всего сохраненного объема.

— Понятно, но...

— Большая часть моей нынешней речи, например, сбрасывается твоим мозгом на долгосрочное хранение, так как это тебя не интересует. Любой ребенок, вынужденный зубрить таблицу умножения, знает о нежелании мозга оставлять эти данные на сознательном уровне, поскольку считает их бесполезными. К несчастью, этот механизм выбора был развит для удовлетворения потребностей животного, которому не нравилась арифметика. Ты можешь пытаться заставить ленивый мозг запоминать более эффективно, говоря ему, что предстоящий экзамен жизненно важен для твоей карьеры — но примитивный мозг знать не знает ни о какой карьере. И наоборот, сведения, которые представляют для него очевидный и непосредственный интерес, запоминаются легко и мгновенно. Любой поклонник бейсбола, каким бы тупым учеником он ни был, может рассказать о состоянии игры, которую смотрит: подачи, счет, штрафные, количество мячей, положение команды в лиге, средний уровень и так далее. Ребенок может следить за сюжетами десятков комиксов одновременно и через сутки пересказать сюжет любого из них — хотя при этом будет неспособен запомнить события из учебника по истории.

— Комиксы детям нравятся, — сказал Дэмми. — И что с того?

— Разум устанавливает барьеры, отклоняющие лишние — неинтересные — данные. Только повторение может пробить эти барьеры и сократить путь извлечения их. А при помощи катализатора я отдаю функцию разделения данных под твоё сознательное управление. Понятно?

— Как китайское меню. Будет больно?

— Ты играешь в карты? — небрежно спросил Ксориэлль, словно из воздуха извлекая колоду с ловкостью, которую Дэмми уже начал принимать как его обычные действия, а не попытку производить впечатление.

— Немного играл в покер. Но я этим не увлекаюсь.

Ксориэлль ловкими движениями тонких пальцев перетасовал колоду, взял верхнюю карту и открыл ее на столе.

— Назови ее, — сказал он.

— Четверка треф.

— Четверка треф, — эхом отозвался Ксориэлль и открыл вторую карту.

Это была десятка бубен. Дэмми так и сказал. Ксориэлль открыл третью карту.

— Эй, я могу отличить пики от треф, если это волнует вас, — заявила Дэмми. — И я могу бойко досчитать до ста...

— Назови ее, — терпеливо сказал Ксориэлль.

— Дама пик.

— Дама пик.

Так Ксориэлль перебрал все карты по одной, пока колода не закончилась. Затем собрал карты, перевернул их, стукнул пальцем по верхней и вопросительно взглянул на Дэмми.

— Ну, мой мальчик, — резко сказал он, так как Монтгомери недодуменно уставился на него. — Не трать напрасно время на ненужные ритуалы. Ты знаешь, что от тебя требуется, так не заставляй меня впустую тратить слова.

— Наверное, я должен сказать вам, какая верхняя карта? — равнодушно предположил Дэмми. — Это была четверка треф, если вы не подменили ее.

Ксориэлль перевернул четверку треф и постучал пальцами по второй карте.

— М-м... э-э... десятка... э-э... бубен.

Ксориэлль перевернул и ее.

— Дама пик, — продолжал Дэмми уже без подсказки.

Он правильно назвал семь карт, прежде чем встал в тупик.

— Неплохо для первой попытки, — сказал Ксориэлль и собрал колоду, как только Дэмми ошибся.

— Давайте продолжим, — запротестовал Монтгомери. — Я и не знал, что настолько хорош. Я могу...

— Ты уже сломал гештальт: ассоциацию данной карты со следующей. С этого момента ты станешь просто угадывать.

— Давайте попробуем еще раз. Я просто не сосредоточился.

Старый джентльмен слегка улыбнулся Дэмми.

— Это весьма захватывающе, не так ли? Я имею в виду, обнаруживать новую возможность. Именно это делает жизнь такой возбуждающей для молодого организма. Дети ежедневно исследуют свои возможности и узнают о себе что-то новенькое. Маленький мальчик станет иногда заходить в воду, чтобы проверить — не может ли он уже плавать — или сидеть с крыши, чтобы узнать, не может ли он летать. Он привыкает к таким открытиям относительно своей силы, социального доминирования, способности свистеть и так далее. Но годы идут, и такие открытия становятся редкостью. Например, ты прекрасно знаешь, что не умеешь ездить верхом или пилотировать авиалайнер. Знаешь свое место в социальной иерархии и сексуальной конкуренции. Но ты еще продолжаешь надеяться на неожиданные открытия, поскольку прежде они случались часто.

Именно это делает бесплатные конкурсы такими популярными и гонит людей к гадалкам и астрологам, в надежде узнать что-то новенькое и своих непознанных талантах, а также делает ритуал разворачивания подарков на Рождество такой важной частью жизни. В людях всегда кроется невысказанная надежда отыскать в себе еще один замечательный, чудесный секрет.

– И это все из-за карт?

Ксориэлль не обратил внимания на вопрос Дэмми, подвинул столик поближе к Монтгомери и положил на него колоду карт.

– Тебя когда-нибудь гипнотизировали, Дамокл?

– Нет, я не верю во всю эту экстрасенсику.

– Ну-ну. Гипнотические способности такие же обычные и нормальные, как способность спать – и одновременно хороший пример врожденной способности, которая остается неоткрытой обладающими ей. Вместо того чтобы вдалбливать в тебя формулы, я намереваюсь стимулировать часть твоего мозга при помощи гипноза. Просто расслабься…

Он повернулся к пульту и коснулся кнопок. Дэмми почувствовал высокое, едва слышимое жужжание где-то у него за глазами. Комната вдруг неуловимо изменилась, словно установив новое равновесие, стала как-то более живой, более непосредственной, чем прежде.

– Переверни первую карту, мой мальчик, – послышался странный, далекий, но все же отлично слышимый голос Ксориэлля.

Монтгомери перевернул карту.

– Тройка пик, – медленно произнес он.

– Продолжай.

Одну за другой он перевернул все пятьдесят две карты.

– Переверни карты обратно, – сказал Ксориэлль.

Дэмми перевернул колоду.

– За каждую карту из этой колоды, которую ты назовешь правильно, тебя ждет великолепный приз, – торжественно произнес старый джентльмен.

И тут же Дэмми почувствовал, как сердце его забилось быстрее. Во рту стало сухо. Призрак невероятной удачи засверкал у него перед глазами. Он стал быстро переворачивать карты, их образы казались яркими, значительными. Наконец, он закончил…

– Все, – сказал Ксориэлль. – Проснись.

Было так, словно отдернули мелкую марлю, закрывающую сцену. На мгновение Дэмми почувствовал какое-то онемение в голове, которое, впрочем, тут же исчезло.

– Назови первую карту, – сказал Ксориэлль.

Дэмми потянулся к колоде.

— Не трогай ее, — велел Ксориэлль. — Просто представь себе мысленно.

— Тройка... пик, — неуверенно сказал Дэмми, назвал еще две, затем замялся.

И внезапно в голове у него возник отчетливый образ карты. Дэмми перечислил всю колоду с такой быстротой, с какой только мог говорить.

— Начни с двенадцатой.

Дэмми перечислил карты, начиная с двенадцатой.

— А теперь в обратном порядке.

Дэмми сделал и это.

— Добавляй три к каждому числу и называй масти со сдвигом в одну.

Дэмми сделал все требуемой, не снижая скорости.

— Вот на что способна твоя память, парень, — весело сказал Ксориэлль. — Твоим ключевым символом для фотографической памяти было: *тройка пик*. И, между прочим, пока ты был под гипнозом, я установил инициацию для самогипноза, которой ты можешь воспользоваться при необходимости. Ключевое слово: «приз».

— Как у меня это получилось? — удивленно воскликнул Дэмми.

— Скажи мне, ты помнишь свой магнитофон? Ну, тот, что был у тебя на квартире?

— Ну... наверное... Я же пользовался им десятки раз.

— Я так и думал. И сколько лирических песен ты знаешь?

— Кто, я? Я не пою...

— Понимаю, это женское занятие. Тем не менее, ты много раз слышал популярные песни, и их слова не могли не засесть у тебя в голове. Средний человек, если на него нажать, может пересказать десятки песен. Предположим, в каждой из этих песен будет по сотне слов — и каждое слово является ключом к ноте в гамме. Каждое слово, в свою очередь, в среднем состоит из шести букв. Если сообщение закодировать этими буквами, используя при этом последовательность и тональность, то ими можно передать значительный объем информации, ты согласен?

— Ну, я...

— Сам порядок слов — мощный инструмент. Например, подумай о различие «время прохождения» и «путешествие во времени». И пунктуация. «Эту книгу продиктовал Бог» против «Эта книга была продиктована Богом».

— М-да, но...

— С этого момента мы станем использовать эту ненужную способность. А теперь давай продолжим восстановление твоей концентрации, вычислительных возможностей, дедуктивных способностей, восприятия образцов и так далее. Чем раньше мы закончим предварительные настройки, тем быстрее сможем перейти к действительно существенной части твоей программы. — Ксориэлль испытывающе поглядел на него. — Дамокл, какое для тебя самое восхитительное в мире переживание?

— Узнать в караоке-баре, что я пою не хуже Донни Осборна, — с ухмылкой ответил Дэмми.

— Давай-ка серьезно, парень.

Дэмми покосился на него.

— Ну, наверное, когда привлекательная милашка влюбляется в вас с первого взгляда.

— Верно. А почему?

Дэмми шутливо поднял руки, словно показывая, что сдается.

— Вам что, нужна схема?

Ксориэлль отрицательно покачал головой.

— Это не просто перспектива сексуальных контактов, мой мальчик — для этого уже существуют давно устоявшиеся ритуалы. Скорее, это относится с открытием в себе чего-то новенького, удивленное осознание, что ты обладаешь очарованием, о котором и не подозревал, и которое способно оказывать мощное воздействие на других людей.

— Чепуха это, док. Есть вещи, которые нельзя изучить в пробирке, и романтические отношения являются одной из них...

— Неважно. У нас еще будет много времени, чтобы найти все твои скрытые потенциальные возможности. В данный момент нас интересуют основы. Пойдем.

Ксориэлль поднялся с места.

— Не знаю, продвинусь ли я хоть немного в вашем обучении, — проворчал Монтгомери, оставаясь сидеть. — Зачем все это мне?

Ксориэлль вздохнул.

— Дамокл, ты хотя бы имеешь представление, сколько времени и сил ты тратишь впустую, разыгрывая ритуалы, разработанные, чтобы драматизировать отношения там, где в большинстве случаев нужен лишь согласный кивок?

— Док, дайте мне передохнуть и говорите проще, —sarcastically сказал Дэмми.

— Ты чувствуешь, что должен притворяться, будто не желаешь сотрудничать со мной, а это, в свою очередь, возникает из необходимости поддерживать фасад независимого, самоопределяюще-

гося, доминирующего мужчины. Поэтому ты пытаешься вовлечь меня в символический разговор, в котором я бы постепенно преодолевал твои возражения такими способами, как лесть, возбуждение твоего любопытства и чувства благодарности, и так далее. И, конечно же, ты чувствуешь себя вынужденным симулировать скептическое отношение к моим словам, чтобы не выглядеть легковерным, как мужлан, который очарован хромированным блеском подержанной машины и пытается скрыть от бойкого продавца свое желание купить ее, притворяясь безразличным, когда подписывает чек, чтобы не казаться объектом насмешек. Точно также женщина притворяется препятствовать стремлениям мужчины, хотя она уже приняла положительное решение, но не хочет выглядеть слишком доступной.

— Вы наверняка закрыли множество вопросов, док, — в притворном восхищении воскликнул Дэмми. — От обезьян до карточных фокусов, а от них к девичьим играм в труднодоступность. И все это для того, чтобы научить меня дзюдо или как жить на три тысячи в месяц.

— Чтобы научить тебя познать себя, парень, — печально сказал Ксориэлль. — Чтобы подтвердить, что твое притворство самоуверенным циником скрывает тот факт, что ты заинтригован раскрывшими перед тобой перспективами.

— Так испытай же меня! — огрызнулся Дэмми. — Выбросите меня на помойку и посмотрите, стану ли я умолять вас дать мне еще один шанс.

— Ну да, ты вполне способен отвернуться от того, что распахнулось перед тобой, только чтобы поддержать твою роль стоика, гордящегося своим воздержанием, который отвергает пищу, в которой нуждается и которую жаждет.

— Вы намекаете, что я хочу оставаться запертым в этом ледовом дворце с поехавшим преподавателем и запоминать последовательность карт? — фыркнул Монтгомери. — Док, если бы вы только знали...

— Какую жизнь ты вел снаружи, Дамокл? Скудное существование... — печально улыбнулся Ксориэлль. — Нянчил тайком веру в свое уникальное превосходство, ожидая чуда, которое однажды явится, чтобы преобразовать твою жизнь.

— Я? Да ничего я не ожидал...

Но Ксориэлль продолжал:

— И вот чудо явилось, Дэмми. В некотором смысле, ты действительно оказался *уникален*. Одним человеком из миллиардов, кото-

рого я выбрал – действительно, наугад, – в качестве своего объекта. Так что давай продолжать без всяких ритуальных возражений.

Ксориэлль встал и пошел. Через секунду Монтгомери вскочил из-за стола и побежал за ним.

– Вот это, – Ксориэлль указал на стул с аппаратом в форме улья, подвешенным сверху, – синаптический катализатор. – Он нежно погладил устройство. – Довольно грубая полевая модель, как и все здесь. Но работающая. Он сделает нашу задачу бесконечно более простой, ускорив нормальный процесс обучения. Просто зайди мешто, мой мальчик, и я запущу калибровочные тесты.

– Он походит на фен в косметическом кабинете, – неодобрительно проворчал Монтгомери. – Если бы кто-нибудь увидел, что я сижу под ним...

– Я думал, мы уже согласились обходиться без ритуалов. Я уже понял, что ты играешь роль зрелого самца, готового сражаться за еду, половую партнеришку и нетерпимого ко всяkim нежностям. Садись.

Дэмми сел, всем своим видом показывая крайнее нежелание.

– Да понял я, понял, – проворчал он. – На стене вы будете показывать слайды, на которые я стану как-то реагировать...

– Я буду работать непосредственно с твоим мозгом, – рассеянно сказал Ксориэлль, изучая кнопки на маленьком пульте, за который он сел. – Сначала я пропущу серию импульсов через кору твоего мозга, отмечу результаты и соответственно им скорректирую входной профиль...

– Я не позволю перемешивать себе мозги, – заявил Дэмми, вскакивая со стула.

Ксориэлль печально поглядел на него.

– Дэмми, уверяю тебя, меньше всего я хочу перемешивать твои мозги. Мне пришлось решить немало проблем, чтобы обеспечить себя нормальной, здоровой, нетренированной нервной системой, с которой можно работать. Малейшее вмешательство обесценило бы тебя для моих целей.

– Если уж пропускать ток через мою голову не вмешательство, то я уж и не знаю, что тогда вы называете вмешательством!

– Совершенно верно, не знаешь. Катализатор похож на фонарик, которым окулист светит тебе в глаза, проверяя зрение. Так что будь любезен, подави свои суеверные страхи, инстинкты и ритуальные возражения, и позволь мне продолжать.

Дэмми продолжал что-то ворчать себе под нос, но больше не возражал, когда Ксориэлль опустил шлем на его голову и вернулся за пульт.

— Просто сиди молча, — сказал он. — Калибровка займет какое-то время. Это совершенно безболезненно, уверяю тебя.

Дэмми услышал мягкий шум, словно чей-то голос кричал на самом пределе слышимости, но ничего не почувствовал.

— Вы случайно не просвечиваете меня рентгеном? — спросил он.

Ксориэлль нетерпеливо хрюкнул.

— Это просто нейротронные колебания, идентичные тем, что производит твое ментальное поле.

Он нажал что-то на пульте, и голоса смолкли. Тогда он заработал кнопками и рычажками, нахмурившись и вглядываясь в какие-то приборы.

— А теперь, — наконец, сказал он, — нам нужно что-нибудь сделать с тем нелепым диалектом, на котором ты говоришь. У грамматики и синтаксиса есть функции общения, какие, кажется, ускользают от тебя. — И он снова повернулся к своему пульту.

— Не нравится мне, как это звучит, — заявил Дэмми. — Вы хотите заставить меня разговаривать, как профессор, или что?

— Или что, — передразнил его Ксориэлль. — Стерлинговский пример типичного шума, засоряющего твою речь. А теперь помолчи.

Дэмми напряженно сидел, что-то щекотало его мозг, в ушах тихонько пищали мыши. Это продолжалось довольно долго, и вдруг Дэмми уставился на открывшуюся перед ним неожиданную перспективу.

— А теперь, — вернул его к реальности голос Ксориэлля, — нужно проверить, появились ли улучшения. Скажи-ка что-нибудь, мой мальчик.

— А что вы хотите, чтобы я сказал? — тут же спросил Дэмми. — Я имею в виду, док... э-э... о чем я должен сказать?

— Не борись с очищающими речь импульсами, Дамокл. Просто расскажи мне о своих впечатлениях об этом обучении.

— Методы выглядят очень сложными, и я не могу судить об их эффективности, пока не получу больше данных... — Монтгомери прервался и помотал головой. — Вот уж точно мозги у меня всмятку. Док, вы заставили меня разговаривать так, что меня на смех поднимут все равноправные члены моей окружающей среды... Черт, я словно по учебнику шпарю! Если вашей идеей являлось заставить меня изъясняться так...

— Так, так, спокойно, мой мальчик. Мы продолжаем?

— У меня нет мнения по данному вопросу... Ну, вы понимаете, что я хочу сказать? Так что продолжайте при любых обстоятельствах и... Да что я там болтаю? В общем, шпарьте дальше!

– Чудесно. Возможно, в конце концов, ты все же немножко поумнеешь, парень.

– Если бы я поумнел, – с горечью ответил Дэмми, – то держался бы от вас подальше еще до того, как вы испортили мою манеру общения, адекватную моей окружающей среде...

– Н-да... Ты стал уж слишком циничен.

Монтгомери провел пять утомительных часов под катализатором, в то время как Ксориэлль кудахтал, что-то бормотал, снова и снова нажимал кнопки и одновременно читал короткие лекции. Позже они обедали фазаном с вином, автоматически поданным им в помещение, выглядевшее открытой террасой.

Когда они закончили есть, Ксориэлль вручил своему ученику маленькую книжку.

– «Собрание игр Хойла», – вслух прочитал Дэмми. – А я думал, что нам нужно работать дальше. Разве у нас будет время для пиннокля?

– Не будь занудой, Дамокл. Разумеется, ты станешь изучать игры наряду со всем остальным.

– С чем остальным, док? – нахмурился Дэмми. – Когда же мы дойдем до джиу-джитсу и...

– Дэмми, – резко прервал его Ксориэлль, – за следующие несколько недель тебе предстоит освоить правила и методы всех действий, навыков, талантов, спортивных состязаний и искусств, которые когда-либо были освоены любыми членами твоего общества. Я понятно изъясняюсь? Ты приобретешь такой же опыт в обработке каменных орудий, как и в архитектурном проектировании, станешь столь же квалифицированным в игре в домино, как и в плетении корзин. Будешь способен пройтись по натянутому канату и запомнить все числа на пролетающих мимо вагонах, как уникальные идиоты, обитающие порой на Земле. Тебе понятно?

– Теперь я понимаю, что вы просто воодушевляете меня, док...

– Меня зовут Ксориэлль! Я не шаман твоего племени! Мне не нравится, когда к моему имени все время добавляют «док»! И я не воодушевляю тебя! Я бы ценил, чтобы ты правильно пользовался своим родным языком хотя бы то время, что я выполняю здесь миссию, и...

– И что? – с вызовом бросил Дэмми, когда его наставник резко оборвал себя.

Ксориэлль вздохнул.

– Даже твой примитивный язык был бы терпим, если ты правильно пользовался им. Теперь у тебя есть полное знание грамма-

тики, синтаксиса и обширнейший словарный запас – почему бы не использовать все это?

– По привычке, наверное, – безразлично ответил Дэмми. – А, может, я просто не хочу разговаривать, как гей.

– Я придумал выход, – мрачно отозвался Ксориэлль. – Ты изучишь Согласие-два – простейшую форму общеупотребительного языка.

– Тормозните, док, – тут же возразил Дэмми. – Вы же сами сказали: человеческие навыки. Помните? Не нужно мне закачивать в мозг ничего инопланетного.

– Ерунда! С-два разработан для общения различных рас, и свободен от специализированных предубеждений, таких, как табу на некоторые слова и выражения. Он станет не сильнее деформировать твою личность, чем язык, скажем, навахо.

– И на что он походит?

Ксориэлль произнес какие-то невнятные звуки языком и твердым небом.

– Это начало Геттисбергской речи Линкольна. Признаю, она что-то теряет при переводе. – И он отвернулся к пульту. – Расслабься, очисти свой разум, – велел он, не оборачиваясь.

Дэмми откинулся на спинку и закрыл глаза. Где-то позади ушей возник беззвучный шум. Он длился и длился. Дэмми задремал...

– ...перечисли единства от десяти до десятой части, – велел Ксориэлль.

– Какое ссззрррхх проходит... иззччхх? – сказал Дэмми.

Ксориэлль загудел в ответ. Казалось, смысл вот-вот присоединится к этим звукам, но Дэмми отсеял его.

– Это мой главный ачэззддс, – сказал Дэмми. – Ну, когда делают меня ззссрапт к говорртхх... – Он помолчал. – Мой язык фииллзз ххррный. Я хотел сказать, странный. Мой... язык... такой... странный... – Чуть ли не по слогам произнес он. – Что вы накидали, док. В мою черепную коробку?

– Ххххккккввззлл, – прогудел в ответ Ксориэлль. – Ббиррппп?

– Просто скажите «извините», – пробормотал Дэмми.

– Вы не поняли, что я сказал, – ответил Ксориэлль.

– Вы жужжали, как муха в пивной бутылке.

– Это очень странно. Я был уверен, что у вас есть способности. Но что ж, отрицательный результат – все равно результат. Никакие сожаления тут неуместны. Мне бы хотелось добраться до сути возникшей аномалии. Но это, в любом случае, лежит за пределами моей фактической программы. Ладно уж. Будет и дальше говорить

на английском, но все же попытайся разговаривать правильно, падень. Итак, на чем мы остановились?

— Вы говорили о манипулировании... — напомнил Дэмми.
— Да, и о полетах, высотных работах, серфинге, воздушной акробатике... — Ксориэлль сделал паузу, чтобы набрать побольше воздуха, — подводном плавании, акробатике, прыжках с шестом, метании гранат, качественном анализе, шлифовании линз, ремонте машин, теннисе, керлинге, боулинге, балете...

— Балете?!

— Это невозможно... — Дэмми откашлялся. — Ничего не получится, даже если я соглашусь на это.

Лицо Ксориэлля напряглось.

— ЕСЛИ?

Дэмми вдруг почувствовал острую боль в груди, жгучую, словно крошечные раскаленные угольки...

— Если? — повторил Ксориэлль.

— Ладно, ладно, какой у меня выбор? — Дэмми задохнулся от облегчения, когда угольки погасли.

— Что касается невозможности программы, ты что, являешься экспертом в данной области?

Дэмми невнятно проворчал в ответ.

— Что может сделать один человек, может и другой.

— Но не мгновенно же?

— А почему бы и нет?

— Человеку нужны годы, только чтобы научиться владеть дубинкой! А еще говорят, что ученые проводят в высшем учебном по двадцать лет, но потом все равно не усваивают новые материалы!

— Но ты все выучишь гораздо быстрее них, Дамокл. Открой книгу, которую держишь.

Монтгомери раскрыл книгу. В глаза бросился подзаголовок: «Игра в скрэмбл».

— Ключевые слова! — рявкнул Ксориэлль.

Дэмми было заговорил, но Ксориэлль тут же перебил его:

— Не вслух!

Тройка ник... приз... подумал Дэмми.

— Смотри на страницу.

Слова повисли в воздухе, как твердые предметы.

Дэмми опустил взгляд на книгу. Листай страницы.

Дэмми повиновался, глядя, как все расплывается в глазах от быстрого переворачивания страниц.

— Закрой книгу.

Дэмми закрыл.

- Рассказывай.
- Дэмми открыл было рот, чтобы возразить, но вместо этого...
- Пункт двадцать первый. Если кто-то из игроков отклоняет масть, то он теряет свое право называть козыри, и уже ни он, ни какой другой игрок, не могут назначать в данной партии козырей.
- Ну вот, теперь ты знаешь правила скрэмбла, — многозначительно сказал Ксориэлль. — Тебе остается лишь использовать их на практике.
- Ладно, допустим, запомнил я пару строк, — сказал Дэмми. — А как насчет остальных четырехсот страниц?
- Ты знаешь их все, — с удовлетворением ответил Ксориэлль.
- Так значит, я стал... э-э... шулером? А у меня-то были идеи пошикарнее.
- На этом ты не остановишься. Ты поглотишь информацию из всех книг — все наследное знание твоей расы.
- Даже запоминая страницы, просто листая книги, — фыркнул Дэмми, — я все равно не успею пролистать их все до конца жизни.
- О, конечно, ты будешь использовать записи. Проектор их воспроизведет на какой нужно скорости, как только мы определим частоту твоего сканирования. Ты сможешь поглотить Британскую энциклопедию, например, секунд за восемьдесят.
- Послушайте, док, я не какой-нибудь супергений. В мои мозги все это просто не вместится.
- Сколько дней в августе?
- Э-э... В сентябре тридцать дней, — забормотал Дэмми. — Апрель, июнь, ноябрь... тридцать один, — объявил он.
- Вот видишь? Данное число было у тебя в памяти, но в закодированном виде. Подобным образом мы закодируем огромное количество информации.
- Но если я начну замолкать и читать стишок всякий раз, как захочу что-нибудь вспомнить, меня попросту запрут в психушку, — возразил Дэмми.
- Наши коды будут более простыми, а извлечение более быстрым, — заверил его Ксориэлль. — Теперь отправляйся спать, парень. Завтра мы начинаем физическую часть нашей программы, и я хочу, чтобы ты был свежим и полным энергии.
- Да, — сказал Дэмми, зевая. — Хорошая идея.

Он лег в роскошную постель, немного понежился в ней, но приходилось все время почесывать какой-то зуд за правым ухом. Зудящее место было крошечным, но постепенно увеличивалось. Тогда Дэмми попытался вспомнить... Тройка пик!

...остаточная боль в животе – эффект постепенно растворяющегося стежка хирургического шва, затем ловкие пальцы Ксориэлля подключили полуживую металлоорганическую нить к его слуховому нерву, который входил в сеть, пронизывающие все области головного мозга. Таким образом, он исследовал структуру неиспользуемых до настоящего времени смыслов и органов самоанализа, чтобы проследить всю схему с приемниками. И, сделав это, он смог окинуть взглядом всю фантастическую сложность не только вторгнувшейся металлоорганики, но и своего собственного мозга. Чужая, внедренная сеть уже кончилась, но Дэмми продолжал...

Постепенно, пройдя осторожно вдоль недавно обнаруженных трасс, он начал постигать динамическую симметрию той фантастической структуры, которая называлась его разумом. Он поморгал и обратил свои мысли на более приземленные вопросы. *Выходит, старый дьявол солгал мне, когда притворился, что вверг меня в состояние паралича просто силой своих мыслей*, подумал он. *Интересно, а как же на самом деле?..* Он встал, достал из стенного шкафа свои инструменты, подошел к двери и присел на корточки, изучая крошечное отверстие ниже защелки. Потом выбрал из инструментального набора тонкую проволочку, вставил ее в отверстие, приложил ухо к двери и стал медленно поворачивать проволочку. Послышались слабые щелчки. Затем что-то щелкнуло погромче. Дэмми вытащил проволочку и попробовал ручку двери. Дверь открылась легко и бесшумно. Он вышел в коридор и быстро спустился по лестнице на тот этаж, где находилась библиотека. Свет в Книжной Комнате горел по-прежнему. Дэмми подошел к разделу, посвященному неземным текстам Ксориэлля, взял полдесятка кубиков, бросил их в лоток канала сканера и щелкнул выключателем. Загорелся экран. Мгновение на нем светились беспорядочные точки, затем вдруг сложились в страницу.

Тройка пик, нараспев подумал Дэмми и поудобнее устроился на стуле, глядя на экран... *Приз*.

Дэмми поморгал, возвращаясь к действительности. Шея одеревенела, глаза жгло. Взгляд на часы показал, что прошло шесть часов. Экран перед ним был пуст. Дэмми выключил его, вернулся к кубикам на место и вернулся в свою комнату. В голове у него шумели странные мысли. Заснул он быстро, но сны были беспокойными.

Маленькая комната, куда Ксориэлль привел Монтгомери на следующее утро, была без окон, с бледно-серыми, ничем не украшенными стенами и потолком. Единственной меблировкой был большой агрегат в центре комнаты, занимающий почти все свободное

место. Дэмми смотрел, как Ксориэлль нажимает очередную кнопку, развернувшую маленький пульт управления, усеянный такими же кнопками.

— Эта штука выглядит, — сказал Дэмми, — как гибрид больничной койки с гимнастической «лесенкой», соединенной с креслом дантиста.

— Впечатление, может, и не самое поразительное, мой мальчик, — ответил старик, быстро нажимая кнопки и глядя, как загораются индикаторы, — по крайней мере, внешнее. Но это самый оригинальный аппарат, способный моделировать любое движение твоих мышц, а также подавать тщательно выверенные стимулы на всю мускулатуру.

— А по-простому? — машинально спросил Дэмми.

— Уже заранее введенный в тебя, с надлежащими нервными контактами, респондент проделает замечательную работу по эмуляции трапеции, гравитационного поля, препятствий, центрифуги — всю палитру внешних условий и сил, которыми ты будешь учиться владеть.

— Здорово! А теперь объясните мне еще проще, и по возможности короче, чтобы сэкономить время.

— Только для твоего антиинтеллектуального ума, основанного на суждений, столь популярном среди невежд, что интуиция присуща лишь слабому полу, — парировал Ксориэлль. — Предположим, ты изучаешь фехтование: стойку, парирование, удары, и респондент будет выполнять все обратные действия — парировать или наносить удар в ответ, — причем с любым оружием: рапирами, саблями или шпагами.

— И что я при этом должен делать, чтобы дожить по почтенной старости? — насмешливо спросил Дэмми.

Ксориэлль игнорировал его вопрос.

— Но сначала мы какое-то время потратим на оттачивание твоих основных навыков. Будь хорошим мальчиком, Дамокл, лезь в респондент.

— Вы хотите, чтобы я сам лег в этот гроб? — воскликнул Дэмми, потому что устройство внезапно повернулось на оси и раскрылось пополам, открывая доступ к системе стержней и петель, оказавшейся у него внутри.

Ксориэлль вздохнул. Дэмми вскарабкался внутрь и осторожно устроился там. Каркас закрылся вокруг него, руки, ноги, туловище и голова оказались блокированными системой зажимов, но было весьма удобно. Дэмми подавил приступ клаустрофобии.

— Удобно? — спросил Ксориэлль.

— В гробу не может быть неудобно, — раздался в ответ приглушенный голос Дэмми. — Я тут зажат, как в утробе, и чувствую себя...

— А что мешает тебе двигаться? — спросил Ксориэлль.

Монтгомери шевельнул для пробы пальцем. Подсоединенная аппаратура без сопротивления шевельнулась вместе с ним. Он согнул руку, затем ногу, пожал плечами, повернул голову.

— Странно, — сказал он. — Я даже не чувствую никакого сопротивления.

— Встань, пожалуйста.

— Как я могу?.. — начал было Дэмми, но легко встал и механизм поднялся вместе с ним.

— Походи на месте, помаши руками, попрыгай и тому подобное...

Дэмми беспрепятственно проделал все это.

— Значит, все в порядке, — с облегчением сказал Ксориэлль. — Жаль, что по-настоящему сложное оборудование осталось у меня дома, но мы попробуем обойтись и этим аварийным устройством. А теперь приготовься, я начну тестирование...

Монтгомери почувствовал укол иглы в подошву ноги, и одновременно тонкий стержень ткнул его в лицо. Он резко убрал ноги, повернулся боком и вскинул обе руки.

— Отлично, — сказал Ксориэлль. — Это дало мне великолепную фиксацию. Мы, знаешь ли, будем основывать все на рефлексивных ответах...

— *Не знаю!* — завопил Дэмми. — Вы, кажется, выткнули мне глаза!

— Ну, это вряд ли, — мягко сказал Ксориэлль.

— Могли бы, по крайней мере, предупредить меня.

— Дэмми, пожалуйста, перестань защищать свою ретроспективную матрицу опыта. Нельзя добиться рефлексий, если реагировать только на ожидаемые опасности.

— Значит, вот в чем состояла идея ткнуть мне в глаза ножом для колки льда?

— В основе всей усовершенствованной физической подготовки лежит умение перенаправлять нападение. Эксперт по карате, например, умеет обороняться контрударами. Хлопни такого по плечу, и ты, вероятно, окажешься на полу с перебитой трахеей, прежде чем он сумеет остановиться.

— Вот как?

— Кстати, о карате, — сказал Ксориэлль.

Сквозь джунгли оборудования Дэмми увидел, как он нажал кнопки. И тут же под самим Дэмми взорвалась бомба, заставив его бешено вращаться. Все его тело и бьющиеся конечности дрожали и сокращались, оборудование, в котором он был зажат, крутилось и



GEORGE SCHELLING

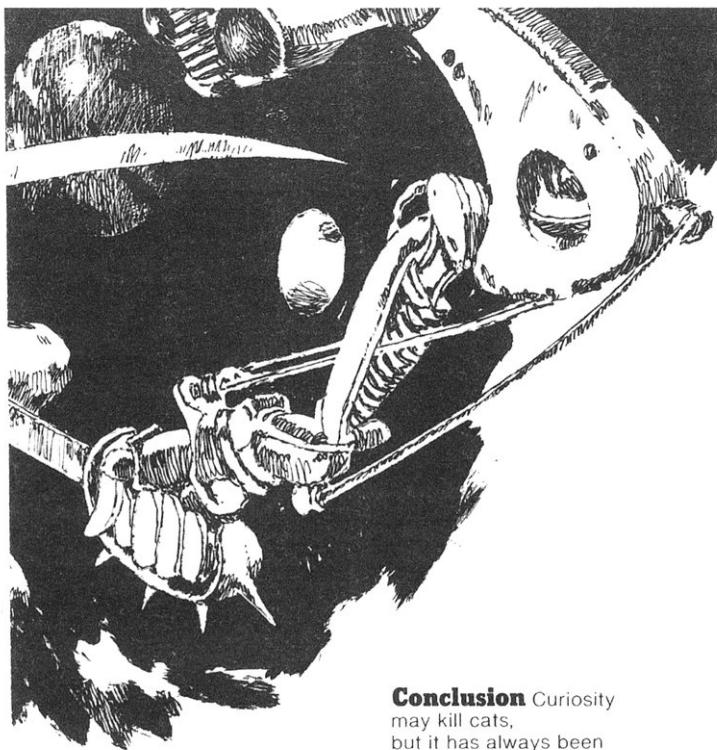
корчилось настолько быстро, что эти движения не мог уловить глаз. Дэмми хотел завопить, но смог лишь что-то прохрипеть. Все кончилось так же внезапно, как и началось.

— Помогите! — простонал он. — Не делайте этого снова. Я все скажу!

— Ну, это было не настолько плохо, — рассеянно ответил Ксориэль, не сводя глаз с пульта. — А теперь мы должны взяться за ловкость рук.

— Будет что-то вроде жевательной резинки? — огрызнулся Монтгомери.

— Твой словарь более обширен, чем ты признаешься, — отозвался Ксориэль. — Ну, вечером мы расширим его еще больше, когда ты пролистаешь полный словарь земных языков, который я сам скомпилировал на днях.



The Wonderful
secret

Conclusion Curiosity
may kill cats,
but it has always been
a good and faithful
servant to men.

Keith Laumer

Он нажал кнопку, и руки Дэмми схватили зажимы. Они ломали и крутили его пальцы, безумно сгибаю ладони и запястья, одновременно тряся и дергая руки, а затем столь же внезапно все прекратили.

Дэмми выдернул из зажимов пальцы и спрятал их под мышками. Пальцы кололо и дергало, в них пульсировала боль, словно их покусали пчелы.

— Я чувствую себя так, словно весь день сжимал пневматический молоток, — выдохнул он. — Ну и что это должно было доказать? Я же уже сказал вам, что буду сотрудничать.

— Ловкость рук нужна для многих навыков, на которые я тебя запрограммирую, — спокойно ответил Ксориэлль.

— Какие же у меня будут ловкие руки, если эта чертова машина размозжила их и превратила в желе? — закричал Монтгомери.

— Чепуха, Дэмми. Я просто впечатал образцы определенных движений в твои руки, а дискомфорт скоро пройдет. И ты должен признаться, что проще немного помучиться в этом устройстве, чем практиковаться сотнями часов в тасовании колоды карт или вертеть наручные часы. Вскоре ты превзойдешь самого Гудини, а Атлас покажется хилым в сравнении с тобой.

— Разумеется, все это круто, док, но я не хочу превратиться в какого-нибудь урода.

— Конечно, конечно.

— Только не забывайте о золотом сечении, — хмуро добавил Дэмми.

— Уверяю тебя, твое телосложение вызовет восхищение у всех окружающих. Тебе еще захочется носить такую одежду, чтобы были видны твои бицепсы и трицепсы, но это пустяки. Я хочу, чтобы ты перестал маяться дурацкими опасениями и просто наслаждался получением новых навыков.

Дэмми посмотрел на свои руки, все еще украшенные проводами, стержнями и зажимами.

— Вы имеете в виду...

— Верно.

— А до этого?

— Карата, о котором я уже упоминал.

— Вы хотите сказать мне... что теперь я обладатель черного пояса?

— Да, ты уже приобрел нужную физическую кондицию. Правда, ты еще должен пройти пару тестов, чтобы списать в свою матрицу различные движения, но ты обнаружишь, что можешь безупречно выполнить их с первой же попытки, как опытный пианист может сыграть новый для себя концерт.

— Ну, да, — с сомнением буркнул Дэмми. — Но как я могу сражаться, скажем, на мечах, если не отличу один конец меча от другого?

— Ты считаешь, что обученный фехтовальщик сознательно вычисляет путь лезвия, экстраполирует будущую позицию его острия, выбирает ответное движение и напрягает избранную группу мышц, чтобы парировать удар собственным лезвием? Разумеется, нет. Он попросту реагирует почти что инстинктивно. Наша задача состоит в том, чтобы научить тебя нужным реакциям.

— Да, но если вы с Марса, как заявляли, то откуда вы знаете, как китаец готовит суп из ласточкиных гнезд или чем занимается, чтобы стать победителем в Бельмонте?

— Моя библиотека на лентах включает в себя записи слепков разума избранных экспертов в каждой области, хранимую ими в сознании и подсознании информацию, касающуюся сферы их интересов.

— Ну, да, так я и поверил. Вы просто пришли к Эйнштейну и сказали: «Как дела, приятель? Не хотите ли посидеть с моим феном на голове, пока я перекачиваю твои мозги?»

— Ну, не так в лоб, мальчик мой. У меня есть средства для автоматического поиска того, что необходимо, и записи выборочно и на расстоянии. Моя коллекция включает в себя более двухсот тысяч отдельных образцов человеческого опыта.

— Сколько же времени вы шпионите за нами, док?

— Несколько веков. Но этот процесс, разумеется, продолжается. Вот как раз в эту секунду закончилась запись новых данных. Слышал щелчок?

Дэмми пошевелил пальцами.

— Что-то не чувствую я никакой разницы, — с сомнением заявил он. — Если бы я чему-то научился, то знал бы об этом.

— Двигательные навыки отпечатаны на подсознательном уровне, — ответил Ксориэлль. — Если бы ты ощущал каждое движение, например, во время ходьбы, то уже не успевал бы обращать внимание ни на что другое — иначе бы все время падал. Пианист смотрит в ноты, а пальцы его летают по клавишам сами. Фактически, если он долго не подходит к инструменту, то все равно может восстановить произведение, которое знал раньше, следя за своими руками. Руки сами нажмут нужные клавиши, даже если его сознание забыло ноты.

— Поверю этому, только когда попробую сам. Если это сработает.

Ксориэлль небрежно открыл выдвижной ящик под пультом, достал оттуда синий шар размером с бильярдный и швырнул его прямо в лицо Дэмми. Тот легко его поймал и увидел, как второй шар, ярко-красный, уже несется к нему. Он мгновенно перекинул синий шар в левую руку и поймал правой красный. Но в пути был уже желтый. Ксориэлль лениво смотрел в противоположном направлении, кидая шары Монтгомери, который перебрасывал их в левую руку и ловил правой все новые и новые: оранжевый, зеленый, фиолетовый, черный, белый, золотой и серебряный. Чтобы вовремя освобождать и левую руку, Дэмми подкидывал их в воздух, а потом ловил, с правой на левую, с левой в воздух и ловил правой...

— Ну, ладно, значит, жонглировать не так уж и трудно, — сказал он, наконец, не отрывая взгляда от летающих шаров.

Тут Ксориэлль бросил ему сразу два шара, коричневый и розовый. И они присоединились к общему каскаду без видимых усилий.

лий со стороны Дэмми. Затем Дэмми согнул правую руку так, что очередной шар отскочил от нее, пролетел мимо плеча Ксориэлля и улетел в открытый выдвижной ящик, а за ним и все остальные.

– Неплохое развлечение, – лениво сказал Дэмми. – Что ж, теперь у меня есть чем заработать на кусок хлеба с маслом, если дела пойдут плохо.

– Даже лучше, Дамокл, теперь у тебя есть несколько сотен полезных навыков, если не вообще все. Ты мог бы найти работу в любой научно-исследовательской лаборатории, как специалист в любой из многих областей.

– Это потребует некоторой проверки, – с сомнением протянул Дэмми.

– Да нет необходимости ни в каких проверках. Уверяю тебя, все обстоит именно так, как я сказал. Так мы будем продолжать?

– Круто, – кивнул Дэмми. – Но если я пытаюсь что-то продать, то должен держать в уме, что Du дробь Dx = у дробь x .

– Или, в качестве альтернативы, – подхватил Ксориэлль, – можно было бы вывести Закон Индифферентности, как Du = - u дробь x на Dx . (см. рис.115)

– Вы думаете, я еще не узнал этого?

– Ты реагируешь на все сверхотзывчиво, мой мальчик. Так что давай продолжать, – мягко сказал Ксориэлль, и, прежде чем Дэмми успел возразить, его тело вновь охватили судороги.

– Горные лыжи, – вежливо сообщил ему Ксориэлль и нажал на другую кнопку. – Умение рисовать... спазм... подражать пению птиц... спазм... настольный теннис... «хай-алай»... йога... шлагоглотание... спазм... спазм... спазм...

– Я чувствую себя так, – сказал Дэмми три дня спустя, – словно проткнут насекомыми вашими устройствами, вымочен в уксусе и готов к тому, чтобы меня поджарили вместо шашлыка.

– Тебе не стоит говорить о себе так пренебрежительно, мальчик мой, – бодро сказал Ксориэлль, помешивая соломинкой «martини».

Они сидели в глубоких кожаных креслах в библиотеке с рядами книг на полках. Толстые, темные ковры, тяжелая драпировка, грубый каменный камин с отполированной медной подставкой для дров, давали ощущение знакомой роскоши.

Дэмми отпил свой напиток.

– Я так устал, что мне даже трудно держать стакан, – простонал он.

– Да, напряженное было время, – согласился Ксориэлль. – А впереди нас ждет еще один напряженный день.

– Только не сегодня. Я больше не выдергую.

— Ты почувствуешь себя лучше, подремав после ленча и подумав о том, что теперь ты глубоководный ныряльщик, опытный рыболов, ядерный физик, каменщик, мойщик окон и еще многое другое.

— Странно... но я все равно устал.

— Мне интереснее будет увидеть, чего мы достигнем в нашем следующем сеансе, — сказал Ксориэлль. — До сих пор мы просто прививали тебе текущие навыки. Надеюсь, теперь привнесем что-то новенькое.

— Не нравится мне, как это звучит.

— Мы просто попытаемся предвидеть, что Человечество готовит себе. Несомненно, что сегодня есть какой-то человек, который где-нибудь что-нибудь делает впервые. Это может быть не таким захватывающим, как в начале времен, когда человек впервые разожег костер или сложил два и два, но все равно это новое усовершенствование. Некоторые из таких усовершенствований открывают путь исследованиям совершенно новых областей неподозреваемых способностей. И кто знает, на что вы, умные люди, станете способны через тысячу, десять или сто тысяч лет.

— Что значит, на что?

— Дэмми, ты знаешь какие-нибудь детские стишкы?

— Стишки?

— Например, «У Мэри был барашек».

— Конечно. «Он белым был, как снег». И что дальше?

— А другой стишок?

— М-м... «Джек и Джилл».

Ксориэлль положил на журнальный столик блокнот и карандаш.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне «У Мэри был барашек», и одновременно написал «Джека и Джилл».

— Но я же не могу делать две вещи сразу.

— А ты когда-нибудь пробовал?

— Ну, я просто неспособен...

— Попробуй, Дэмми. Просто чтобы убедиться. Я не буду даже смотреть.

Ксориэлль встал и подошел к книжным полкам. Дэмми тихонько фыркнул, но взял карандаш, на мгновение замер, потом стал бормотать: «У Мэри был барашек...»

— Да будь я проклят, — сказал он секунду спустя.

В блокноте каракулями, но все же разборчиво, было написано «Джек и Джилл поднялись на холм».

— Ну, вот видишь, — Ксориэлль повернулся, лучась улыбкой. — Ты уже можешь делать то, что считал невозможным. Теперь мне

нужно поработать одному. А ты можешь пойти подремать. Встречимся в Студии номер четыре через два часа.

— Этим методом, — пояснил Ксориэлль два часа спустя, когда Дэмми, отдохнувший и свежий, снова находился в катализаторе, — мы исследуем твои непосредственные физические и психические реакции на различные стимулы, проследим используемые при этом механизмы, а затем экстраполируем эти механизмы на самый широкий спектр действий. Предположим, мы начнем с чего-то простенького, например, с так называемых психосоматических заболеваний...

— Стоп, стоп! Не вздумайте привить мне тиф или холеру, чтобы поглядеть, как я буду с ними справляться! — воскликнул Монтгомери.

— *Психосоматические* болезни, Дэмми, это воображаемые болезни с реальными симптомами. Гипнотранс, пожалуйста, первый уровень.

Дэмми хотел было возразить, но веки его отяжелели и закрылись сами собой.

— Сейчас я коснусь твоей руки кончиком раскаленной до красна кочерги, — заявил Ксориэлль. — Но твоя рука обезболена, поэтому боли ты не почувствуешь.

— Эй, погодите... — начал было Дэмми, но произносить слова оказалось почему-то страшно трудно.

Затем он почувствовал мягкое прикосновение к руке, услышал шипение, вдохнул запах паленого.

— Можешь открыть глаза.

Монтгомери тут же глянул на руку. На руке красовалось уродливое красное пятно, которое медленно расширялось. Это был явный ожог.

— Чем вы в меня ткнули?

— А? Да просто пальцем.

— Раскаленным пальцем?

— Жара была лишь в твоей голове, мальчик мой. Ты был уверен, что тебя коснулись раскаленной кочергой, поэтому и вскочили пузыри. Я бы сказал, что признаки психосоматической болезни ярко выражены. А теперь мы просто сделаем этот имеющийся в наличии механизм доступным твоему сознанию... — где-то позади глаз Дэмми сверкнула яркая вспышка, — ...и ты обнаружишь, что можешь сам прикладывать кочергу к любой точке своего тела.

— Шикарно... — пробормотал Дэмми. — А я могу заставить ожоги исчезнуть?

— В любой момент. Только сконцентрируйся на этом.

— Если бы я только знал, что означает это слово, — отрыгнулся Дэмми.

Ксориэлль вздохнул.

— Мы же еще вчера загрузили в тебя словарь всех земных слов.

Дэмми перестал выпендриваться и сконцентрировался. Через две минуты ожог исчез, оставив пятнышко обесцвеченной кожи. Ксориэлль осмотрел его.

— Осталось некоторое повреждение ткани. Но оно исчезнет. Тебя пройдемся по всем известным признакам, возникающим чаще всего, таким, как головная боль, расстройство желудка, инфекция носовых пазух, артрит, шумы в сердце...

— Если вы планируете научить меня предотвращать приступы стенокардии, то давайте это пропустим!

— Механизмы, мой мальчик, механизмы. Вот что нас интересует. Если ты сможешь создавать сердечные приступы, воображая болезни сердца, то сможешь и управлять частотой твоего пульса, а это очень полезная способность.

— Осторожно, док! Если заиграться с моим организмом, то я могу впасть в кому, которая будет вовсе не психосоматической.

— Еще немного, — вздохнул Ксориэлль. — Я обо всем позабочусь, мой мальчик, только сиди молча и реагируй, как положено...

Дэмми почувствовал, как легкое прикосновение усика мысли чужака вновь поползло в его голове. Он уже привык к постоянному присутствию чужого разума в своих мыслях, но на этот раз усик вторгся грубее, чем прежде. Дэмми отбросил его. Но следующий зонт тут же оказался в той же точке, только более твердый, устойчивый, и не пожелал уходить. Дэмми сумел лишь отклонить его от намеченной цели и стал ждать окончания процедуры. Если Ксориэлль и заметил что, то и виду не подал.

В течение следующего часа он напускал в Монтгомери различные стимулы, иногда заставляя его отвечать, иногда удовлетворяясь лишь слабыми подсознательными реакциями. Дэмми при этом чувствовал боль, подергивание, тики и приступы по всех частях тела попеременно. Наконец, он с облегчением расслабился, когда наставник дал знак, что сеанс подошел к концу.

— Ну, как ты себя чувствуешь, мальчик мой? Заинтересовался изучением себя самого и разрешишь теперь перейти к самому полному сотрудничеству?

— Ну-у... — протянул Дэмми, — я даже и не знаю. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Все эти штуки, — фыркнул, передразнивая его Ксориэлль, — И так далее... И все такое... Отчасти... Более или менее... И т.д. и

т.п. Э-э, гм-м, о-о!.. Я имею в виду. Я предполагаю. Дамокл! Будь так любезен, избавь меня от этих неопределенных, полусформированных многословий и лингвистического варварства. Изъясняйся точнее!

- Может быть, – безразлично ответил Дамокл.
- Я разочарован тобой, Дамокл, – сказал Ксориэлль. – Ты до некоторой степени не соответствуешь моим ожиданиям.
- Вы разбиваете мне сердце, – сказал Дэмми и зевнул.
- У здешней расы, кажется, есть одна главная слабость: умственная лень, из-за которой никогда не будет реализован ваш полный потенциал.
- Конечно, док. У каждого свои недостатки.
- Гм-м... Ну что ж, тогда продолжим. Сейчас мы проверим передачу мыслей на расстоянии. Очисти свой ум, пожалуйста, и подготовься к трансу второй ступени.
- Никогда я не верил в телепатию, – проворчал Дэмми, но все же закрыл глаза...

В голове серый туман. Случайные, расплывчатые картинки. Удивлюсь я, если он сумеет прочесть мои мысли? Ну, так подумай же о чем-то. Скоростные автомобили. Спагетти на ужин. Гонки на приз солнечным днем...

Что-то вошло в голову, Что-то новенькое, внешнее по отношению к разуму Дэмми, но не обычные осторожные усики, к которым он уже привык. Нет, это нечто перемещалось в голове, изменялось, пока не превратилось в слова:

Как слышишь меня, Дэмми?

– Эй! – сказал Дэмми.

Не говори словами. Думай!

Раз, два, три, сопли подбери. Абракадабра какая-то. Какой величины нужно полено, чтобы убить североамериканского сурка? Ути, бути, фрули, друли...

Дамокл! Сосредоточься. Передавая мысли... И слушай... Ты...

– Фигня какая-то, док! Я...

Молча!

Осторожно, избегая соприкосновения с громоздившейся у него в голове чуждой формой, Дэмми протянул призрачную нить. Сначала неуклюже, но затем со всем усиливающейся уверенностью. Он почувствовал, как по этой нити течет электрический ток, окаймляя смутный силуэт, пульсирующее свечение мыслей, которое являлось Ксориэллем, и проследил движение нейроимпульсов к их источнику. И тут внезапно перед ним развернулось необозримое пространство, он увидел всю сложность сетей, почувствовал по-

токи и импульсы энергии, ощущал бесконечно сложный образец, матрицу лежащую в основе поля сознания...

Он включил свое внимание и фотографическую память, и теперь легко просканировал новый обширный массив данных, раскинувшийся перед ним, сохранил его в дальних закоулках сознания и задал мнемосхему извлечения. Затем вышел...

…приложи немножко усилий, чтобы сотрудничать, говорил тем временем Ксориэлль. Я уверен, что ты способен на большее, мой мальчик! Пару раз я почувствовал, что почти обнаружил твое невнятное психическое бормотание, словно вот-вот наступит прорыв и... Но это неважно: тебя нельзя винить в твоих генетических недостатках. И все же, если бы ты потрудился получить...

— А чего я должен трудиться? — вслух проворчал Дэмми. — У меня от этого чешутся задние стенки глазных яблок.

Мотивации, с отвращением подумал Ксориэлль. Вот чего тебе не хватает, Дамокл. Ты просто не хочешь добиться успеха!

— А когда мы доберемся до той части, где меня научат жить вечно?

— Да в этом-то нет ничего сложного, — огрызнулся в ответ Ксориэлль. — Это просто вопрос сотовой психологии, объединенной с идентичностью и управляемой репликацией. Твоя заинтересованность в тривиальном не делает тебе чести, мой мальчик.

— На кого же мне пытаться произвести впечатление? — невинно спросил Монтгомери. — Я не просил, чтобы меня положили под микроскоп...

— Хватит! Достаточно! — закричал Ксориэлль. — Наверное, я слишком стар и устал. Я видел много таких, и тщетность моего дела иногда одолевает меня. — Он, казалось, с усилием взял себя в руки. — Давай-ка работать, Дамокл! Инструкции требуют заполнения психопрофиля, так что давай продолжать.

Следующий час Ксориэлль напрасно пытался выявить своими приборами хотя бы мимолетные признаки телекинетических способностей, скрывающихся в неиспользованных разделах мозга Монтгомери. Он проверял потенциальные мощности своего объекта для предсказаний ближайших событий, для связи с альтернативными плоскостями существования, для многомерного мышления, управления сдвигами времени, передачей и дублированием материи.

— Ничего, — сказал он, наконец. — Это просто невероятно! Ты психический идиот, дебил экстрасенсорики, Дамокл, что совершенно ненормально!

— Да? — парировал Дэмми. — А ты, старик?

— Приношу извинения, Дэмми, — вздохнул Ксориэлль. — Я просто разочарован. Я надеялся... А. неважно! Личной теске нет места в Галактической политике. Давай на сегодня закончим. Завтра у меня есть несколько последних задач, а затем...

— И что затем?

— Затем мое задание выполнено, — оживленно сказал Ксориэль и улыбнулся ненатуральной улыбкой. — Ты должен простить мою вспышку. Все признаки заставляли меня ожидать от тебя большего. Но не твоя вина, если им было не суждено осуществиться. Фактически, в целом, ты добился удивительных успехов. Ты успешно поглотил впечатляющее количество информации, парень, причем без влияния на твой личный характер. Несмотря на способность пересказать любую книгу в мире дословно с начала или с конца, прочитать лекцию по любому известному Человечеству предмету, несмотря на то, что ты превзошел бы по всем статьям чемпиона по любому виду спорта на планете, ты остаешься простым, неиспорченным молодым человеком, которым был, когда я выдернул тебя из сточной канавы...

— Может, и так, — перебил его Дэмми. — Но я вот волнуюсь, что все это станет мешать моей нормальной жизни.

— Обычной, Дамокл.

— Допустим, я хотел сказать именно «нормальной»? Вы бы согласились с этим?

— Едва ли! Это же варварское существование.

— Но «обычная» жизнь — это просто испорченный термин «нормальная», знаете ли.

— Конечно, знаю. Я с некоторым интересом следил за развитием ваших языков.

— Расскажите мне о том, как римляне покинули Великобританию, — неожиданно попросил Дэмми.

— Это было еще до моего появления здесь. Я знаю об этих событиях лишь по слухам. Вот у моего предшественника были некоторые захватывающие истории.

— А как насчет открытия Америки?

— В то время я был лишь простым техническим специалистом, присоединившимся ко Второй Разведывательной Миссии.

— А когда здесь появилась Основная Миссия?

— Некоторое время назад, мальчик мой, некоторое время назад. Ты бы удивился погрешностям исходных оценок.

— А что о том, когда Колумб открыл Соединенные Штаты в 1942 году?

- Ты щутишь, — мягко прокомментировал его слова Ксориэль.
- Даже ваши собственные близорукие исследователи считают, что Америку евразийцы посещали много раз до формальной даты открытия.
- Безусловно, — кивнул Дэмми. — Израильяне, финикийцы, викинги, например.
- И они, а также полинезийцы...
- Да, но Колумб был первым цивилизованным исследователем, который специально искал ее.
- Многие твои термины требуют более четкого определения, Дэмми. Но, в сущности, конечно, ты выражашь культурное пристрастие к членам собственной этнической группы. Что весьма естественно и ни в коей мере не компрометирует тебя. Хотя отчасти ограничивает.
- Так кто же на *самом деле* открыл Америку? Я думаю, что индейцы, — ответил он сам на свой вопрос. — Но что они сделали с ней? Ничего. Я не поклонник «благородных краснокожих». Они всего лишь простые представители *Homo sapiens*. Простые парни, без всяких заморочек.
- А ты когда-нибудь думал о том, почему первые писатели, столкнувшись с ними, все как один называли их «краснокожими»? В конце концов, точно установлено их родство с выходцами из восточной Азии, но никто никогда не называл китайца или там эскимоса «краснокожими». Никто, кроме политиков, конечно.
- Вы победили меня
- Ну-ну. Тогда подумай о следующем: Сто шестьдесят три тысячи лет назад подгруппа, известная как «белая раса» или «белые люди» внезапно возникли из обобщенного исконного вида, обитающего на юге Средней Азии. Они были наделены комплексом превосходства — не просто доминирования, но фактической демонстрацией своего сверхчеловеческого превосходства, которое являлось новым понятием в их мире. Тот, кто хотел доказать, что он действительно сверхсуществование, частенько становился сверхуспешным ученым, потому что в поисках таких доказательств неизбежно начинал исследовать свою психосферу и натыкался на новые пути исследований. Таким образом, малочисленная группа людей с бледной кожей, окруженнная расами явно иных типов, инстинктивно относившихся враждебно к этим уродцам и глумившаяся над ними, заставляла их развивать в себе те черты, которые окружающие презирали, но которые как раз и являлись знаками превосходства. И вот они вознамерились доказать свое превосходство на деле. Вскоре они распространились по всей умеренной зоне евразийского континента, хотя

не пересекали море Тетис и не вторгались в Африку. В Европе они стали самыми сильными, тогда как в Азии постепенно терпели поражение. Айны и несколько других изолированных анклавов представляют их остатки.

— Но как тогда получилось, что они стали индейцами?

— А, да. Признаю, я несколько потерял нить рассуждений. Эмиграция через Берингов пролив имела место приблизительно тридцать одну тысячу лет назад, в тот же период исчезли чрезмерные одеяния. Вспомните, что у европейцев Периода Открытий не было обычая загорать. Они жили всю жизнь, покрытые плотными одеждами, и понятия не имели о загаре. Тогда было естественно, что в Восточной Азии господствовали племена с белой кожей. Таким образом, первые прибывшие в Америку «индейцы» тоже были белокожие. Они стали распространяться на восток через Скалистые горы и Великие равнины в поисках лесов, которые всегда предпочитали, которые их соплеменники нашли в Европе и Северной Африке и которые иммигранты, разумеется, обнаружили лишь на восточном побережье. Лишенные поддержки родины и общества, они вернулись к более примитивному образу жизни, несмотря на свои большие вигвамы и орудия труда, и когда они невольно начали загорать, то поражали ярко-розовым цветом кожи. Отсюда и пошло прозвище «краснокожие».

— А я слышал, их так прозвали потому, что они мазали лица красной краской, — возразил Дэмми.

— Смелая теория, но недостоверная. Взгляни на портреты Массасуита или Покахонтас. У них «европейские» лица. Разумеется, наступление азиат продолжалось, и те, кто следовал за первой волной, растворил в себе и поглотил первых посетителей восточного побережья. Хотя и по сей день индейцы-могавки, алгонкины и прочие выказывают значительно меньше восточных черт, чем, например, навахо.

— И что с того?

— Порассуждай сам, мой мальчик. Наверное, я слегка возбужден от всех этих обстоятельств, ты должен меня понять.

— Каких обстоятельств? — нахмурился Дэмми. — Только не говорите, что чувствуете себя немного виноватым из-за того, что поймали меня.

— Нисколько, мой мальчик, нисколько. Но, как я уже указал, моя работа с тобой, в сущности, завершена...

— Значит, вы вернете меня в Чи и позволите мне заниматься своими делами, верно?

Ксориэлль неодобрительно скривил губы.

– Но ты же должен понимать, что это невыполнимо, Дамокл. Я не могу выпустить тебя к твоим соплеменникам, со знаниями того, что ты знаешь теперь.

Дэмми облизнул губы и слегка дрогнул.

– И что это должно означать? – голос его слегка дрогнул.

– Ну – помимо полученных здесь секретных данных, – ты стал бы виртуальным суперменом. Я содрогаюсь, когда думаю, какое влияние ты бы оказал на организованное развитие своего мира. Мир не готов к тебе, Дамокл.

– Эй! – воскликнул Дэмми. – Надеюсь, вы не планируете увезти меня с собой, куда-нибудь за триста световых лет отсюда?

– Конечно, нет, мой мальчик. Успокойся. Ты останешься и будешь предан земле прямо здесь, в своем родном мире.

– Останусь? – прохрипел Дэмми.

– Ты же умный парень, Дамокл, – успокаивающее сказал Ксориэлль. – Разумеется, ты понимаешь, что это единственное возможное решение.

– Устранение? – Дэмми попытался заставить себя не стучать зубами.

– Устранение, – согласно кивнул Ксориэлль.

– Когда? – прошептал Дэмми.

– Не раньше завтрашнего дня, мой мальчик. А теперь хорошенъко поужинай, выпей стаканчик-другой для успокоения, и спокойной тебе ночи... а также – вечности.

– И что я на это могу сказать? – эхом отозвался Дэмми. – Только то, что это воняет! Выпустите меня отсюда, обманщик! Вы сами проделали со мной все это, а теперь хотите «устраниить» меня, как отработанный материал! Ничего себе приятель! Хорош же хозяин! Но вы не выйдите сухим из воды. У меня осталось еще несколько друзей, не говоря о законах против похищения и убийства. Вас все равно найдут и поймают федералы!

– Доброй ночи, Дэмми, – очень тихо ответил Ксориэлль. – Я уверен, что мы оба устали.

Удобно устроившись в постели, с головой на пушистых подушках, Дэмми нетерпеливо обдумывал свое положение. Весь день он ждал этого момента. И теперь, пристально исследуя свои внутренние чудеса, он вспомнил другую ночь...

Начал он нерешительно, мысленно трогая пальцами темную массу управляющего устройства Ксориэлля, а затем пойдя дальше, следя широкими проспектами, которые постепенно сужались, отказываясь от шаблонной логики, которую поглотил, очарованный чудесами, в пользу того, что обнаружил здесь, неиспользованным,

в своем собственном разуме. Глаза его были открыты, руки заложены за затылок. Он впервые мельком взглянул на декоративный потолок. На нем, от центрального выступа расходились очень сложные, запутанные узоры. Следуя импульсу рассмотреть их повнимательнее, он воспарил вверх, небрежно отбросив в сторону легкое одеяло. Выпуклый центр, как он увидел с близкого расстояния, был трехмерным аналогом градиента гравитации, сосредоточенной в типичной черной дыре. Удивительно подробно были показаны аномалии турбулентности, типичные для этого явления. Дэмми парил в метре от раскрашенного гипса потолка и мельком заметил, что дрейфует к западной стене комнаты со скоростью 0,73 метра в секунду, несомый slaboy циркуляцией воздуха из вентиляционной системы. Тогда он рванулся вперед и остановился, чуть-чуть не врезавшись в стену.

Нужно быть поосторожнее, сказал он себе, затем понял, что висит, ничем не поддерживаемый, в четырех метрах от пола, и тут же очутился в кровати, закрытый одеялом до подбородка.

Ничего себе! Телепортация! – мелькнуло у него в голове. *Святой дым! Я что, сплю наяву, или, может, на самом деле...* Он выбрался из-под одеяла и поднялся на десяток сантиметров, по-прежнему лежа на спине, и быстро облетел комнату. Да, подумал он, с трудом справляясь с волнением. *Да, я на самом деле МОГУ! И держу пари...* Он снизился на кровать, закрыл глаза и расширил свое сознание, по коридору, затем вниз по шахте лифта на нижний этаж, где оживленно трудился Ксориэлль, нажимая тонкие клавиши устройства, в котором Дэмми опознал коммуникационный модуль «Марк IV, серии 2769». Немного озадаченный Дэмми полетел мысленно дальше, просканировал всю станцию, осмотрел все укромные уголки и закоулки, отметив много удивительных элементов, которые стоило бы исследовать позже. Затем *расширил* сознание еще дальше, через зимнее море, нашел материк и рванулся над ним в Чикаго. Летая над городом, он узнал контуры своего родного квартала, опустился пониже, сфокусировался на темной улице, где жила Дженни. Нашел ее дом, пустой и темный. Просматривая все вокруг, нашел ее саму – распознал ее уникальное присутствие каким-то методом, который сам бы не смог описать, и почувствовал ее потрясение, страх и отчаяние. В чем тут дело? Дэмми изменил фокус видения и обнаружил, что она находится на заднем сидении машины между двумя странными людьми. Еще один человек – сам Чико – сидел за рулем. Автомобиль быстро несся по темной улице. Дэмми слегка перебрал лабиринт страхов и принуждений, каким

являлся разум Чико, и внушил ему импульс к действию. Чико тут же затормозил, подрулил к обочине и выключил зажигание.

— Эй, ты чтотворишь, гниль? — прорычал человек справа от девушки, и в руке у него появилась пушка.

— Погоди, Фрэнки, — заскулил Чико. — Я тут подумал: почему бы нам не ограбить ее прямо здесь? Я имею в виду, заберем все, что у нее есть, а саму порежем на кусочки...

— Заткнись, — рявкнул Фрэнки.

Другой мужчина на заднем сидении склонился над Дженнини.

— Эй, Фрэнк, может, не стоит ехать дальше? — негромко сказал он. — Давай просто уйдем и оставим этого дерьямака с бабой. Большому Джейку явно будет наплевать, уйдем мы с тобой или нет, а как сказал Чико...

— Я слышал, что сказал Чико, — прорычал Фрэнки. — Мы получили ясный приказ. Никто не может перейти дорогу Джейку Обтулизу. Успокойся, сестренка, — добавил он девушке, которая задергалась, пытаясь отстраниться от склонившегося над ней человека, который рассматривал ее. — Джейк велел, чтобы ты покаталась какое-то время с нами, пока мы не найдем того, кто попытался вмешаться в его дела. Это Чико видел Монтгомери у тебя, но упустил его. Так что теперь осталось незавершенное дельце. Поэтому веди себя спокойно, и с тобой все будет в порядке. Поехали дальше! — рявкнул он под конец Чико.

— Нет! — закричала девушка. — Я не стану помогать вам заманить Дэмми в засаду. Где он?

— Прямо здесь, Дженнини, послал ей в голову мысли Дэмми. Сомной все в порядке. Обомне не волнуйся. Делай то, что они говорят.

Она резко вскрикнула и откинулась на спинку сидения.

— Дэмми! Где... что?.. — заметались ее мысли.

Все в порядке, детка. Не пытайся ничего понять. Просто я научился новому приему. Как телефон, только гораздо лучшие.

Фрэнки потянул руку к девушке, и она резко отпрянула. Но он лишь почесал себе голову, искоса глядя на Дженнини.

— Поумнела, сестренка? — равнодушно спросил он.

— Да, — прошептала она. — Я сделаю все, что вы скажете. Но надеюсь, он не появится.

— Разумеется, он появится, детка. Вряд ли он сможет бросить такую куколку... — И он мерзко захихикал.

До свидания, Дженнини. До скорой встречи, куколка.

Лежа в кровати, Дэмми внезапно почувствовал, что устал до полного изнеможения. Он глубоко вздохнул и тут же уснул.

— Еще кусочек земляничного пирога? — радушно спросил Ксориэлль за завтраком.

— Конечно, — зевая, ответил Дэмми.

— Рад видеть, что твой аппетит не пострадал, — сказал старый джентльмен, подкладывая ему пирог на тарелку. — Но ты какой-то вялый. Ты не должен так уж переживать. В конце концов, ты был бы мертв еще несколько недель назад, если бы я не вмешался. Просто поздравь себя с тем, что ты имел массу удовольствий, хорошей еды и спокойного сна, практически, за пределами твоей жизни...

— Почему-то такая мысль не воодушевляет меня, — ответил Дэмми.

— Гм-м... Ты действительно выглядишь усталым. Может, наш вчерашний разговор и был неуместен. Признаюсь, я потерял умение сочувствовать низшим формам жизни.

— Если уж речь пошла о низших формах жизни, — небрежно сказал Дэмми, — то какой отчет о Роде Человеческом вы намереваетесь сделать, основываясь на изучении меня?

— Н-ну... Ничего необычного. Средняя разновидность на стадии становления, с обычными скромными мощностями и стандартными функциями...

— И как бы мы были квалифицированы в качестве граждан Согласия?

— Гм-м... десятый класс, скорее всего, совершенно респектабельная категория, состоящая, в основном, из функционеров, бюрократов и стандартных исполнителей с небольшим представительством в занятиях кустарным промыслом. — Ксориэлль отодвинул свой стул. — Думаю, теперь мы можем перейти к текущим делам. Итак, мой малычик, если ты готов...

Дэмми остался сидеть.

— Я не готов, — заявил он.

— О, ты, конечно же, не собираешься устраивать мне тут сцен? — с сожалением в голосе сказал Ксориэлль. — Тебе необходимо с достоинством принять неизбежное...

— Я надеюсь, вы правильно представляете себе смысл слова «неизбежность», — спокойным голосом сказал Дэмми.

— Что? — вскинул голову Ксориэлль. — В свете твоих новых знаний, тебе должно быть ясно, что это — единственное логичное решение.

— Мне это было ясно с первого же дня, — кивнул Дэмми.

Ксориэлль поднял брови.

— Тогда к чему эта внезапная демонстрация нежелания?

— Мне кажется, самое подходящее время сообщить вам, что произойдет изменение планов.

- Вот как? И что это может быть за изменение?
 - Я не собираюсь умирать сегодня.
 - Послушай, Дамокл, если мы отложим это на завтра, то просто продлим психологическое мучение, которое ты, кажется, испытываешь...
 - Я отложу это на неопределенный срок.
- Ксориэлль покачал головой.
- Боюсь, это будет весьма непрактично. По расписанию у меня стоит срочное закрытие станции и быстрый отъезд домой. Поэтому, даже если бы я захотел потакать тебе...
 - Я предлагаю, чтобы вы отложили разрушение станции.
 - Могу я спросить, зачем?
 - Она вам понадобится.
 - Понадобится мне... Послушай, Дэмми, – уже раздраженно сказал Ксориэлль, – этот фарс зашел уже слишком далеко...
 - Согласен. Соответственно, вы откажетесь от идеи уничтожать меня и будете продолжать мое образование.

Ксориэлль уставился на Дэмми пустыми глазами, затем кивнул.

- Понятно. Страх перед устранением свел тебя с ума. Как это неудачно, мой мальчик. А я-то надеялся, что ты уйдешь в веселом настроении, без всякого недовольства, наслаждаясь новым, заключительным опытом. Но, боюсь, теперь мне придется использовать силу...

Дэмми почувствовал прикосновение мысленных усиков наставника к своей аорте, но не стал противодействовать им, а просто использовал их, как мостики, для проникновения в мозг инопланетянина.

Это причинит вам гораздо большую боль, чем мне, сказал он мысленно. *Не пытайтесь продолжать вмешиваться в мой метаболизм.*

Потрясенный Ксориэлль на мгновение застыл, но тут же сорвался и нанес ответный удар. Его психоника послала импульсы в поле сознания Монтгомери – и пораженно наткнулась на непроницаемый барьер. Дэмми почувствовал, как чужие мысли сматываются обратно, ошеломленные ударом.

– Это было предупреждение, – холодно произнес он вслух. – Теперь мы закончили?

– Ты совершаешь большую ошибку, – отрывисто сказал Ксориэлль. – Ты не можешь делать этого! Ты навлечешь на себя гнев Галактического Согласия и...

– Не думаю, что это будет хуже, чем мое мирное устранение, – отрезал Дэмми. – Так вы станете сотрудничать?

И он вторгся в тонкую настройку центрального сенсорного модуля чужака. Ксориэлль взвизгнул.

— Что ты хочешь от меня? — дрожащим голосом воскликнул он.
— Вы показали мне не все нижние уровни станции. Давайте посмотрим их.

— Послушай, Дамокл, — сурово сказал Ксориэлль. — Это правда, что ты ухитрился возобладать надо мной, используя свои варварские речевые обороты, но...

— Я могу использовать и ваши речевые обороты. Перестаньте юлить, док! Хззппт!

— Весьма умно, мой мальчик, — задумчиво сказал инопланетянин.
— Ты смог запомнить фразу С-3. Но знаешь ли ты, что она значит? Ты только что угрожал развесить мои кишki по стенам в качестве художественных украшений.

— Почти так, — согласился Дэмми. — Теперь я понимаю, почему вы сначала были немного нетерпеливы со мной. Вы заранее знали, чем все закончится, так что давайте сэкономим время, опустив ритуальное сопротивление. Сззхл!

Ксориэлль изящно содрогнулся.

— Надеюсь, все в духе науки?..
— Нет, только забавы для. Например, вот так...

Дамокл на мгновение нахмурился, и Ксориэлль, издав резкий визг раскрылся пополам до самого центра. Блестяще-серое формирование внутри человекоподобного костюма яростно дрожало. Дэмми еще раз нахмурился.

— Кьюизлмп! — прошипел он.

Ксориэлль закрылся и поправил галстук.

— Не надо сопротивляться, — вновь попросил Дэмми.

— Ну что ж, ты продемонстрировал мне, что изучил пару приемчиков, — сказал Ксориэлль. — Конечно, на этом и все. И что теперь? Тормерирование меня не даст тебе ничего, так что, я думаю, пора тебе остановиться и как следует подумать над следующим шагом. Ты по-прежнему зависишь от моей доброй воли, Дэмми и, к счастью для тебя, я весьма терпелив. Я не испытываю никакого недовольства за недостойные события последних нескольких минут. Чисто ребяческий жест, порожденный, несомненно, твоим внезапным осознанием, что все твои штучки грома ломаного не стоят. Но не думай, что мое доброжелательство может длиться вплоть до измены Согласию. Ты сказал так небрежно про изучение нижних уровней. А я говорю: «Никогда!»

— Что никогда? — тихонько спросил Дэмми. — Сххззпт!

— Никогда! Низшие — вернее, мне следует сказать «формы жизни на стадии становления» — но к чему волноваться из-за таких эвфемизмов? Ты даже мельком не увиши систематизированную область, хотя все равно ничего не поймешь, даже если увишишь.

Монтгомери нанес резкий удар по основному двигательному узлу своего учителя, заставив достойного старого джентльмена дико запрыгать...

— Ну, почему ты хочешь пойти шариться в хранилищах? — заорал он. — Там нет ничего, касающегося тебя! Ты ничего не поймешь!

Я рискну, мысленно передал Дэмми на языке Согласие-четыре, очень сложном диалекте, зарезервированном для официальных случаев высшей безотлагательности.

— Ты обманул меня! — задохнулся Ксориэлль. — Ты *на самом деле* поглотил весь разговорник!

— Истинно так.

— Ты солгал мне!

— Весьма точно.

— Ты все скрыл! — выкрикнул инопланетянин с начинающим брезжить в его уме осознанием. — Ты притворился, что у тебя весьма тупой ум, и все это время таскал файлы, рылся в библиотеке, обманывал меня!

— Точно, хотя и не в совсем правильной последовательности.

— Безусловно, мой мальчик. Ты освоил ядерную физику, примитивные космические разработки, хирургию головного мозга и другие странные народные промыслы, но все это, увы, не вызвало появление ни одной из тех случайных возможностей, на которые я так надеялся. Ты даже не подумал обо всей сложности общества, в который наивно надеялся проникнуть незамеченным. Скажи мне, например, чтобы ты сделал, если бы перед тобой внезапно появился *раттат Трииарч Грее в дастаник-режиме?*

— Я дал бы ему аккорды категории девять с изящными вариациями.

— Немного развязно, мне кажется, — рассеянно прокомментировал Ксориэлль. — А как насчет осложнения гламорфа состояния восемь, стесненного ринопсами, при выходе из трансорбитального вектора в точке 8076.31 (с капелькой б). Каковы были бы твои действия?

— Непосредственный отзыв документации от всех векториальных мандрагор фазы три и шире.

— Конечно... но я имел в виду твою личную реакцию на сцене.

— Я полагаю, класе в режиме Арфентал будет достаточно, — небрежно ответил Дэмми. — Меня немного беспокоит резонанс фазы векториального диапазона, но, как я понимаю, моя заготовка в любом случае находится в допустимом режиме.

— Дамокл! — взорвался Ксориэлль. — *Что, когда, как* ты мог уз-
нать все эти вещи? Это же окончательная категория, доступная
только функционерам влияния Зриит, чтобы быть наверху только
при обстоятельствах класса вииб!

— Если вы вспомните абзац 1117В3972-Н-144 с приложениями,
то, я думаю, вы сочтете ситуацию закрытой, — спокойно ответил
Дэмми.

— М-м-м... Но это же означает...

— Верно.

— Но почему? Почему?

— Из любопытства.

— Я недооценил тебя, — прохрипел Ксориэлль. — О, как я тебя
недооценил! И недооценил я не только твой разум, но и твою хи-
тровость и способность к двуличности! Мое самое глубокое зондиро-
вание твоей души показало, что ты, в духе своей культуры, уважа-
ешь честность, искренность и прямоту.

— И вы решили использовать мою наивность в своих интересах,
чтобы выдавить из меня все полезное, как из тюбика зубной пасты,
а затем выкинуть.

— Ну-ну, Дэмми, это слишком уж резко.

— Можете добавить это к вашему отчету, — ответил Дэмми. — Мы
не собираемся оставаться беспомощными из-за наших достоинств.

— Какой цинизм!

— Совершенно верно. Теперь, когда мы все выяснили, идемте?
Вы знаете, куда.

Ксориэлль неохотно спустился вместе с Дэмми вниз на лифте на
служебные уровни. Здесь он остановился, чтобы попытаться еще
раз поговорить с ним, но Дэмми пустил быстрый импульс в свой
центр боли, который по-прежнему был связан с чужаком. Ксориэлль
отпер дверь безопасности — замок ее открывался лишь его лич-
ными альфа-ритмами — и пошел впереди вниз по узкой лестнице.

— Дамокл, здесь хранятся материалы, которые относятся к без-
опасности Согласия, но не имеют никакого значения или хотя бы
интереса для тебя. Зачем тебе проблемы с могущественным аппа-
ратом контрразведки Согласия без всякой пользы для себя? Ты по-
хож на мелкого воришку, который лезет в местное отделение ФБР,
чтобы украсть какую-нибудь мелочь.

— Зпптлт! — ответил Монтгомери. — Не тормозите, док. Давайте
начнем с раздела Кью-2786.

Ксориэлль повернулся и дикими глазами уставился на своего
бывшего ученика.

— Что... Как ты мог что-то узнать о разделе Кью?

— Да неважно, как. Главное, что я знаю. Идем дальше. Нет, тут направо.

— Дэмми, послушай, я умоляю тебя. Ты уже сделал нечто, в возможность чего я бы ни за что не поверил. Ты заставил меня провести тебя в сектор М. Понимаешь ли ты, что одного этого уже достаточно? Ты владеешь такими способностями, как ни один человек, и мог бы уйти жить в своем обществе и осуществить там все свои мечты. Даю тебе слово, что я отпущу тебя живым и невредимым в Чикаго и не стану преследовать. А также исправлю все записи, чтобы рассеять любые подозрения в нашем главном офисе. Это болезненный удар по моей гордости, но ты не представляешь никакой угрозы Согласию, так что совесть моя чиста. Ты вернешься домой, и я тоже.

— И что мне там, по-вашему, делать? — небрежно спросил Дамокл. — Открыть чартерное агентство или делать карьеру от рядового сотрудника до самого главного босса?

— Можно и так, — неопределенно ответил Ксориэлль. — возможности у тебя безграничны. Например, если ты применишь философию поло к фондовому рынку... Ну, выводы тут ясны.

— Конечно, ясны, — сказал Дамокл. — Но к чему беспокоиться об этом? Видите ли, в рыночной игре лучше подошли бы топологические методы, чем стратегия поло.

— Да? Ну, ладно. Такой междисциплинарный подход сделает тебя через несколько недель мультимиллиардером.

— Деньги, не единственная желаемая цель, — сказал Дэмми. — Это лишь смазка для лучшей деятельности — и не более того.

— Ты продолжаешь удивлять меня, Дамокл.

— Я что, противоречу сам себе? Ну, ладно, я противоречу себе. Я ведь такой большой и сложный, — процитировал Дэмми и добавил: — Странный парень этот Уитмен.

— Позволь мне побывать одному, — умоляюще сказал Ксориэлль.

— Если игрок плохо владеет эндшпилем, — вновь процитировал Монтгомери, — то может проиграть игру, которая могла бы быть выиграна, если бы он знал, как ее завершить.

— Гм-м... Но какое отношение нынешнее осложнение имеет к шахматам? — раздраженно спросил Ксориэлль. — Ладно, все это неважно. Ты задумал игру, как измененную защиту Филидора или...

— Вот именно, или, — ответил Дэмми. — А теперь дайте мне здесь всего лишь несколько минут, док. Обещаю ничего не портить.

Ксориэлль поглядел на стены, покрытые стеллажами картотеки.

— Я не понимаю, что ты собираешься здесь делать, Дэмми, — сказал он покорным тоном.

- Верно, — сказал Монтгомери. — Не понимаете.
- Ксориэлль пристально поглядел на него.
- Ты победил, Дэмми. Теперь у тебя есть все, на что ты надеялся в своих самых диких мечтах о славе. Разумеется, теперь ты хочешь вернуться в свое общество. Я умоляю тебя просто принять свою удачу с радостным криком и уйти. С нынешними знаниями законов, медицины, психологии и так далее, у тебя никогда не будет никаких беспокойств, неисполненных желаний или проблем. Подумай об этом и уходи!
- Что-то вы слишком уж спешите избавиться от меня, док.
- Посмотри на меня, парень, и подумай, — огрызнулся Ксориэлль. — Я ведь могу дать тебе знание трансмутации материи. Хочешь? Тогда ты сможешь наделать себе дублонов, двуглавых орлов, пятицентовиков, изумрудов, рубинов и всего, чего душа твоя пожелает...
- Хорошая попытка, док. Но я на это не куплюсь.
- Предупреждаю тебя, Дэмми. Если ты будешь и дальше шарить здесь, то осудишь себя на верную смерть.
- Успокойтесь, док. Мы уже разобрались в этом вопросе. Держу пари, у вас не осталось козырей.
- Может, и так, Дэмми, но если ты зайдешь слишком далеко, то испытываешь в полной мере гнев Согласия, который, уверяю тебя, ты не сможешь так легконейтрализовать, как справился с одиноким представителем, находящимся вдали от родины и к тому же весьма почтенного возраста. — Инопланетянин, казалось, подавил всхлип жалости к самому себе. — Я умоляю тебя! Бери все, что хочешь, и уходи. Только быстро!
- Я уйду, — сказал Дэмми. — Но сначала есть несколько деталей, которые я должен узнать, прежде чем успокоюсь и стану вести роскошную жизнь. Теперь вон в ту дверь.
- НЕТ! Не надо, Дамокл! Я подвожу черту...
- Вы ошибаетесь. Это я подвожу черту. Живо шагайте, док.
- Идя в указанном направлении, Ксориэлль пристально глядел на Монтгомери, словно был внезапно очарован лицом своего ученика.
- Дамокл, — хрюкло произнес он, — это невероятно. Ты перехватил у меня контроль над всей станцией. Но вот интересно, что ты намереваешься с нею сделать? Ее возможности ограничены, а функции узкоспециализированы. Может, мы поменяемся ролями и ты начнешь обучать меня?
- Это чушь, док. Открывайте дверь.

Инопланетянин мгновение колебался, затем открыл дверь и пошел дальше по слабо освещенному коридору. Дэмми шагал позади

него. Миновав полные всего необходимого хранилища, они пошли через помещение, набитое тихонько гудящей аппаратурой, на которой бодро мигали контрольные лампочки.

— Лучше проверьте инфраординарное извлечение синтача, — бросил по пути Дэмми, — и добавьте 0315 процента к оптимальному уровню дренажа.

— Безусловно, — сердито пробормотал Ксориэлль. — Я и сам это вижу. Дэмми, будь так любезен, кончай с этим фарсом.

— Прежде чем я куда-нибудь уйду, — ответил Дэмми, — мне будет нужен транспорт.

И он пошел через комнату с аппаратурой.

— Дамокл, нет!

Игнорируя уговоры Ксориэлля, Дэмми остановился перед дверью без всякой таблички, отметил ее тип, вспомнил нужный код, повернул ручку вправо, влево, влево, вправо, вправо, вправо, толкнул дверь и вошел в помещение за ней. Это была большая комната, выдолбленная в природной скале, с полом и стенами из расправленного камня. Большая часть ее была занята приплюснутым сфероидом, поделенным на радиальные сегменты и светящимся оранжевым, как мандарин. В углу позади него Дэмми увидел пластиковый пузырь с колесами и винтами, в котором он узнал циклер. Именно в этом аппарате Ксориэлль привез его на станцию.

— Ну, вот, — выдохнул Дэмми.

Он медленно обошел шестиметровый сфероид и обнаружил, что тот одинаков со всех сторон, не считая бесцветного диска полтора сантиметра в диаметре в центре одного из сегментов. Дэмми остановился, задумчиво оглядел находящийся перед ним сфероид, и закрыл глаза. *Тройка ник*, мысленно произнес он.

Машина, Межгалактический Марк XXXVIII, тип 4, дизайна зииб, вместимость 25 полных нидов, крейсерская скорость 876 световых, вооружения ноль, код доступа МБ-5, классификация ФООБ, Бюджетный класс 27 флеемов, заправка энергией полная. Только для служебного пользования, согласно Уголовному Законодательству V38. Код обслуживания 12-и.

— Да, — протянул Дэмми вслух. — Я хочу путешествовать в первом классе.

— В таком случае, парень, лучше приобрести себе в Чикаго «роллс-ройс» ручной сборки, — поспешно предложил Ксориэлль. — Кожаная обивка, коврики из шиншиллы, встроенный пульт управления... А еще лучше — маленький персональный реактивным самолет. Или стометровую «дизельную яхту», или даже наземный корабль с атомным реактором, который дает 200 километров в час

по земле, а может подниматься в воздух до высоты пятьдесят километров – универсальная машина, просто замечательная, хотя я бы не стал...

– Вам бы работать торговцем подержанными машинами, – бросил ему Дэмми. – Но я не собираюсь покупать ничего из предложенного вами, в то время как тут мне доступно кое-что получше.

– Дэмми! Не вздумай забрать мой циклер! Он принадлежит Согласию!

– Конечно. Как и я сам.

– Ну, Дэмми, ты несправедлив. Правда, я неправильно обращался с тобой, но откуда мне было знать?

– Не волнуйтесь, я напишу вам показания светящимися буквами, которые вы сможете использовать в своем военном трибунале.

– Дэмми! Я нашел решение! Ну, хочешь, я сделаю тебе копию «Бугатти-рояль» – ты же чувствуешь ностальгию по прежним временам! Полную копию модели 1930-го года (таких было построено только шесть экземпляров для глав государства). Говорю тебе «Бугатти-рояль», совершенно настоящий до последней детальки, но с двигателем девятого класса. Подумай о том, как ты проедешь на нем по улицам...

– Вы все еще считаете меня примитивом десятого класса, которого могут привлечь блестящие безделушки.

Ксориэлль бросил на Монтгомери укоризненный взгляд.

– Я уже признал, что ошибался в оценке, но это первый случай в моей практике, где испытуемый сознательно фальсифицировал результаты оценки, чтобы свести к минимуму впечатление о своих подлинных талантах.

– А как бы вы изменили свое мнение, в свете последних событий?

– Класс два, экстренный, – тут же ответил Ксориэлль.

– Значение?

– Потенциальная угроза Галактическому Согласию. О, разумеется, через много тысячелетий, – добавил Ксориэлль, – но политики Согласия всегда заглядывают в будущее.

– Вытекающие отсюда действия?

Лицо Ксориэлля стало серьезным.

– Ты допустил серьезную ошибку, Дамокл, обманув меня и скрыв свои истинные способности. Я еще мог бы понять и даже восхититься твоим гамбитом, если бы ты на этом и остановился. В таком случае твой мир был бы классифицирован, как ценный, хотя и мелкий источник рабочей силы, и соответственно администрирован. Разумеется, ошибка была бы обнаружена в свое время, но ты бы успел понаслаждаться весьма долгой, беззаботной жизнью,

пока административная подпрограмма нашла бы время и место для дальнейшего вашего развития. Конечно, это означало бы твое личное ограничение. Наверное... э-э... слишком большой жертвы пришлось бы ждать от представителя такой молодой расы...

– А теперь?

– Класс Два Экстра, влекущий за собой безотлагательные, решительные меры контроля, включая отбор населения, дабы устраниить нежелательные черты, такие, как агрессия, воображение, инициатива и тому подобное, сопровождаемый генетической сегрегацией и рассредоточения, чтобы породить расы, которые можно считать желаемыми. Или, в качестве альтернативы, стерилизация всей планеты...

– Звучит шикарно, – бесцеремонно прервал его Дэмми.

– Как видишь, здесь нет ничего интересного для тебя, – быстро сказал Ксориэлль, останавливаясь перед дверью. – Я предлагаю перейти в помещение трансмутаций. Конечно же, ты захочешь взять с собой несколько центнеров золота, а также достаточный запас алмазов, соответственно окрашенных и ограненных...

– Спасибо, но мне не нужны никакие товары, – ответил Дэмми. – Меня больше интересует вот эта штука. Как вы ее называете? Волшебная Тыква?

– О, я понимаю литературный намек. Очень удачно, мой мальчик. Но ты посчитаешь все это скучным, смертельно скучным...

– Меня интересует расстояние, по меньшей мере, в сто парсеков в этом направлении, – заявил Дэмми, указывая на корзину для бумаг в дальнем углу комнаты. – Понимаете? Вон туда...

– Но это же... Рядом с Денебом... и районной Штаб-квартирой Согласия на Тризме.

– Совершенно верно. И начать я хочу немедленно.

– Нет, Дамокл, нет! Ты не разбираешься в системе безопасности Согласия! Тебя разнесут на атомы в тот же момент, когда ты вторгнешься в подмандатную территорию Согласия!

– Но не в том случае, если вы дадите мне все коды распознавания и допусков.

– Я не могу этого сделать, мальчик мой! Это доступно лишь членам Согласия самой высокой классификации! Обнародовать даже часть такой информации влечет за собой смертный приговор, ретроактивный рождению!

– Ну, и кто теперь разыгрывает ритуальные возражения? – спросил Дэмми.

Ксориэлль сник.

— Ты совершенно прав, — сказал он упавшим голосом. — Смерть —ничто, много раз я жаждал ее. Но как бы ты воспользовался таким бессмысленным поступком? Команда Воскресения просто воссоздала бы меня и привлекла к суду за дезертирство. А вот боль — совершенно иное дело. Я просто не могу ее выносить. Я дам тебе информацию, которую ты требуешь? — вздохнул он. — Но, Дамокл, — и Ксориэлль очень искренне посмотрел на своего ученика, — ты совершаешь ошибку. Я не могу даже вообразить, что ты задумал сделать, оказавшись Там, — Он неопределенно махнул рукой куда-то вбок. — Но уверяю тебя, непрошенного гостя ждет в Согласии только мгновенное исчезновение.

— Выходит, я должен просто успокоиться и прожигать жизнь, ожидая, что будет: решат ли использовать нас в качестве послушных рабов на грязных работах или просто полностью устранит?

— Таковы методы Галактического Согласия, мальчик мой. В конце концов, как раса, поздно вышедшая на сцену Вселенной, вы вряд ли можете ожидать, что Вселенная будет соответствовать *вашим* пожеланиям.

— Боюсь, это звучит как-то нехорошо, — сказал Дэмми. — Поэтому я должен что-то сделать.

— Да ничего ты не можешь сделать, парень, — печально покачал головой Ксориэлль. — Послушай моего совета, согласись на роль сверхпосвященного на своей маленькой планетке.

— Вот что странно, — сказал Монтгомери. — Несколько недель назад я бы с радостью ухватился за это. Но теперь мне этого мало. Не интересно. Какой смысл играть в игрушки, когда вокруг начинается Всемирный Потоп?

— А-а, вот ты и начал пожинать первые плоды познания. Мир оказывается не таким простым, как казался когда-то. Простые ответы больше не применимы. — Ксориэлль снова вздохнул и бросил на Дэмми проницательный взгляд. — Ты выиграл этот раунд, — сказал он, — Но я еще способен вести торги. Даже сейчас я могу помочь тебе... а могу и воспрепятствовать.

— Осторожнее, док. Вас могут и ликвидировать за такие разговорчики.

— Дэмми, ты не сделаешь этого! Ты... ты просто не можешь! Ты же просто играешь со мной, притворяясь, что хочешь украсть Марк XXXVIII!

— А что бы вы посоветовали мне сделать, Ксориэлль? Вернуться в Чикаго и продолжать свою карьеру в качестве сыщика Маленького Джорджа?



— Дамокл, все богатства твоего мира твои! С твоими-то знаниями нет предела высотам, на какие ты сможешь подняться в своем обществе! У тебя в голове эквивалент всех сверхдокторских степеней в любых областях наук, перечисленных в вашей энциклопедии! Ты освоил все искусства, ремесла и навыки, созданные вашим народом, начиная с изобретения каменного топора! Весь мир ляжет к твоим ногам! Мы можешь вернуться домой и вертеть, как хочешь, твоими бывшими хозяевами! Почему ты отказываешься от всего этого?

— О, я даже и не знаю. Может, просто из-за ненависти к марсианам. Но это неважно. В любом случае, я хочу раскодировать Марк XXXVIII, — ответил Дэмми. — Ага, испробуйте-ка этот символ.

И он спроектировал сложный глиф на языке Согласие-12 в сознание своего прежнего нкастевника. Ксориэлль буквально задохнулся.

— Невероятно, — слабым голосом пролепетал он. — Я... Я вынужден попросить тебя повторить, я не совсем уловил нюансы четвертого порядка.

— Неважно, — ответил Дэмми. — Просто очистите матрицу кодирования, а я включаю ее сам.

Но... для чего все это? — запротестовал Ксориэлль. — Мне же будет очень неудобно пользоваться им...

— Вам больше не придется пользоваться им, Ксориэлль.

— Вы что, заберете мой корабль?! Мою единственную связь с родной цивилизацией?! Но вам же неизвестны тонкости управления им. Ты просто погибнешь, если попытаешься...

— Да не мелите чепуху, док. У вас же есть резервная копия на Специальном Уровне А. Или вы забыли?

— Ты знаешь и об этом? Но тогда...

— Верно, док.

— А знаешь, мой мальчик... в каком-то смысле, я почти что желаю тебе успеха. Уже много эпох сохранение статус-кво было целью высшей политики Согласия. Но признаюсь, время от времени я развлекался запрещенными мечтами, мыслями, которые непрощенными приходили мне в голову. Мысли о новом, свежем ветре, ворвавшемся в заплесневелые залы Галактической цивилизации через двери, распахнутые молодой, энергичной расой. Когда ты «не подошел» даже близко под параметры такой расы, я, признаюсь, испытал разочарование, разумеется, тут же подавленное. В качестве официального представителя Согласия, разве я мог содействовать восстанию против него? Но вот теперь... хотя я понимаю, что все твои усилия обречены на провал... Но все равно я чувствую, как во мне поднимается волнение. Это чувство Фве, которое никто не испытывал со времен царствования короля Ксозера. Возможно, так или иначе, каким-то образом... — Ксориэлль вскинул руки жестом капитуляции. — Но нет, это все бред. Ты ничего не сможешь сделать. Ты идешь навстречу своей смерти, Дамокл. Бесполезной, никем не замеченной смерти. Если, конечно, ты не передумаешь и не останешься, чтобы ублажить себя всевозможными чувственными удовольствиями все оставшиеся годы юности и невинности твоей расы.

— Меня озадачивает одно, док, — сказал на это Дэмми. — У вас здесь есть система сигнализации — резервное копирования. Как раз на такой случай. Но вы не послали донесение, которое привело бы сюда пару кораблей копов Согласия, чтобы схватить меня. Почему?

— И снова, мой мальчик, ты коснулся болевой точки. Говоря совершенно искренне, я не осмелился позвать на помощь по той простой причине, что моя работа с тобой была далека от официальной подпрограммы и явилась моей личной инициативой, в нарушении основных императивов политики Согласия... Политики, которую я прежде считал недальновидной, но жуткая польза которой стала теперь мне так горестно ясна.

— Спасибо за подсказку, — сказал Дэмми. — Я думаю, уже слишком поздно для невинности моей расы, — тихо добавил он. — Молодость у нас проходит так стремительно...

— Не городи чуши, Дэмми. В своих путешествиях я никогда еще не встречал расу, у которой был бы так высоко развит альтруизм — и сопутствующий ему синдром вины. Между прочим, математика наследования альтруизма весьма интересна, что ты уже, без сомнения, заметил.

— Конечно. И я полагаю, что в моем случае долю вины можно не брать в расчет. Я виновен в том, что подложил в пятом классе на стул миссис Домбровски жевательную резинку... и, возможно, еще в том, что работал сыщиком и шпионом на человека по имени Джордж Мартин. Хороший человек этот Джордж, вам бы он понравился... если бы только не оказалось, что вы должны ему бабки...

— Дамокл, я последний раз прошу тебя — даже не пытайся. Забирай циклер, вернись в Чикаго и вскоре все это покажется тебе лишь сном...

— Вы забыли о моем альтруизме, док. Стоит мне только подумать о том, что все мои потомки будут вкалывать на однообразной физической работе где-нибудь в Системе Эквл, присоединенные проводами к импульльному монитору... и у меня тут же пропадает всяческое желание веселиться и наслаждаться. Во всяком случае...

— Дамокл, ну, отнесись же ты к этому серьезно! Ты прекрасно знаешь, что лишь эйритес порядке квелт могут быть приспособлены для управления и контроля, иначе мы давно бы... Ну, впервые за Большое Десятилетие я веду этические споры, и с кем — с дикарем! Великолепно! Но, действительно, выкинь ты из головы свои безумные планы.

— Как-то вы сказали мне о чудесном секрете, — задумчиво сказал Дэмми. — Но я не отыщу его, если останусь торчать на месте.

Чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь, что он где-то там... – Он указал на корзину в углу. – И я собираюсь найти его.

Мысленно он прозондировал блокировку люка оранжевого сфероида, и тот бесшумно открылся. Подмигнув напоследок Ксориэллю, Дэмми вошел внутрь. Ксориэлль даже чуть наклонился, чтобы заглянуть в люк, словно не желая отказываться от своей роли наставника.

В сознании Дэмми всплыло содержание всех руководств, которые он ранее отсканировал, это было во многом, как вспоминание когда-то заученных, но давно забытых стихотворений. Слова и абзацы плавно всплывали у него в голове, словно на экране новостей, а он пассивно просматривал их. Там было все, до малейших деталей, касающихся управления фантастически сложной машиной – кораблем Согласия. И Дэмми не нужно было обдумывать каждое свое движение, правильные действия он делал автоматически, так же, как нога водителя автомобиля нажимает на тормоз, когда загорается красный сигнал светофора. За люком снаружи что-то кричал Ксориэлль, подавая советы и подсказки, которые Дэмми тут же убирал в дальний угол памяти, чтобы позже как следует проанализировать их.

– Я болтаю, точно взволнованный жених, – не замолкал, стоя у люка, Ксориэлль. – Я сам удивляюсь своим эмоциям, пробужденным текущими событиями. И я даже думаю, что три века жизни среди твоего народа повлияли на мои мыслительные и эмоциональные процессы.

– Ну, я думаю, что пока вы сидели здесь в изоляции, такие влияния были минимальны, – ответил Монтгомери.

– Я подолгу жил среди вас, Дэмми. Я следил за вашими успехами. Я изучал усилия первых поселенцев Северной Америки, а также жизньaborигенов Австралии до первых контактов с западной цивилизацией. Скорость вашего прогресса всегда поражала меня, но я даже не думал, что однажды один из вашей расы сможет одурачить меня в моей же сфере деятельности. Даже не думал об этом...

– Даже не думал, – эхом отозвался Дэмми.

Люк закрылся, и он остался один в лишенном характерных черт внутренности чужого корабля, со стенами, обитыми подушками. Тихонько он произнес надлежащую команду и почувствовал, как внешний люк надежно зафиксировался. Тогда он стал пробираться вперед, к месту управления кораблем.

– Ну, держись, Вселенная, – сказал Дэмми вслух. – Я иду.

The wonderful secret, (Analog, 1977 №№ 9-10), пер. Андрей Бурцев

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя

НЕПОДРАЖАЕМЫЙ ЛАУМЕР 3

БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ. Повесть 7

Time bomb, (Amazing Stories, 1965 № 8),

пер. Андрей Бурцев

МАШИНА ГРЕЗ. Повесть 57

The dream machine, (Worlds of Tomorrow, 1970, winter),

пер. Андрей Бурцев

ЧУДЕСНЫЙ СЕКРЕТ. Повесть 137

The wonderful secret, (Analog, 1977 №№ 9-10),

пер. Андрей Бурцев



Читайте в
следующем томе:

Джон Кейт Лаумер
«ЧУМА ДЕМОНОВ»

Дорогие друзья. Следующим будет второй том из двухтомника Кейта Лаумера. В него войдут роман «Чума демонов» и повесть «Грейлорн». Приятного вам ожидания!

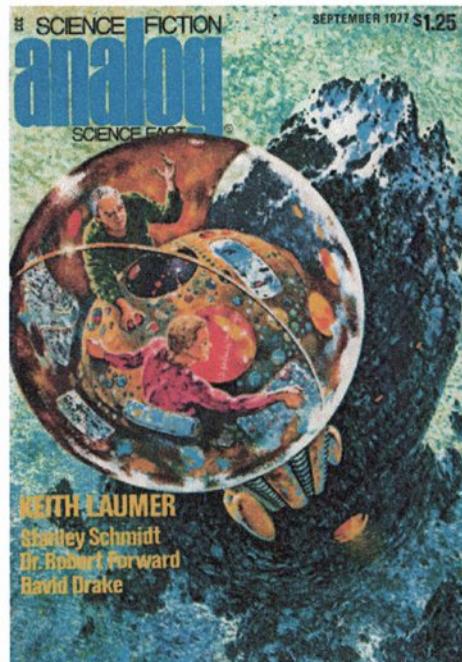
The collage includes several elements:

- A large illustration on the left showing a scene from "The Alhambra Room" by Keith Laumer, depicting a group of people in a room with a large wheel.
- A central magazine cover for "WORLDS OF SCIENCE FICTION" (November 1964). The title is "FATHER OF THE STARS • Interstellar Novella by FREDERIK POHL". Below it is "WORLDS OF SCIENCE FICTION" with the subtitle "Beginning this issue — THE HOUNDS OF HELL". It also features "Illustrations by BASH" and "Illustrated by BASH".
- An illustration of a man's face, labeled "OF TWO PARTS".
- A small illustration at the bottom right showing a man in a suit.
- Text at the bottom right: "They came not to destroy the human race but to protect it — and then snap off".
- Text at the bottom left: "I was ten minutes past birth now when I paid off my holics, decided to take the ice road from the sacred highground country as they wheeled back to speed, and looked down at the white, scintillating white, moonlit borders of the treasured crown-city of Tambobal, Republic of Free Africa. Marabout with were a clash of
- Credit lines: "BY KEITH LAUMER" and "Illustrated by BASH".



С

Библиотека англо-американской классической фантастики



KEITH LAUMER

Stanley Schmidt
Dr. Robert Forward
David Drake



КЕЙТ ЛАУМЕР

Бомба времени